

карательных мѣр! Ниже мы вернемся к объясненію этого противорѣчія, а пока посмотрим, какіе именно признаки считаются учеными криминалистами характерными для преступника. В числѣ их мы находим: слѣды старых ран, аномаліи кожи, ненормальное строеніе ушей и носа, слѣды татуировки. Есть еще и многіе другіе, которые имѣют также мало отношенія к духовному складу человѣка, как и эти, но, не обладая спеціальными познаніями в области анатоміи, мы не будем входить в их разбор. Ограничимся пока только перечисленными. Итак, прежде всего, раны: ясно, не правда-ли, что человѣкъ, у котораго есть слѣды старых, не может быть ничѣм иным, как только закоренѣлым преступником, особенно если он получил эти раны гдѣ-нибудь на работѣ, или рискуя своей жизнью для спасенія другого! До сих пор мы всегда думали, что преступленіе состоит скорѣе в нанесеніи ран, чѣм в их полученіи, но оказывается, что наука рѣшила иначе: преступник — тот, кто позволил себя ранить. Что-ж, нам остается только преклониться! Что касается ненормальной формы носа и ушей, то напрасно мы трудились над рѣшеніем вопроса о том, какое они могут имѣть отношеніе к свойствам человѣческаго мозга. Мало того: Ломброзо сам признает, что многіе из тѣх признаков, на которые он указывает, как на аномаліи, очень часто встрѣчаются и у тѣх, кого он называет людьми порядочными. Но вѣдь в таком случаѣ эти аномаліи являются общим правилом! А мы-то думали до сих пор, что аномалія, это — свойство, выходящее из общаго правила! Оказывается, что наука по Ломброзо говорит нам противоположное — печальное противорѣчіе, наглядно показывающее, как люди, спеціализировавшіеся на одном каком-нибудь вопросѣ, на одном уголкѣ науки, теряют в концѣ концов всякое ясное представленіе о цѣлом и стремятся только к одному: свести все к своей спеціальности.

Умиращее общество и Анархія

Жан Грав

1906

Глава IX Право карать преступленія и отношеніе к нему ученых

Современная наука твердо установила, что человек есть ничто иное как игрушка в руках действующих на него сил и что свободы воли не существует: среда, наследственность, воспитание, климатическія и атмосферныя вліянія оказывают на человека свое дѣйствіе, сталкиваясь и комбинируясь различным образом между собою; они управляют человеком и заставляют его вертѣться, как вертится волчок, пущенный рукою ребенка. В зависимости от наследственности, воспитанія и окружающей среды, человек будет больше или меньше подчиняться одним силам или сопротивляться другим, но во всяком случаѣ его нравственная личность будет создаваться под их вліяніем.

Однако, установив всѣ эти положенія, нѣкоторые ученые, во главѣ с Ломброзо, сдѣлали попытку показать существованіе особаго преступнаго типа. Они занялись опредѣленіем тѣх аномалій, которыя, по их мнѣнію, должны были быть свойственными этому воображаемому типу, долго обсуждали его различные признаки и, наконец, пришли к выводу о необходимости строгих наказаній, вѣчнаго тюремнаго заключенія и т. под. Казалось бы, что раз человек дѣйствует под вліяніем внѣшних причин, он не может быть отвѣтственным за свои поступки; ученые это признают, но это не мѣшает им говорить о необходимости

обстоятельства, что вы рискуете своею жизнью: вы дѣйствуете под прикрытіем защищающей вас вооруженной силы. Мы, борющіеся с господствующим классом, говорим судьям: признайте прямо, что вы его защитники, и оставьте нас в покоѣ с вашими громкими фразами; поддерживайте тѣ привилегіи, защита которых вам поручена, употребляйте силу, которую общее невѣжество дает вам в руки, но оставьте в покоѣ правосудіе и справедливость: они не имѣют ничего общаго с тѣм, что вы дѣлаете.

Чтобы мы могли как слѣдует оцѣнить вашу роль охотников, травящих звѣря, нам бы хотѣлось, чтобы вы как-нибудь попали, будучи невинными, в руки ваших сотоварищей-судей, которые бы стали в свою очередь судить вас. Вы бы узнали тогда, сколько тревог и мученій должны были пережить тѣ подсудимые, которые проходили перед вами и которыми вы играли как кошка мышкой. Под впечатлѣніем потоков прокурорскаго краснорѣчія, шумящих над вашей головой, перед вами встали бы призраки всѣх тѣх несчастных, которых вы, втеченіе своей карьеры, принесли в жертву на алтарѣ общественнаго возмездія, и вы с ужасом спросили бы себя: не были ли и они также невинны как я?

Да, мы искренно желали бы, чтобы кому-нибудь из вас пришлось пережить, будучи несправедливо обвиненным, мученія всѣх тѣх, кого вы видите перед собою на скамьѣ подсудимых, — потому что, если бы когда-нибудь его невинность была обнаружена и он вновь вернулся на свой пост, то он по всей вѣроятности явился бы в суд только для того, чтобы разорвать свою судейскую тогу и покаяться во всей своей преступной жизни, когда он судил наугад и торговал человѣческою жизнью.

Оглавление

Глава I Идея анархизма и ея развитіе	5
Глава II Индивидуализм и солидарность	14
Глава III Можно ли упрекнуть нас в отвлеченности?	25
Глава IV Дурен-ли человек сам по себѣ?	34
Глава V Собственность	42
Глава VI Семья	54
Глава VII Государственная власть	62
Глава VIII Судебная власть	71
Глава IX Право карать преступленія и отношеніе к нему ученых	79
Глава X Вліяніе среды	91
Глава XI Патріотизм	103
Глава XII Патріотизм правящих классов	111
Глава XIII Милитаризм	118
Глава XIV Колонизація	129

Глава XV Теорія «низших» рас	138
Глава XVI Почему мы — революціонеры?	150
Глава XVII Принципы и средства борьбы	160
Глава XVIII Революція и анархизм	171
Глава XIX Безполезность реформ	178
Глава XX Экспериментальный метод	200
Глава XXI Что же будет послѣ?	219
Глава XXII Осуществим ли анархическій идеал?	226
Глава XXIII Правда без прикрас	232

не мучили бы призраки жертв вашего так называемаго правосудія? Нѣтъ, только безсознательность — результат глупости и привычки — дает вам силу не сломиться под тяжестью упреков совѣсти и призраков ваших жертв.

Наше время критики и положительной науки не признает законности какой-нибудь высшей власти, награждающей добрых и наказывающей злых. Этот принцип был вполне логичен на известной ступени развитія челоуѣчества, но теперь он устарѣл и мы противопоставляем ему другой. Каждый из нас считает дѣйствія других людей хорошими или дурными, смотря по тому, пріятны они ему или неприятны, и сам поступает соотвѣтственно этому. Он одобряет, восторгается, или нападает смотря по тому, соотвѣтствует ли данный поступок его выгодѣ, его чувству, или его понятію об идеалѣ. Общая потребность в солидарности, заставляющая людей, подверженных одним и тѣм же нападеніям, соединяться для общей защиты, кажется нам лучшей гарантіей будущаго общественнаго строя, болѣе спокойнаго, чѣм наш. Мы не судим: мы только дѣйствуем и боремся, и думаем, что всеобщая гармонія сама явится результатом свободной дѣятельности личностей, как только уничтоженіе частной собственности сдѣлает невозможным, чтобы какая-нибудь горсть людей держала в порабощеніи всѣх остальных.

Итак, мы не признаем, чтобы через каких-нибудь шесть недѣль, или шесть лѣтъ послѣ совершенія известнаго поступка, горсть людей, опирающихся на вооруженную силу, имѣла право собраться и, во имя отвлеченнаго понятія, наказывать или награждать совершившаго этот поступок челоуѣка. Все это — одна трусость и лицемеріе: вы обвиняете этого челоуѣка в убійствѣ и, чтобы показать ему, что он поступил дурно, сами убиваете его через посредство палача — наемнаго убійцы на службѣ у общества. Ни у вас, ни у этого палача, не будет даже того смягчающаго

которых хватает дерзости или умственной ограниченности принимать на себя сознательно и хладнокровно такую страшную ответственность, как отнять у другого человека жизнь или часть его свободы.

Каждый день, в самых обыкновенных жизненных делах нам приходится останавливаться не только перед разрешением вопроса о причинах, побудивших к тому или другому поступку окружающих нас людей, но даже перед объяснением своих собственных побуждений; каким же образом мы можем быть настолько высококачественны о себе, чтобы считать себя способными разобраться в деле, где нам неизвестны ни начало, ни участники, ни побудительные причины, где все является в преувеличенном и искаженном виде, с комментариями разных участвующих в нем или даже только слышавших о нем людей?

Вы, являющиеся строгими и непогрешимыми судьями этого человека, укравшего или убившего, — разве вы знаете побудившие его на это причины? Разве вы знаете все условия среды, наследственности, даже случайные обстоятельства, повлиявшие на его мозг и заставившие его совершить тот поступок, который вы ставите ему в упрек? Вы, непогрешимые люди, налагающие проклятие на того «подсудимаго», которого полиция привела и поставила перед вами, — задавались ли вы когда-нибудь вопросом о том, не поступили-ли бы и вы так же как он, если бы вы были поставлены в те же условия? Даже если бы вы, в самом деле, были такими непогрешимыми, нравственными людьми, какими вас считают, то и тогда, имея в руках право безжалостно разбить человеческую жизнь и свободу, вы не решились бы высказывать своих приговоров, если бы вы действительно подумали о непрочности всего человеческого. Если бы вы сознали, что вы делаете, вы в ужасе отвернулись бы от этого дела! Неужели после этого вы могли бы проводить ночи без кошмаров? Неужели вас

Глава I Идея анархизма и ее развитие

Анархия есть отрицание власти. Власть же мотивирует свое существование необходимостью защищать различные общественные учреждения — семью, религию, собственность и проч. — и создает с этой целью целый ряд орудий, обеспечивающих ее деятельность и санкцию; главные из этих орудий — закон, судебные учреждения, войско, законодательная и исполнительная власть. Вот почему, вынужденная давать ответ на все, идея анархизма должна была бороться со всеми общественными предрассудками, должна была бороться со всеми данными человеческой науки, с целью показать, что связанные с нею понятия вполне соответствуют как физиологической и психологической природе человека, так и изучению естественных законов, между тем как современная общественная организация, наоборот, противна всякой логике, всякому здравому смыслу, результатом чего и является непрочность наших обществ, которые постоянно подвергаются революционным взрывам, вызываемым накопившимся гневом тех, кого давит произвол существующих учреждений. Когда анархисты борются с властью, им приходится, таким образом, критиковать все те учреждения, защитником которых эта власть является и необходимость которых она старается доказать для оправдания своего собственного существования.

Поэтому область анархических идей расширяется. Исходя первоначально из простого политического отрицания,

анархизм должен был затѣм подвергнуть критикѣ всѣ экономическіе и общественные предрассудки и выработать такую формулу, которая, отрицая частную собственность, лежащую в основѣ современнаго экономического порядка, выражала бы в то же время извѣстныя стремленія по отношенію к будущему. И вот рядом с «анархизмом» естественно стал «коммунизм».

Ниже мы увидим, что существуют утонченные резонеры, которые доказывают, что раз анархизм означает полное и всестороннее развитіе личности, он не может имѣть ничего общаго с коммунизмом. Мы же, напротив, имѣем в виду показать, что личность может развиться именно только в обществѣ, а это послѣднее может существовать только при условіи свободнаго развитія первой; одно, таким образом, дополняет другое.

Вот это-то разнообразіе разсматриваемых и разрѣшаемых вопросов и содѣйствовало быстрому развитію анархических идей, которыя были вначалѣ достояніем лишь небольшой группы никому неизвѣстных людей, лишенных всяких средств пропаганды, а теперь проникают с большим или меньшим успѣхом и в науку, и в искусство, и в литературу.

Ненависть к власти, требованія соціальнаго характера существовали издавна: они зарождаются с того момента, когда человѣкъ начинает чувствовать, что его угнетают. Но через сколько ступеней, через сколько различных систем должна была пройти эта идея прежде чѣм вылиться в ея настоящую форму?

Первый намек на нее мы находим у Раблэ, в его описаніи Телемскаго Аббатства, но здѣсь она еще совершенно неясна и он считает ее неприложимой ко всему обществу в его цѣлом: доступ в его аббатство разрѣшается только привилегированному меньшинству, при котором состоит цѣлый штат прислуги.

заставить нас подчиняться законам прошлых поколѣній, увѣрить нас, что мы обязаны уважать тѣ измышленія, которые нѣскольким человѣкам вздумалось каких-нибудь пятьдесят лѣтъ тому назад возвести в закон; смѣшна эта дерзость, с которой люди рѣшаются поработать настоящее понятіем, ставшим достояніем прошлаго.

Но тут мы слышим возраженія всѣх изобрѣтателей законов, всѣх тѣх, кому их существованіе выгодно, а также и наивных людей, идущих за ними: «как!» восклицають они, «общество не могло бы существовать без законов; люди перегрызли бы между собою, если бы не было власти, пекущейся о них и удерживающей их в предѣлах страха и уваженія к существующим положеніям». Но мы увидим, что никакіе законы, никакое принужденіе не могут ни утратить, ни предупредить преступленій, потому что эти преступленія — результат нашей дурной общественной организаціи; нужно поэтому заботиться не об удержаніи или измѣненіи существующих законов, а о преобразованіи всего нашего общественнаго строя.

Но больше всего нас возмущает то, что находятся люди, которые рѣшаются быть судьями других. Еще можно понять, что в тѣ времена, когда власть опиралась на божественное происхожденіе и правосудіе считалось исходящим от самого Бога, носители его могли считать себя особыми существами, надѣленными, по волѣ Божьей, частицей его всемогущества и непогрѣшимости, и способными распредѣлять награды и наказанія среди обыкновенных смертных.

Но в наш вѣкъ науки и свободной критики, когда всѣ признають, что всѣ люди созданы одинаковыми, подвержены одним и тѣм же страстям, одним и тѣм же увлеченіям и ошибкам; когда умирающее Божество уже не вдохновляет всегда рискующій ошибиться человѣческой ум, мы совершенно не понимаем, как могут существовать люди, у

бы, впрочем, и невозможно в виду разнообразія индивидуальных характеров и наклонностей. Каждой частности соответствует свой закон; в социологии также не может быть единого и всеобщаго закона для всѣх случаев, как и в физикѣ; такой закон оказался бы произвольным и неприложимым. И дѣйствительно, в нашем обществѣ нѣтъ ни одного закона, который не был бы вредным для тѣх или других из составляющих его членов — или по отношенію к их интересам, или по отношенію к их идеям, — ни одного закона, который бы каждая партія, одержавшая побѣду, не могла обратить в оружіе против своих врагов. Всякая партія, раз она пришла ко власти, становится выразительницей закона, потому что именно она, через посредство своих органов, его примѣняет.

Мы можем, поэтому, заключить, что раз закон есть лишь проявленіе воли сильнаго, ему слѣдует подчиняться только тогда, когда нѣтъ сил противиться; но он ничѣм не оправдывается и пресловутая *законность* есть лишь вопрос о большей или меньшей силѣ. Поэтому когда нѣкоторые шарлатаны, говоря с рабочими, ссылаются на законность, как на главный аргумент, рабочіе имѣют право разсмѣяться им в лицо и спросить, совѣтовались ли с ними тѣ люди, которые выдумывали эти законы. А если бы даже эти законы когда-нибудь и были ими приняты, то во всяком случаѣ они могут имѣть силу только до тѣх пор, пока принявшіе их считают их полезными и соглашаются с ними сообразоваться. Странно было бы, в самом дѣлѣ, если бы, только потому, что мы в тот или другой момент приняли извѣстную линію поведенія, нас хотѣли заставить держаться ея во всю остальную нашу жизнь, не внося в нее никаких измѣненій, только потому что это может не понравиться нѣкоторым другим людям, которые в силу различных причин находят существующій порядок вещей хорошим и хотят удержать его навсегда. Но что еще смѣшнѣе — это желаніе

В 93 году уже говорят об «анархистах». Жак Ру и так называемые «неистовые» поняли, по нашему мнѣнію, лучше других смысл революціи и больше всего сдѣлали для того, чтобы обратить ее на пользу народа. Потому то буржуазные историки и оставили их в тѣни; их исторія еще не написана, скрытые в архивах и библиотеках документы еще ждут человѣка, у котораго хватило бы времени и энергии на то, чтобы вынести их на свѣтъ божій и объяснить многое из того, что до сих пор остается нам непонятным в этом трагическом періодѣ исторіи. Мы не можем поэтому сдѣлать никакой оцѣнки их программы.

Чтоб найти анархизм как оппозицію власти и государству и как начинающую складываться теорію, нужно дойти до Прудона. Но анархизм здѣсь не больше как теоретическій враг государства: на практикѣ, в своих планах общественной организаціи, Прудон оставляет под различными названіями всѣ тѣ части административной машины, которыя составляют самую сущность правительства. До самаго конца Имперіи анархизм существует во Франціи лишь в видѣ смутнаго мютюэллизма, который в первые годы послѣ Коммуны вырождается в движеніе производительных и потребительных товариществ — движеніе вполнѣ ошибочное, пошедшее по совершенно ложному пути.

Но еще гораздо раньше этого безсильнаго движенія, от новаго дерева народился другой отпрыск. Интернаціонал создал в Швейцаріи «Юрскую Федерацию», в которой Бакунин проповѣдовал идею Прудона — анархію враждебную власти, — но притом развив, расширив ее и слив ее с социальными требованіями. С этого-то времени и начинается настоящее развитіе современнаго анархическаго движенія. Конечно, многіе предрасудки еще жили в умах, в высказываемых идеях еще было много нелогичнаго. В организаціи, принятой тогдашними пропагандистами, еще сохранилось много зародышей власти, много переживаній

государственных идей, но как бы то ни было первый шаг был сдѣлан: идея стала затѣм расти, очищаться и все болѣе и болѣе ясно опредѣляться. И когда не больше как каких-нибудь 20 лѣтъ тому назад, анархизм впервые заявил о себѣ во Франціи на одном из конгрессов, то несмотря на то, что новая идея была высказана лишь ничтожным меньшинством и что против нея были не только защитники существующаго порядка, но и тѣ псевдо-революціонеры, которые видят в народных требованіях только средство придти ко власти — несмотря на все это в ней оказалось достаточно способности к развитію, чтобы утвердиться (хотя у ея сторонников не было никаких средств пропаганды, кромѣ собственной энергіи), достаточно силы, чтобы заставить защитников существующаго капиталистическаго строя бороться и преслѣдовать ее, а людей добросовѣстных — ее обсуждать. Это лучшее доказательство ея жизнеспособности и силы.

Таким образом, несмотря на крестовый поход, предпринятый против нея всѣми тѣми, кого можно считать представителями различных фракцій общественнаго мнѣнія, несмотря на клевету, на осужденія, на тюрьму, анархическая идея проложила себѣ дорогу. Основываются группы; во Франціи, Бельгіи, Италиі, Испаніи, Португаліи, Голландіи, Англии, Норвегіи, Америкѣ, Австралиі и Россіи создаются органы для пропаганды на всевозможных языках — славянских, нѣмецком, еврейском, армянском — и во всевозможных мѣстностях. Но, что еще важнѣе, от небольшой группы недовольных анархическія идеи проникают во всѣ классы общества, повсюду, гдѣ только работает человѣческій ум. Искусство, наука, литература проникаются новыми идеями и служат их носителями.

В началѣ, эти идеи были не больше, как мало сознательными формулами, неясными требованіями — часто скорѣе простыми проявленіями протеста, чѣм дѣйствительными

неизмѣнный принцип, который оправдывал бы это насиліе надо мной?

Когда в наукѣ, ученые, послѣ долгих трудов и изысканій, формулируют то, что называется естественным законом, то при этом не бывает никакого большинства, никакой группы людей, которые бы сочли себя стоящими выше всѣх обыкновенных смертных и рѣшили, что согласно их желанію, естественным силам природы предписывается слѣдовать тому или иному пути эволюціи. Если бы кто-нибудь вздумал предъявить такія претензіи, то ему только разсмѣялись бы в лицо. Когда говорят о каком-нибудь естественном законѣ, то это значит, что если такое-то явленіе, такое-то химическое соединеніе происходит, то это потому, что при данных условіях, в присутствіи такой-то силы или такого-то химическаго сродства, оно не могло не произойти. Такія-то силы, приходящія в дѣйствіе при таких-то обстоятельствах, приводят к таким-то результатам, это вычисляется с математическою точностью. Открытый закон, таким образом, не *управляет* явленіями, а только *объясняет* их причины. Можно оспаривать эти законы, сомнѣваться в них, даже отрицать их; различныя тѣла, составляющія нашу вселенную, не перестанут от этого соединяться сообразно своим свойствам и своему сродству, земля не перестанет вертѣться — и при этом не будет никакой надобности в силѣ, которая бы охраняла правильность их эволюціи и наказывала тѣх, кто захотѣл бы ее нарушить.

В нашем обществѣ дѣло стоит совершенно иначе: законы как будто бы только для того и существуют, чтобы их нарушали. Это зависит от того, что люди, которые их создавали, сообразовались только с своими личными вкусами, с интересами того общественнаго класса, который они представляют, с средним уровнем нравственнаго развитія своего времени, а вовсе не с характером, стремленіями и склонностями тѣх, кого хотѣли подчинить; это было

Подчинение Франціи царству *закона* представляет собою одно из тѣх завоеваній 89 года, которыя особенно охотно прославляют буржуазные историки. Сведение всей власти к своду законов повело прежде всего к тому, что узаконило самый ужасный произвол: всѣ французы оказались теперь равны перед законом, и народу больше ничего не оставалось требовать. У всѣх был теперь только один властелин; перед ним, правда, нужно было преклоняться, но это все-таки вносило нѣкоторое равенство. Таким властелином стал *закон*.

Но если, вмѣсто того, чтобы обманывать себя словами, мы разберем, что выиграли рабочіе от этой перемены, то увидим, что они только лишній раз оказались обманутыми. В самом дѣлѣ, когда во времена неограниченной королевской власти король или аристократы заставляли простого человека служить себѣ, то положеніе было ясно: «такова наша воля», говорили они, и это ясно показывало, откуда вытекает их право. Они опирались только на свою шпагу, на которую рассчитывали гораздо больше, чѣм на волю Божью, т. е. черпали свое право только из силы. Их приказанія исполняли, их капризы сносили, но только потому, что нельзя было им сопротивляться; не было, по крайней мѣрѣ, глупцов, которые бы говорили, повторяя слова заинтересованных лиц, что таков закон, а закону каждый обязан подчиняться, пока он не отменен.

Но признавая, что закон может изменяться, мы тѣм самым признаем, что он может сдѣлаться отсталым, а следовательно, по самому существу своему, для кого-нибудь вредным, потому что всегда есть люди, идущіе впереди своего времени. Но в таком случаѣ закон окажется несправедливым и не сможет претендовать на то уваженіе, которым его хотят окружить. В самом дѣлѣ, если закон угрожает моим интересам или моей свободѣ, то на каком основаніи меня принуждают ему подчиняться и гдѣ тот вѣчный и

убѣжденіями. Теперь же анархическія идеи не только ясно формулируются, но люди, которые их распространяют, вполне сознают, что распространяют именно анархизм, и не страшатся назвать его собственным его именем.

Итак, уже не одни анархисты находят теперь, что существующій порядок дурен весь цѣликом и что его нужно изменить. Жалобы на существующее и стремленіе к лучшему можно встрѣтить даже у тѣх, кто считает себя защитником современного положенія вещей. Мало того: люди начинают чувствовать, что нельзя довольствоваться бесплодными пожеланіями, что нужно работать для осуществленія своего идеала, начинают понимать и проповѣдовать пропаганду дѣлом и примѣром. Иначе говоря, сравнивая то удовлетвореніе, которое доставляет человеку сознаніе, что он поступает согласно своим убѣжденіям, и тѣ непріятности, которыя ему может доставить нарушеніе существующих законов, люди стараются по возможности согласовать свою жизнь с своими взглядами — насколько темперамент данной личности может сопротивляться преслѣдованіям общественнаго возмездія. Эта быстрота развитія анархических идей зависит от того, что, хотя с самаго начала они противорѣчат многим принятым идеям и установившимся предразсудкам и пугают тѣх, кто слышит о них в первый раз, онѣ в сущности отвѣчают на ряд затаенных чувств и смутных запросов и дают человечеству в конкретной формѣ тот идеал благосостоянія и свободы, о котором оно прежде едва осмѣливалось мечтать. Эти идеи казались страшными с перваго взгляда, потому что проповѣдовали ненависть и презрѣніе к многим из тѣх учреждений, которыя считались необходимыми для жизни общества, и доказывали, в противоположность принятым взглядам, что эти учрежденія вредны по самому своему существу, а не потому только, что они находятся в руках слабых или дурных личностей. Онѣ говорили толпѣ, что не

нужно довольствоваться смѣной личностей, стоящих у власти, и частичными улучшениями в учрежденіях, но нужно прежде всего разрушить то, что дѣлает людей дурными и дает возможность меньшинству пользоваться всѣми силами общества для угнетенія большинства. Онѣ показывали, что то, что до сих пор считалось причиной зла, от котораго страдает человечество, есть ничто иное как послѣдствіе зла гораздо болѣе глубокаго, что нужно, слѣдовательно, измѣнить самыя основы общественнаго устройства.

Но, как мы уже видѣли выше, в основаніи современнаго общества лежит частная собственность. Защита капитала — единственная цѣль существованія власти. Организация семьи, чиновничества, арміи, суда прямо вытекает из существованія частной собственности. Задача анархистов состояла, слѣдовательно, в том, чтобы доказать несправедливость захвата земли и продуктов труда прошлых поколѣній меньшинством тунеядцев и подорвать авторитет власти, показав ея вред для человѣческаго развитія, ея роль покровительницы привилегированных классов и ничтожество тѣх принципов, на которые она опиралась для оправданія своих учрежденій.

То, что отталкивало от анархизма людей личных интриг и личнаго тщеславія, заставляло, наоборот, людей мыслящих изучать и обдумывать тѣ идеи, которыя он приносил с собою. Дѣло в том, что в них нѣтъ мѣста ни личным соображеніям, ни мелкому самолюбію; онѣ не могут служить средством для тѣх, кто видит в рабочих требованіях не больше как способ завоевать себѣ мѣсто в рядах эксплуататоров. Мотылькам политики нечего дѣлать в рядах анархистов. Там нѣтъ, или почти нѣтъ, мѣста ни мелким личным интересам, ни ряду кандидатур, открывающих поле всевозможным надеждам и компромиссам. В партіях политиков или социалистов-государственников какой-нибудь карьерист всегда может подготовить незамѣтным обра-

Глава VIII Судебная власть

Мы уже видѣли, что власть вытекает из того права, которое присвоивает себѣ сила. Но по мѣрѣ того, как умственный горизонт человѣка расширился, этой власти приходилось оправдывать чѣм-нибудь свое существованіе; и вот она стала опираться на религію и поддержку духовенства, приписала себѣ божественное происхожденіе и создала особую замкнутую касту, которая впослѣдствіи начала противиться грубой силѣ короля и высшей аристократіи: так создалась судебная власть. Когда же в 1789 году, власть перешла в руки буржуазіи, то она, конечно, оставила в неприкосновенности этот «столп» общественнаго порядка, тѣм болѣе, что высшія судебныя должности находились, как и военныя, в ея руках. Все ограничилось тѣм, что способ замѣщенія этих должностей был преобразован в соотвѣтствіи с духом времени.

Казнь Людовика XVI нанесла сильный удар «божественному праву», и судебной власти, если она не хотѣла подвергнуться той же все уравнивающей участи, уже не приходилось больше опираться на него. И вот тогда-то изобрѣли, или, вѣрнѣе, возвели на степень божества закон, а судебная власть стала его «неподкупной» блюстительницей и исполнительницей. Цѣль была, таким образом, достигнута: самое опасное учрежденіе, самое необходимое орудіе для защиты привилегированных классов удержалось на мѣстѣ, сдѣлавшись жрецом новаго божества — закона, — созданнаго новыми властителями.

В мрачные дни народных возстаній, когда обострившаяся нужда заставляет рабочія массы выйти на улицу, перед ними опять-таки встают тѣ же «общественныя» учрежденія и опять-таки загораживают ему путь к лучшему будущему. Мы должны, поэтому, разрушить их и ни в каком случаѣ не создавать новой аристократіи, у которой будет всегда только одна цѣль: как можно лучше и как можно скорѣе воспользоваться жизнью на счет своих «благодѣтельствованных» поданных. Но все ли нам равно, какая рука нас бьет: мы хотим, чтобы нас больше совсѣм не били.

Не будем забывать, что, каким бы именем не прикрывалась новая власть, какой бы невинной она не казалась, какія бы поправки в нее не вносили, как бы не вербовались входящія в состав правительства личности, — всегда будет два возможных случая: или ея рѣшенія будут имѣть силу закона и будут обязательными для всѣх — тогда для поддержанія этих законов ей будут нужны всѣ учрежденія, существующія теперь, и тогда нужно отказаться от мысли быть свободными; или же личности будут имѣть право обсуждать правительственныя рѣшенія, сообразоваться с ними, если им это нравится, и не обращать никакого вниманія на власть, если они этого не хотят — тогда мы остаемся вполнѣ свободными, но правительство становится бесполезным: оно в таком случаѣ только лишняя помѣха и лишняя угроза. Вывод из этого может быть только один: нам не нужно никакого правительства.

зом свое «обращеніе» так, что товарищи замѣчают его уже много времени спустя послѣ того как оно совершилось. У анархистов это невозможно: всякій, кто согласился бы занять какой-нибудь пост в современном обществѣ, послѣ того как он сам доказывал, что всѣ тѣ, кто занимает эти мѣста могут держаться на них только при условіи быть вмѣстѣ с тѣм защитниками существующаго порядка, будет тотчас же заклеямен названіем ренегата, потому что у него не может быть никаких оправданій для его «эволюціи». Вот почему то самое, что навлекло на идею анархизма ненависть интриганов, вызывало вмѣстѣ с тѣм на размышленіе людей искренних; этим и объясняется ея быстрый успѣх.

Что, в самом дѣлѣ, возразить людям, которые доказывают, что если вы хотите, чтоб ваши дѣла шли хорошо, вы должны дѣлать их сами, а не давать на это полномочій другим? В чем можно упрекнуть людей, которые говорят, что если вы хотите быть свободными, то вы не должны никому поручать «управлять» собою? Что отвѣтить тѣм, кто показывает вам причины бѣдствій, от которых вы страдаете, указывает средства избавиться от них, и при этом не только не говорит, что эти средства находятся у него в руках, но, напротив, старается внушить вам, что только вы, вы сами, можете судить о том, что вам нужно и чего, наоборот, вам слѣдует избѣгать.

Если какая-нибудь идея обладает достаточною силою чтобы внушить людям твердыя убѣжденія, за распространеніе которых они борются и страдают, ничего не ожидая в смыслѣ непосредственных результатов — такая идея уже по одному этому является в глазах искренних людей достойной изученія; так именно случилось и здѣсь. И вот, несмотря на крики негодованія одних, на злобу других, на преслѣдованія правительств, идея все растет и развивается, доказывая буржуазіи, что голос правды ни заглушить,

ни заставить замолчать нельзя. Рано или поздно с ним приходится считаться.

Анархизм имѣет своих мучеников — умерших, заключенных в тюрьмы, изгнанных, — но он остается живым и полным сил, и число его пропагандистов все растет. Среди них есть и пропагандисты сознательные, понявшие все величїе идеи, и пропагандисты случайные, которые просто выражают свою ненависть к учреждениям, задѣвающим их сокровенныя чувства или их инстинктивную потребность правды и справедливости. По своей ширинѣ анархическія идеи привлекают всѣх тѣх, в ком живо чувство собственнаго достоинства, кто жаждет справедливости, и красоты истины. Быть свободным от всякаго принужденія, от всякаго стѣсненія — не есть ли это, в самом дѣлѣ, идеал человѣка, и не с этой ли цѣлью производились всѣ революціи? Вѣдь если люди все еще терпят над собой гнет эксплуататоров, если человѣческій ум до сих пор томится в тисках понятій капиталистическаго общества, то это потому, что общепринятыя взгляды, рутина, предрасудки и невѣжество брали всегда верх над мечтами о свободѣ и стремленіем к независимости и заставляли тѣх самых людей, которые только что изгнали тѣх, кто господствовал над ними, вмѣсто освобожденія, избрать себѣ новых господ.

Анархическія идеи пролили свѣтъ не только в умы рабочих, но и в умы всевозможных мыслителей, которым онѣ помогли разобраться в своих собственных чувствах, показали настоящія причины окружающей бѣдности и средства для ея устраненія, показали в чем цѣль и гдѣ ведущій к ней путь, объяснили, почему всѣ прошлыя революціи кончались неудачей.

Именно этой тѣсной связью анархических идей с сокровенными чувствами человѣка и объясняется их быстрое развитіе; именно она придает им силу и дѣлает их неуяз-

Как будто бы люди, правящіе другими, не будут всегда — пока только они будут существовать — во враждѣ с управляемыми! Как будто бы у людей, стоящих у власти, даже если они искренни, не будет своих собственных взглядов, которые они будут стараться провести в жизнь! Эти взгляды могут быть хорошими, но могут быть и дурными. Если бы они растворились в массѣ, они остались бы без вліянія, но если в руках их сторонников находится власть, они будут силою навязаны тѣм, кто с ними несогласен. И чѣм искреннѣе будут стоящіе у власти люди, тѣм безжалостнѣе они будут по отношенію к своим противникам, потому что они будут убѣждены, что работают на пользу человечества.

Мы уже видѣли в одной из предыдущих глав, что наше политическое рабство зависит от нашего экономическаго положенія; если у нас существуют жандармы, судьи, министры и т. под., то это оттого, что у нас есть банкиры, собственники и т. д., — одно неразрывно связано с другим. Если нам удастся свергнуть тѣх, кто эксплуатирует нас в мастерской, если мы избавимся от тѣх, кто морит нас голодом, то не будет надобности и в силѣ, которая бы их защищала, и существованіе этой силы станет совершенно безцѣльным.

В настоящее время нужно правительство, нужны законы, нужны депутаты, которые бы их издавали, судьи, которые бы их прилагали, полиція, которая бы заботилась об исполненіи рѣшеній судей, потому что люди, захватившіе себѣ все, нуждаются в силѣ, чтобы защищаться против требованій тѣх, кого они ограбили. Но рабочій, что ему защищать? На что ему вся эта правительственная машина, поддерживаемая исключительно на его счет и не приносящая ему никакой пользы, кромѣ развѣ того, что она напоминает ему, что у него есть всего одно право: **право умереть с голоду посреди созданных им богатств.**

рят на всеобщее избирательное право как на орудіе своего освобожденія, то это происходит от того, что им внушили, что, замѣнив одних людей, стоящих у власти, другими, они смогут замѣнить угнетающую нас систему эксплуатаціи другим общественным строем, который даст всѣм довольство и счастье. Это — глубокая ошибка — ошибка, благодаря которой разным интригам удается увлечь рабочих на путь достиженія якобы реформ, которыя нисколько не могут измѣнить их положенія, а только приучают их ждать всего от перемен в составѣ лиц того, созданнаго для нашего угнетенія, механизма, который называется Государством. Эта ошибка повела к тому, что во всѣх революціях различные интриганы обращали в свою пользу побѣду народа, занимали синекуры прежних правителей, снесенных революціонной бурей, и образовывали новый слой эксплуататоров, с новыми интересами, которые, раз утвердившись, заставляли замолчать и подчиняться тѣх самых наивных людей, которые имѣли глупость предоставить им власть.

Сколько в человѣческом умѣ гнѣздится противорѣчій! Когда мы разсуждаем с людьми болѣе или менѣе разумными, то они часто готовы бывают согласиться с тѣм, что «если бы всѣ люди вели себя как слѣдует, то не было бы надобности в правительствѣ; мы сами, пожалуй, обошлись бы и без него. Но, к несчастью, не всѣ люди таковы: нашлись бы такіе, которые захотѣли бы злоупотребить своей силой для угнетенія других, жить на их счет и ничего не дѣлать; а поэтому нужна власть, которая взялась бы их образумить». Другими словами, это значит, что, взятые всѣ вмѣстѣ, люди слишком дурны, чтобы сумѣть между собою столкнуться, но что взятые в отдѣльности, или кучками, они сумѣют управлять другими; поэтому нужно поскорѣе облечь их властью, которая дала бы им возможность заставить себѣ повиноваться. Бѣдная логика! Чего только не дѣлает с тобой человѣческой ум!

вимыми. Напрасно направляется на них и на их пропагандистов и злоба правительств, и различныя репрессивныя мѣры, и ненависть неудовлетвореннаго тщеславія: онѣ уже проложили себѣ дорогу и ничто не может помѣшать им развиваться и стать идеалом всѣх обездоленных, лозунгом всѣх их попыток к освобожденію.

Капиталистическое общество так узко и мелко, всякое широкое стремленіе в нем так подавляется, оно убивает столько хороших побужденій, оскорбляет в большей или в меньшей степени личное достоинство столько людей, не могущих примириться с узостью господствующих в нем понятій, что если бы даже ему удалось заглушить на время голос современных анархистов, то скоро само угнетеніе вызвало бы к жизни новое поколѣніе их, такое же непримиримое.

Глава II Индивидуализм и солидарность

«Анархія и коммунизм несовмѣстимы», говорят нам многіе недобросовѣстные противники, мало заботящіеся о выясненіи вопроса. «Коммунизм, это — организація; он стѣсняет развитіе личности, а потому мы не хотим его. Мы — индивидуалисты, анархисты и больше ничего», говорят с другой стороны нѣкоторые, даже искренніе люди — люди, которым хочется быть болѣе крайними, чѣм их товарищи, и которые, не обладая оригинальностью мысли, стараются преувеличить извѣстныя идеи, доводя их до абсурда. А около них группируются и тѣ личности, которых правительствам всегда выгодно послать в среду своих противников для поселенія в ней раздора.

И вот анархисты начинают спорить об анархизмѣ, коммунизмѣ, инициативѣ, организаціи, о вредном или полезном вліяніи группировки, об эгоизмѣ и альтруизмѣ и еще о массѣ вещей одна нелѣпѣе другой, потому что в результатѣ этих споров между добросовѣстными противниками в концѣ концов оказывается, что всѣ стремятся к одному и тому же, только под различными названіями.

В самом дѣлѣ, анархисты, заявляющіе себя коммунистами, первые готовы признать, что не личность создана для общества, а наоборот общество имѣет цѣлью доставить личности наиболѣе благопріятныя условія для ея развитія. Когда нѣсколько человек соединяются вмѣстѣ и соединяют свои усилія, то они очевидно дѣлают это для того, чтобы

стремиться удовлетворить всѣх, тѣм ниже должен будет быть уровень наших идей, тѣм полнѣе должны мы будем отбросить все новое и оригинальное, тѣм наши мысли будут ничтожнѣе, блѣднѣе и посредственнѣе. Вот к чему сводится вся избирательная система; это — ничто иное, как натянутая ослиная шкура, издающая звук только тогда, когда ее хотят заставить звучать.

К несчастью, несмотря на то, что власть уже подвергается критикѣ, что ее уже осуждают и осмѣивают, самый принцип еще крѣпко держится в наших нравах. Люди так привыкли, чтобы ими руководили, что им кажется, что они пропадут, если только не будет никого, кто бы вел их на помочах. Они так привыкли встрѣчать во всѣх случаях жизни жандарма, мэра, надоедливых и грубых чиновников, лисьи физиономіи полицейскаго и судьи, что приспособились в концѣ концов к этому отвратительному общенію и стали думать, что все это — учрежденія, конечно, непріятныя, которыя при случаѣ недурно как-нибудь надуть, но обойтись без них нечего даже и думать, потому что тогда челоуѣчество сразу погибло бы. Странное противорѣчіе челоуѣческаго ума! Люди с неудовольствіем переносят эту власть, насмѣхаются над ней, стараются гдѣ возможно обмануть ее — и вмѣстѣ с тѣм считают себя погибшими, как только рѣчь заходит об ея уничтоженіи! Все, должно быть, зависит от привычки.

Это тѣм болѣе нелогично, скажем больше: тѣм болѣе бессмысленно, что для каждаго отдѣльнаго челоуѣка идеал *хорошаго* правительства, это — такое правительство, которое бы он всегда мог прогнать, если только оно помѣшает ему дѣлать что он хочет. И вот для того-то, чтобы поддѣлаться под этот идеал, буржуазія и выдумала так называемое «всеобщее» избирательное право.

Если идея республики так популярна среди рабочих, если, несмотря на столько разочарованій, они все-таки смот-

защитниками, бывает очень немного. Это — общеизвестная истина, из которой прямо следует, что люди действительно развитые и обладающие широким умом всегда бывают в меньшинствѣ. Большинство же стоит за среднія, общепринятые идеи и выбирает того депутата, который, именно с цѣлью быть избранным, старается не идти наперекор предразсудкам и привычным взглядам избирателей. Чтобы сгруппировать вокруг себя как можно больше лиц, ему нужно, наоборот, сгладить нѣкоторые острые углы и приготовить цѣлый запас общих мѣст для разговоров с тѣми, чьих голосов он добивается. Чтобы не испугать их, ему придется показаться еще глупѣе, чѣм они, и чѣм он будет безцвѣтнѣе, ничтожнѣе и посредственнѣе, тѣм больше будет у него вѣроятности быть избранным.

Посмотрите на то, как идет жизнь всевозможных обществ — комитетов, профессиональных рабочих союзов, обществ взаимопомощи, различных обществ художников, литераторов и т. подобное: в их иерархической организации, основанной на избрании, всѣ должности оказываются занятыми наиболѣе посредственными личностями — такими, которыя стоят ниже других по своему тщеславію, желанію выдвинуться и стать известными или создать себѣ положеніе на счет других, по своей большей или меньшей склонности к интригам. Всякій независимый ум, стремящійся только к осуществленію своего идеала, всегда будет неприятно поражать тѣх многочисленных людей, которые слѣдуют только рутинѣ, и всегда такіе люди будут его травить. Тому, кто ищет правды и стремится к ея распространенію, некогда унижаться до мелких закулисных интриг, и его всегда побьет в избирательной борьбѣ тот, кто не имѣет за душою ничего своего, живет общепринятыми идеями и поэтому очень легко может сгладить различные острые углы (которых у него, впрочем, и нѣтъ), так чтобы не вооружать против себя никого. Чѣм больше мы будем

получить возможно большую сумму наслажденій при наименьшей тратѣ сил. Они вовсе не имѣют намѣренія принести свою инициативу, свою волю, свою личность в жертву какой-то отвлеченности, которая не существовала перед тѣм как они соединились и перестанет существовать, как только они разойдутся.

Сберечь свои силы и вмѣстѣ с тѣм добиться от природы предметов необходимых для существованія, получить которыя можно только соединенными усилиями такова была, несомнѣнно, цѣль первых начавших группироваться человеческих существ; во всяком случаѣ, эта цѣль, если и не была признана, то молчаливо подразумевалась в первых человеческих обществах, которыя, может быть, даже были временными и распадалась как только намѣченное дѣло было выполнено.

Итак, никто из анархистов не собирается подчинить существованіе личности потребностям общества.

Полная свобода личности во всѣх проявленіях ея дѣятельности — таково наше общее требованіе. Когда же являются люди, которые отрицают организацию, признают только личность и говорят, что им нѣтъ дѣла до общества, что правилом поведенія должен быть личный эгоизм, что поклоненіе собственному я должно стоять выше всѣх гуманннх соображеній, — и при этом считают себя болѣе крайними чѣм другіе, то это показывает только одно: что они никогда не изучали психической и физической организациі чловѣка и даже никогда не пытались отдать себѣ отчет в своих собственных чувствах; они не имѣют никакого представленія о жизни современнаго чловѣка, о его физических, умственных и нравственных потребностях.

В современных обществах нам приходится иногда видѣть таких полных эгоистов: Делобелли, Гіальмары Эйкдали нерѣдки и встрѣчаются не только в романах. Иногда — хотя и не особенно часто — случается встрѣчать таких

людей, думающих только о себѣ, не видящих ничего в мірѣ кромѣ собственной личности. Если они сидят за столом, они без церемоніи берут себѣ лучшій кусок; они расточительны внѣ дома, в то время как их семья умирает с голоду. Они принимают как должное всевозможныя жертвы со стороны всѣх — отца, матери, жены, дѣтей — а сами спокойно сидят сложа руки, или без церемоній пользуются жизнью. Чужія страданія не идут в счет — лишь бы только в их собственном существованіи все шло гладко. Мало того, они даже не замѣчают, что другіе страдают ради них и из-за них: когда они сыты и довольны, им кажется, что и все человѣчество счастливо и отдыхает. Таков тип настоящаго эгоиста в абсолютном смыслѣ слова, но это вмѣстѣ с тѣм и тип вполнѣ ничтожной личности. Даже самый отвратительный буржуа не приближается к этому типу: он все таки иногда любит своих близких или, во всяком случаѣ, питает к ним какое-то чувство, похожее на любовь. Мы не думаем, чтобы даже самые искренніе сторонники индивидуализма хотѣли возвести этот тип в идеал будущаго человѣчества. С другой стороны и анархисты-коммунисты вовсе не хотят проповѣдовать для будущаго общества самопожертвованіе личности и ея отказ от собственнаго блага. Но, отрицая отвлеченное понятіе об «обществѣ», они отрицают вмѣстѣ с тѣм и то отвлеченное понятіе об «индивидуумѣ», которое стремились создать их противники, доводя, таким образом, теорію до абсурда.

Личность имѣет право на полную свободу, на удовлетвореніе всѣх своих потребностей — это несомнѣнно. Но так как на земном шарѣ существует больше миллиарда таких личностей, если и не с равными потребностями, то с равными правами, то всѣм этим правам нужно дать удовлетвореніе так, чтобы они не мѣшали друг другу: иначе произойдет угнетеніе одних другими и совершаемая революція окажется бесполезной.

В-третьих, когда избранные соберутся вмѣстѣ, то, теоретически, вопросы должны точно также рѣшаться среди них большинством, но на практикѣ и здѣсь мнѣнія дробятся на множество групп и подраздѣленій и, в результатѣ, рѣшающій голос остается за маленькими кучками честолюбцев, которые держатся посерединѣ между крайними мнѣніями и отдают свои голоса то тѣм, то другим, смотря по тому, что для них оказывается болѣе выгодным.

Мы видим, таким образом, к какому скромным размѣрам сводится пресловутое всемогущество избирателя; замѣтим при этом, что для того, чтобы не запутывать читателя, мы упростили вопрос и предположили, что каждый поступает честно и послѣдовательно. Если же мы примем в расчет всѣ связанные с этим интриги, обманы, личные расчеты, если мы вспомним, что, прежде чѣм стать окончательными, проекты законов должны пройти через другое законодательное собраніе — Сенат, избираемый другою категорією избирателей, если мы подумаем о том, что в Палатѣ находится пятьсот с лишним депутатов, а каждый избиратель выбирает только одного, так что его воля представляет не болѣе, как одну-пятисотую общей воли, да и то Сенат может ее еще сократить, то мы увидим, что участіе каждаго в управленіи так ничтожно, что его нельзя и вычислить.

Мало того: всеобщее избирательное право имѣет еще и другія вредныя послѣдствія в том отношеніи, что оно ведет к царству ничтожества и посредственности. Мы сейчас это докажем.

Всякая новая идея, идущая впереди своего времени, уже по этому одному имѣет за себя вначалѣ только меньшинство. Широких умов, способных ее воспринять и стать ея

ны по отношенію к этой, болѣе демократической формѣ, то они тѣм болѣе приложимы к другим. Прим. пер.

заставить выборных исполнять свои обѣщанія и таким образом оградить избирателя от их капризов и дать ему возможность свободно проявлять свою верховную власть. Это завело бы нас слишком далеко, да кромѣ того и не имѣло бы для нас значенія, потому что мы хотим показать, что ни власти большинства, ни власти «божественнаго права» существовать не должно и что вообще личность не должна подчиняться никакому другому закону кромѣ своей собственной воли. Кромѣ того, если мы разберем механизм правленія большинства, то увидим, что нами в сущности управляет даже не большинство, а самое ничтожное меньшинство, взятое из состава другого меньшинства, которое, в свою очередь, есть опять таки меньшинство всей управляемой массы.

Во-первых, права принимать участіе в голосованіи лишены, совершенно произвольно, женщины и дѣти, которыя однако подчиняются законам, как и всѣ. Если, кромѣ того, мы вычтем всѣх тѣх, кто по тѣм или другим причинам не пользуется этим «правом», то у нас останется меньшинство, которое совершенно произвольно считается единственно способным выбирать правителей для всѣх.

Во-вторых, когда происходят выборы, то теоретически вопрос о том или другом избранном должен зависѣть от рѣшенія большинства; на практикѣ же всегда бывает нѣсколько — шесть, восемь, десять и иногда и больше — кандидатов, и голоса избирателей распредѣляются между ними, не говоря уже о тѣх избирателях, которые, не находя среди толпы кандидатов представителя своего мнѣнія, подают голос в противорѣчїи сами с собою. Таким образом, избранный является здѣсь представителем опять таки меньшинства, уже второго.

Наш чудовищный общественный строй, основанный на антагонизмѣ интересов, ставит людей в враждебное отношеніе друг к другу и заставляет их грызться для обезпеченія себѣ возможности существовать; это в значительной мѣрѣ содѣйствует путаницѣ в понятіях. В настоящем обществѣ приходится быть или вором, или обкрадываемым, или угнетателем, или угнетаемым — середины нѣтъ. Тот, кто хочет помочь другому, часто рискует быть одураченным; отсюда плохо разсуждающій человѣкъ выводит заключеніе, что люди не могут жить не борясь друг с другом.

Анархисты же говорят, напротив, что общество должно быть основано на самой тѣсной *солидарности*. В том обществѣ, к осуществленію котораго они стремятся, счастье одного не должно, даже в самой малѣйшей степени, быть в ущерб другому; наоборот, благосостояніе одной личности должно вытекать из благосостоянія всѣх; если независимости или благополучію одной какой-нибудь личности будет нанесен ущерб, то нужно чтобы этот ущерб чувствовался и всѣми остальными, чтобы они в силу этого могли исправить сдѣланное зло. Пока же этот идеал не осуществится, пока эта цѣль не будет достигнута, всѣ ваши общества, будут только организованным произволом, против котораго угнетенныя личности будут имѣть полное право протестовать.

Если бы человѣкъ мог жить один, если бы он мог вернуться к первобытному состоянію, нам нечего было бы говорить о том, как он будет жить, каждый жил бы как хочет. Земля достаточно велика, чтобы дать прїют всѣм, но дала ли бы она достаточно для всѣх пропитаніе, если ее предоставить самой себѣ?

В этом далеко нельзя быть увѣренным; результатом, вѣроятно, явилась бы ожесточенная борьба между личностями, «борьба за существованіе» первобытных времен во всем ея ужасѣ. Весь ход эволюціи пришлось бы начи-

нать сначала: болѣе сильныя стали бы притѣснять болѣе слабых, а затѣм их мѣсто заняли бы люди ловкіе, причем сила денег замѣнила бы собою силу физическую.

Если нам пришлось пережить весь этот період кровопролитія, нищеты и эксплуатаціи, называемый человѣческой исторіей, то это зависѣло именно от того, что человѣкъ был эгоистом в полном смыслѣ слова, без всякаго смягченія, без всякаго противодѣйствующаго вліянія. Во всякой ассоціаціи он видѣл прежде всего удовлетвореніе своей непосредственной потребности. Когда ему представлялась возможность поработить болѣе слабого, он дѣлал это без всяких стѣсненій; он не видѣл ничего кромѣ той работы, которую может произвести поработанный, и не думал о том, что необходимость надзора за ним и необходимость подавлять в будущем различныя возстанія в концѣ концов потребует столько же труда и что выгоднѣе было бы работать вмѣстѣ, помогая друг другу. Таким образом установились власть и собственность, и если мы хотим их уничтожить, то уже во всяком случаѣ не для того, чтобы начать съизнова всю прошлую эволюцію.

Если мы примем, что человѣком должен руководить лишь один чистый эгоизм, лишь поклоненіе собственному я, то это будет значить, что он должен броситься очертя голову в общую свалку и стремиться только удовлетворить самого себя, не заботясь о том, не мѣшает ли это кому-нибудь другому. Сказать это — значит сказать, что будущая революція должна произойти в пользу болѣе сильных, что новое общество должно быть основано на вѣчных столкновениях между личностями. А если так, то нам нечего было бы ссылаться ни на какую идею всеобщаго освобожденія; тогда оказалось бы, что мы возмущаемся против современнаго общества только потому, что его капиталистическая организація мѣшает лично нам пользоваться его благами.

Буржуазія боялась народа и не соглашалась ни на какія уступки; власть была в ея руках и ей хотѣлось ее сохранить. Чтобы добиться всеобщаго избирательнаго права, рабочим пришлось прибѣгнуть к революціи. Но тѣ буржуа, которым они при этом дали в руки власть, прежде всего поспѣшили урѣзать по возможности пріобрѣтенныя народом права, с цѣлью как-нибудь обуздать это чудовище, которое, как им казалось, вот-вот поглотит их. Лишь долгое время спустя, лишь увидав на практикѣ, как функционирует это новое право, они поняли, что оно не грозит никакой опасностью их привилегированному положенію, что оно — не больше как инструмент, на котором нужно только умѣть играть, и что этот знаменитый орган рабочих требованій, который рабочіе уже считали своим достояніем, (вѣдь они купили его цѣною своей крови!) есть в сущности лишь усовершенствованное орудіе господства, порабащающее людей, которые им пользуются, в то время как сами они, наоборот, думают, что освобождаются.

Что такое в самом дѣлѣ всеобщее избирательное право, как не право управляемаго выбирать того человѣка, который будет им управлять, право выбирать ту розгу, которая будет его сѣчь? Избиратель свободен... в выборѣ себѣ господина, но он не имѣет права не хотѣть никакого господина, потому что иначе им будет править тот, кого выберут его сосѣди. В тот момент, когда он упустил в урну свой избирательный бюллетень, он подписал свое отреченіе: он должен теперь подчиняться всѣм капризам избранных им правителей; они будут создавать законы, будут прилагать их к нему, а если он будет противиться — посадят его в тюрьму.

Мы не имѣем намѣренія ни критиковать здѣсь систему всеобщаго избирательнаго права, ни разсматривать всѣ тѣ поправки, которыя стремятся в нее внести с цѣлью

Глава VII Государственная власть¹

Вопрос о государственной власти так тѣсно связан с вопросом о собственности, что, говоря о послѣдней, мы были вынуждены говорить и о развитіи первой. Теперь мы не будем возвращаться к этому, а ограничимся разбором современной нам формы власти — той, которая основана на всеобщем избирательном правѣ и законѣ большинства.

Мы уже видѣли, что легенда о божественном происхожденіи собственности и власти исчезла, и что буржуазіи пришлось искать для них другое, болѣе прочное основаніе. Она сама содѣйствовала уничтоженію «божественнаго права», сама помогала борьбѣ против права сильнаго; на мѣсто его она постаралась, прежде всего, поставить силу денег, в формѣ извѣстнаго ценза для права выбора в палату, т. е. такого порядка, при котором избирателями могли быть только люди, платившіе извѣстную сумму налогов. Позже стали говорить о том, чтобы присоединить к этим избирателям еще и людей «способнѣйших»: это было требованіе разорившейся части буржуазіи. Но все это не могло долго тянуться: раз только государственная власть становилась предметом обсуждения, она уже теряла часть своей силы; тѣ, которые раньше не участвовали в выборѣ правителей, начинали также требовать права голоса в этом вопросѣ.

¹ В этой главѣ автор разбирает, главным образом, ту форму правленія, которая существует во Франціи; но очевидно, что если его аргументы вѣр-

Возможно, что среди людей, называвших себя анархистами, и были такіе, которые становились на эту точку зрѣнія. Может быть именно от этого зависит факт измѣны и превращеній тѣх, которые сначала были самыми яркими, а затѣм перешли в ряды защитников существующаго строя, потому что это оказалось для них болѣе выгодным.

Конечно, мы боремся с современным обществом потому, что оно не дает удовлетворенія нашим стремленіям, но мы понимаем, что в наших интересах, чтобы это удовлетвореніе потребностей было распространено на всѣх членов общества.

Человѣкъ всегда эгоист, он всегда стремится сдѣлать из своего я центр вселенной. Но по мѣрѣ того, как его ум развивается, он начинает понимать, что если его я требует удовлетворенія, то есть и другія я, которыя требуют того же самаго и, чувствуя себя неудовлетворенными, начинают заявлять о своих правах. Вот почему мистики и сентименталисты стали проповѣдовать самоотреченіе и самопожертвованіе ради других.

Понемногу, однако, несмотря на продолжающуюся проповѣдь принесенія личности в жертву обществу — проповѣдь, не меньше грубой силы содѣйствовавшую его поддержанію — произвол начал смягчаться, предоставляя все большій простор развитію личности. Если узкій, дурно понятый эгоизм мѣшает развитію общества, то с другой стороны самоотреченіе и дух самопожертвованія оказываются вредными для личности. Не всякій может жертвовать собою для других, особенно если эти другіе ему посторонніе. В концѣ концов такое самопожертвованіе может оказаться даже вредным для человѣчества, потому что оно дает простор господству умов узких и эгоистических, в дурном смыслѣ этого слова и таким образом доставляет преобладаніе наименѣе совершенному типу человѣчества.

Чистый альтруизм в точном смыслѣ слова точно также не может поэтому прочно утвердиться, как и эгоизм.

Но если, взятые в отдѣльности и доведенные до крайности, эгоизм и альтруизм оказываются оба вредными как для личности, так и для общества, то, соединившись в одно, они образуют третье начало, которое и должно лечь в основаніе будущих обществ. Это начало — солидарность.

Предположим, что нас нѣсколько человек и что мы соединяемся с цѣлью удовлетворенія какой-нибудь потребности. Если в нашей ассоціаціи нѣтъ ничего принудительнаго, никакого произвола, а она обусловливается исключительно нашими нуждами, то мы очевидно внесем в нее тѣм больше силы и энергіи, чѣм сильнѣе мы будем чувствовать данную потребность. Всѣ мы участвуем в производствѣ и всѣ имѣем очевидно право на потребление, а так как для того, чтобы имѣть возможность удовлетворить потребностям всѣх, эти потребности будут рассчитаны заранее (включая сюда и новыя потребности, которыя можно будет предвидѣть), то в распредѣленіи продуктов без труда установится солидарность. Недаром говорят, что взгляд человека может обнять больше чѣм сколько входит в его желудок: чѣм сильнѣе будет у него какое-нибудь желаніе, тѣм дѣятельнѣе будет он стремиться к его осуществленію, и таким образом произведет не только все то, что нужно для его сотоварищей, но сможет удовлетворить даже и тѣх, у которых явится желаніе обладать данным предметом только тогда, когда он будет уже существовать. Потребности человека безконечно разнообразны; также безконечно разнообразны будут виды его дѣятельности и средства к удовлетворенію этих потребностей, и именно это разнообразіе будет содѣйствовать общей гармоніи.

В нашем обществѣ, гдѣ люди, для полученія необходимых для жизни предметов, привыкли всегда рассчитывать на чужой труд, они преслѣдуют только одну цѣль: достать

внушить к ним любовь и сдѣлать их общество пріятным. И такого рода чувства сдѣлают союзы гораздо болѣе нерасторжимыми, чѣм самые жестокіе законы и самое сильное угнетеніе.

Мы, собственно, не занимаемся здѣсь критикою современнаго брака, который в сущности равносильна самой наглой проституціи: браки по расчету, в которых чувство не играет никакой роли, браки, заранее устраиваемые семьями — особенно семьями буржуазными, — причем у тѣх, кого соединяют таким образом, не спрашивается согласія; браки неравные, гдѣ разрушающіеся старики соединяются, благодаря своим деньгам, с полными свѣжести и красоты молоденькими дѣвушками; браки, гдѣ старухи покупают за деньги любовь молодых людей, платящихся своим тѣлом, да еще нѣкоторым позором за свою жажду обогащенія. Эти браки уже много, много раз критиковали, и возвращаться к этому — лишнее. С нас достаточно было показать, что половой союз не всегда был окружен одними и тѣми же формальностями и что он сдѣлается наиболѣе достойным тогда, когда избавится от всяких стѣсненій. Другого выхода бесполезно и искать².

² Здѣсь слѣдовало бы изложить наш взгляд на воспитаніе дѣтей в будущем обществѣ, но это уже было сдѣлано в книжкѣ «Общество на другой день послѣ революціи» (Société au lendemain de la révolution) в главѣ о «Ребенкѣ в новом обществѣ».

Если, действительно, как говорят защитники регламентации брачных отношений, человек склонен к непостоянству, если его любовь не может прочно остановиться на одном предмете, то что же делать? Раз до сих пор все стеснения ни к чему не повели и только создали новые пороки, то предоставим лучше человеческой природе свободу: пусть она развивается в том направлении, куда влекут ее естественные стремления. У человека хватит теперь настолько ума, чтобы различить, что для него полезно и что вредно, и увидеть на опыте, в каком именно направлении нужно идти. Если законам эволюции будет предоставлена свобода, то мы уверены, что шансы пережить и оставить потомство окажутся на стороне наиболее приспособленных, наилучше одаренных.

Если же, как мы думаем, стремления человека влекут его, наоборот, к единоженству, к прочному союзу двух существ, которые, раз встретившись, научились понимать и ценить друг друга и в конце концов как бы слились в одно, потому что их союз становится все полнее и теснее, их воля, желания и мысли все больше и больше тождественными, то для таких людей законы, принуждающие их жить вместе, еще менее нужны: их собственная воля служит лучшей гарантией нерасторжимости их союза.

Когда мужчина и женщина перестанут чувствовать себя прикованными друг к другу, то если они действительно друг друга любят, каждый из них будет стараться заслужить любовь избранного им существа. Когда каждый будет чувствовать, что любимый человек всегда может бросить семейное гнездо, раз только он не находит в нем того удовлетворения, о котором мечтал, он будет стараться сделать все возможное, чтобы привязать его к себе вполне. Как некоторые птицы, которые в пору любви одёваются, для привлечения самок в яркие перья, люди будут культивировать в себе такие нравственные качества, которые смогут

себе побольше денег, чтобы иметь возможность купить себе что угодно; а так как ручной труд едва позволяет человеку не умереть с голоду, то всякий, кто может, старается добыть себе денег как-нибудь иным путем, только не трудом: один становится чиновником, другой журналистом (причем не останавливается и перед шантажем); тот, у кого есть некоторый капитал, начинает торговать, увеличивать свой доход, обманывая своих сограждан, занимается спекуляцией и ажиотажом, или же эксплуатирует чужой труд. Люди прибегают к всевозможным низостям и не делают единственного дела, которое могло бы удовлетворить всех: не занимаются полезным, производительным трудом. Каждый заботится только о себе, совершенно не думая о тех, кому он наносит ущерб; отсюда тот безразсудный эгоизм, который стал, повидимому, единственным двигателем человеческих поступков.

Но по мере того как человек развивается, он перестает жить только ради себя одного; тип действительно развитого эгоиста, это — человек который страдает от страдания окружающих, который не может наслаждаться, когда он знает, что его наслаждение покупается благодаря недостаткам нашего общественного устройства, ценю чужого страдания. В среде буржуазии встречаются люди с очень развитою чувствительностью; если влияние среды, воспитания, наследственности не помешает им думать об общественных бедствиях и отдавать отчет в собственной жизни, они начинают стараться по возможности облегчить эти бедствия путем благотворительности. Развиваются различные благотворительные учреждения; но вследствие привычки смотреть на настоящее общественное устройство как на нормальное, а на бедность — как на явление долженствующее существовать вечно, все эти учреждения носят сухой, инквизиторский характер.

Дѣло в том, что для человѣка родившагося, воспитавшагося, развившагося в тепличной атмосферѣ благосостоянія и роскоши, очень трудно, даже невозможно без каких-нибудь исключительных обстоятельств, начать сомнѣваться в законности того положенія, которым он пользуется. Что же касается разбогатѣвшаго выскочки, то для него это еще труднѣе, потому что он убѣжден, что достиг своего настоящаго положенія исключительно благодаря своему труду и своим талантам. Религія, политическая экономія и буржуазное самодовольство столько раз повторяли нам, что труд — наказаніе, а бѣдность — послѣдствіе непредусмотрительности, что трудно ожидать, чтобы человѣкъ, которому никогда не приходилось бороться с судьбой, не считал себя существом высшей породы. С того момента, когда он начнет в этом сомнѣваться, когда он примется изучать современное общественное устройство, если только он способен понять его недостатки, всѣ его удовольствія будут отравлены в самом их источникѣ. Мысль, что роскошь, которою он пользуется, покупается цѣною бѣдствій цѣлой массы рабочих, что каждое его удовольствіе оплачено страданіями тѣх, кто жертвовал собою, чтобы создать его, сдѣлается для него источником страданій. И если в этом человѣкѣ, наравнѣ с чувствительностью, развито и стремленіе к борьбѣ, то из него выйдет революціонер, борющійся с существующим общественным строем, который не может обезпечить ему даже умственнаго и нравственнаго удовлетворенія.

Не нужно забывать, в самом дѣлѣ, что социальный вопрос не исчерпывается одною матеріальною стороною жизни. Конечно, мы боремся прежде всего за то, чтобы всѣ были сыты, но наши требованія на этом не останавливаются: мы боремся, вмѣстѣ с тѣм, и за возможность для всякаго развивать свои способности, пользоваться тѣми умственными наслажденіями, которых требует его мозг.

Зачѣм непременно стремиться регламентировать то, чему удалось уцѣлѣть, несмотря на цѣлые вѣка угнѣтенія? Признаем лучше раз навсегда, что человѣческія чувства не поддаются никакой регламентаціи и что для их полнаго и нормальнаго развитія нужна полная свобода. Не будем такими чопорными: мы станем зато откровеннѣе и нравственнѣе.

Мужчина, владѣющій собственностью, стремится передать продукт своих грабежей наслѣдникам; с другой стороны, женщина до сих пор считалась существом низшим, скорѣе собственностью, вещью, чѣм сотоварищем. Понятно, поэтому, что для обезпеченія своего господства над женой и возможности передать свое имущество по наслѣдству, мужчина стремился сдѣлать семью нерасторжимой. А, так как эта семья основывалась не на взаимной привязанности, а на выгодѣ, то чтобы помѣшать ей распасться под вліяніем противоположности интересов, нужна была внѣшняя сила.

Анархисты, которых обвиняют в желаніи разрушить семью, хотят, наоборот, разрушить именно этот антагонизм, основать семью на взаимной любви и сдѣлать ее таким образом болѣе прочной. Если мужчина и женщина хотят прожить вмѣстѣ до конца своих дней, то анархисты нисколько не хотят мѣшать этому, только на том основаніи, что союзы стали свободными. И когда они говорят, что нужно уважать свободу личности ребенка и не смотрѣть на него как на вещь или собственность родителей, они вовсе не думают мѣшать отцам и матерям воспитывать своих дѣтей. Правда, они хотят уничтожить *юридическую* семью и сдѣлать так, чтобы мужчина и женщина могли сходиться или расходиться когда им угодно. Они отрицают вмѣшательство глупаго и единообразнаго закона в такія сложныя чувства, как тѣ, которыя связаны с любовью.

жизнь сгладила эти хорошия качества, выдвинув, наоборот, недостатки и разныя шероховатости, с которыми они не умѣют справиться. Слѣдует-ли из этого, что только потому, что эти люди обманулись друг в другѣ в момент возбужденія, они должны платиться всю жизнь за ошибку, заставившую их принять за вѣчное и глубокое чувство то, что было в дѣйствительности лишь результатом увлеченія?

Конечно нѣтъ! пора нам придти к болѣе здравым понятіям. Как будто бы любовь не оказывалась всегда сильнѣе всевозможных законов, правил приличія и осужденій, которыми старались окружить проявленія полового влеченія! Развѣ порицаніе, с которым относятся к женѣ, обманывающей своего мужа (мы не говорим о мужчинѣ, который сумѣл завоевать себѣ свободу в этом отношеніи), или то положеніе паріи, на которое наши чопорныя общества обрекают незамужних матерей, мѣшали хоть когда-нибудь женщинам обманывать своих мужей, а дѣвушкам — отдаваться тому, кто им понравился или кто сумѣл воспользоваться моментом, когда чувство заглушило голос разсудка?

Вся исторія, вся литература переполнена разсказами об обманутых мужьях и обольщенных дѣвушках. Половая потребность — первый двигатель человѣка; тайно или явно, но в концѣ концов он всегда уступает ей.

Существуют нѣкоторыя страстныя, но слабыя и робкія натуры, убивающія себя вмѣстѣ с любимым человѣком, потому что они не рѣшаются порвать с предразсудками, не имѣют достаточно нравственной энергіи чтобы бороться с препятствіями, которыя ставят им наши нравы, или глупость родителей; но на этих немногих приходится цѣлая безчисленная масса людей, не обращающая — втайнѣ — никакого вниманія на предразсудки. Единственное, к чему это приводит, — это, что мы становимся обманщиками и лицемѣрами.

Для многих анархистов вопрос правда ставится иначе, и отсюда-то и вытекают всѣ эти разнообразныя толкованія и споры об эгоизмѣ, альтруизмѣ и т. под. Вопрос о хлѣбѣ — вопрос первостепенной важности, но для самаго успѣха революціи было бы очень опасно ограничиваться им одним, потому что в таком случаѣ можно было бы принять и идеал социалистическаго государства, которое может и должно обезпечить всѣм удовлетвореніе матеріальных потребностей.

Если бы будущая революція ограничилась в своих требованіях одним вопросом матеріальной жизни, ей грозила бы опасность остановиться на пол-пути, выродиться в какую-то оргію, послѣ которой революціонеры легко сдѣлались бы добычей штыков буржуазной реакціи. К счастью, этот вопрос, наиболѣе важный — мы вполне с этим согласны — для міра рабочих, совершенно лишенных, вслѣдствіе все болѣе и болѣе усиливающейся безработицы, возможности быть увѣренными в завтрашнем днѣ, не есть единственный вопрос, разрѣшеніе котораго предстоит будущей революціи. Несомнѣнно, что первое, что должны будут сдѣлать анархисты для обезпеченія успѣха революціи, это — завладѣть общественным богатством, призвать обездоленных, захватить магазины, орудія и землю, устроиться в здоровых квартирах, разрушить тѣ трущобы, в которых они вынуждены жить теперь; возставшій народ должен будет уничтожить всѣ документы, устанавливающіе права на собственность; нотаріальные документы, кадастры, записи — все это должно будет быть пересмотрѣно и «очищено». Но для выполненія всей этой работы мало людей просто голодных: для этого нужны люди сознающіе свое личное достоинство, ревниво стоящіе за свои права, твердо стремящіеся к завоеванію их и умѣющіе их защитить. Вот почему для этого переворота недостаточно разрѣшенія одного вопроса матеріальнаго

обезпеченія. И вот почему, рядом с требованіем права на существованіе, которое ставят анархисты, возникают всевозможные вопросы науки, искусства, философіи, которые анархистам приходится изучать и выяснять, так что анархическія идеи должны обхватывать собою всѣ области человѣческаго знанія. Повсюду онѣ черпают аргументы в свою пользу, повсюду онѣ находят сторонников, которые приносят им свои требованія и свои знанія. Человѣческія знанія так обширны, что даже наиболее одаренные умы могут вмѣстить лишь часть их; поэтому идея анархизма не может сконцентрироваться в умах нѣскольких личностей, которыя начертали бы ей границы и предписали бы программу: она может разрабатываться только общими усилиями, когда каждый вкладывает в нее свои знанія, и это-то именно и составляет ея силу, потому что только такое сотрудничество всѣх может дать ей возможность стать выразительницей стремленій человѣчества.

что, на основаніи общаго закона органической жизни, все то, что не идет вперед, погибает и разлагается, уступая мѣсто новым организациям, еще имѣющим перед собою в будущем цѣлую эволюцію.

Буржуазіи пришлось самой признать эту аксіому и, как поправку к браку, который она вначалѣ хотѣла сдѣлать нерасторжимым, ввести развод. Правда, развод возможен только в извѣстных особых случаях и добиться его можно только посредством судебного процесса, безчисленных хлопот и значительных затрат; тѣм не менѣе он, как бы то ни было, является аргументом против прочности семьи. Послѣ долгаго сопротивленія, необходимость его, все-таки пришлось признать, несмотря на то, что, расторгая лежащій в основѣ брак, он сильно расшатывает семью. Может-ли быть болѣе ясное признаніе того, что будущее принадлежит свободному союзу и что закрѣплять обрядом то, что другой обряд может расторгнуть, совершенно бесполезно? Зачѣм заставлять одного человѣка, опоясаннаго трехцвѣтным шарфом, освящать союз, который три других человѣка в судейских тогах и шапках смогут признать недѣйствительным?

Вот почему анархисты отрицают организацію брака и думают, что если два человѣка любят друг друга, то им нечего ждать позволенія третьяго, чтобы соединиться; раз они этого хотят, обществу нѣтъ до этого никакого дѣла и ему нечего вмѣшиваться. Кромѣ того, потому только; что они раз отдались друг другу, союз мужчины и женщины не становится нерасторжимым, они не обязаны жить вмѣстѣ до самой смерти, даже если они перестанут друг другу нравиться: то, что их свободная воля сдѣлала, та же свободная воля может и уничтожить.

Может случиться, что под вліяніем страсти и увлеченія они видѣли друг в другѣ только хорошія качества и закрывали глаза на дурныя; но вот они сошлись, и совмѣстная

стѣсненій гарем отца; для того, чтобы мать наслѣдника не являлась частью наслѣдства, нужно было сдѣлать еще шаг вперед. Замѣтим, кромѣ того, что если у нѣкоторых племен мужчина может владѣть нѣсколькими женами, то есть и такія, гдѣ женщины имѣют по нѣскольку мужей.

Это постепенное развитие, это преобразование обычаев не совершается однако с логическою правильностью, так, чтобы каждая форма исчезла с появленіем новой, болѣе сложной. Онѣ смѣшиваются, переплетаются между собою и составляют амальгаму, в которой очень трудно разобраться. Онѣ образуют всевозможныя комбинаціи, сливаются друг с другом, устраняя в одном мѣстѣ один обычай, в другом — другой, так что составить себѣ приблизительное понятіе о ходѣ эволюціи человѣчества можно только пользуясь наблюденіями прежних путешественников над прошлыми племенами, а также и наблюденіями над племенами, до сих пор существующими.

Было время, когда собственность была организована на совершенно иных началах и распредѣлялась иначе чѣм теперь; современная ея организація создалась только благодаря силѣ, хитрости и воровству. В самом дѣлѣ, пока семья была родом ассоціаціи, в ней, очевидно, не было частной собственности; если же то, что первоначально принадлежало всѣм, обратилось в собственность нѣскольких, то это могло произойти только благодаря грабежу, в какой бы то ни было формѣ. Точно также и семья была, как мы видим, когда-то совершенно иной, чѣм теперь, и тѣ буржуа, которые увѣряют нас, что эти два учрежденія покоятся на вѣчных и неизблемых законах, сами не знают, что говорят: нѣтъ никаких основаній думать, что то, что развивалось прежде, неспособно продолжать развиваться и в будущем. Их слова могли бы служить доказательством лишь одного — что оба эти учрежденія, если только они дѣйствительно не развиваются, близки к паденію, потому

Глава III Можно ли упрекнуть нас в отвлеченности?

«Ваши идеи слишком отвлечены», часто говорят нам многіе из тѣх, кто думает, что, обращаясь преимущественно к рабочим, мы достигли бы своей пропагандой больших результатов, если бы не ставили вопросы так широко.

Выше мы уже видѣли, что само развитіе идей заставляет нас заниматься такими вопросами, которые не всегда доступны нашей публикѣ; это — неизбежное явленіе, которому нам приходится подчиняться и против котораго мы ничего не можем сдѣлать. Не спорим, для людей только что начинающих знакомиться с общественными вопросами, наша литература кажется иногда сухой и отвлеченной; но развѣ наша вина, если таков сам предмет, который мы рассматриваем и должны рассматривать? Развѣ наша вина, если защищаемыя нами идеи тѣсно сплетаются между собою, сливаются со всѣми отраслями человѣческаго знанія и, в силу этого, заставляют всякаго, кто хочет выяснить их себѣ, заняться изученіем таких предметов, в которых он раньше вовсе не предвидѣл надобности? Да, кромѣ того, развѣ предварительная работа, которой нам предлагают ограничиться, не сдѣлана уже тѣми социалистами, которые были нашими предшественниками? Развѣ сама буржуазія не разрушает своего общества? Развѣ даже различные честолюбцы — радикалы и болѣе или менѣе

истинные социалисты — не стараются всеми силами доказать рабочим, что современное общество ничего не может для них сделать, что его нужно изменить? Анархистам остается только разобраться во всей этой громадной работе, привести ее в порядок и сделать вывод. Их роль ограничивается тем, чтобы указать средства избавиться от угнетающего нас зла, чтобы доказать, что устранить все нежелательные явления, которые так успешно критикуют разные стремящиеся ко власти буржуа, можно только тогда, если мы не будем довольствоваться изменением только одной какой-нибудь части общей машины. Именно потому и сложна наша работа что идеи, с которыми нам приходится иметь дело, сами по себе отвлечены. Если бы мы согласились удовольствоваться одной декламацией и голословными утверждениями, то и наша задача, и задача наших читателей была бы очень легка. Не было бы ни трудных вопросов, ни надобности в аргументах и логике, потому что говорить и писать фразы в роду: «Товарищи! хозяева нас грабят! Буржуа — негодяи, правительственные лица — мошенники! Возстанем, уьем всех капиталистов, подожжем фабрики!» и т. под. очень нетрудно. Но ведь и до того, как начали это писать, эксплуатируемые убивали иногда своих эксплуататоров, угнетаемые совершали революции, бедные возставали против богатых, и однако все это не изменило положения. Правители сменились; в 1789 году собственность перешла из одних рук в другие; после того было сделано еще несколько революций в надежде совершить новое ее перемещение, и все-таки правительства продолжают угнетать своих подданных, а богатые живут на счет эксплуатируемых ими бедняков; в этом отношении ничего не изменилось.

Затем, уже после того, как эти мысли были высказаны в литературной форме, точно также были новые революции, и все-таки положение вещей осталось тем же! Дело в том, что

рывает роль родильницы) показывают нам, что власть, пользовавшаяся признанием прежде всего, это — власть матери над детьми¹.

У одних племен дети входят в род матери; у других — власть мужчины уже признается, но наследство переходит не к его детям, а к детям его сестры, что составляет как бы переходную форму между материнской и отцовской властью. Другой такой переходной формой является упомянутый уже обычай, состоящий в том, что при рождении ребенка мужчина ложится в постель, принимает лекарства и получает поздравления, как родильница. Для установления своей власти над детьми отцу нужно еще очевидно доказать на деле свое отцовское право. Это было бы излишним, если бы такое право не оспаривалось всеми предыдущими обычаями, уже исчезнувшими, но оставшимися в памяти благодаря некоторым вызванным ими практическим приемам.

А сколько раз изменялись формы союза между мужчиной и женщиной? В самом начале существования человечества не было никаких форм брака, и в отношениях между полами царил полный беспорядок: каждый мужчина соединялся с любой женщиной и каждая женщина принимала или терпела ласки всякого самца.

Когда человек развился и стал несколько менее грубым, смешение полов еще продолжало существовать, но уже начали различаться первые степени родства. Понятия отца, матери, брата, сестры еще не обозначились ясно, но уже является запрещение союзов между племенами одного и того же тотема, имеющими общее происхождение; тем не менее женщины еще принадлежат всем мужчинам, а мужчины всем женщинам клана. Позже, с установлением власти мужчины как главы семьи, степени родства начинают различаться лучше; однако браки между братьями и сестрами все еще происходят и сын наследует без всяких

Глава VI Семья

Собственность, семья и власть развивались параллельно. Раз только люди соединились между собою под влиянием потребности устранить какое-нибудь препятствие, о которое бесполезно разбивались все их единичные усилия, прибыль, получаемая от этого соединения сил, должна была, несомненно, делиться между всеми. А так как, с другой стороны, общества были временными и их существование обуславливалось только достижением непосредственного результата, то эти первые человеческие группы должны были быть — как это мы видим у некоторых млекопитающих и у человекообразных обезьян, — группами семейными, т. е. такими, где одна или несколько самок собираются вместе с детенышами, вокруг одного самца, который для поддержания своей власти, выгоняет из своей группы молодых самцов по мере того, как они подростают и грозят сделаться ему соперниками.

Было бы однако слишком смело заключить из этого, что власть самца господствовала безраздельно и повсюду с самого начала зарождения обществ: если у многих диких племен, где семейные единицы соединились в более значительные группы, мы и находим такую власть, то другие, очень убедительные примеры (например существование обычая, где мужчина, во время рождения ребенка разыг-

¹ Мы не будем приводить здесь всех фактов, потому что не имеем в виду излагать их, а только хотим объяснить, как именно представляем мы себе семью будущего. Читателей же, которые захотят изучить вопрос основательнее, мы отсылаем к специальным трудам.

недостаточно говорить и писать, что рабочего эксплуатируют: нужно еще объяснить ему, что, меняя своих правителей, он не перестает быть эксплуатируемым и что если бы он даже сам стал на их место, он сделался бы в свою очередь таким же эксплуататором, а позади него осталась бы эксплуатируемая масса, которая выставила бы против его господства те же самые обвинения, которые он теперь выставляет против тех, кого он хочет сместить. Нужно объяснить кроме того рабочим, каким образом буржуазия сумела привязать их к существующему обществу и заставить их защищать интересы эксплуататоров даже тогда, когда они думают, что защищают свои собственные, — все это благодаря такому устройству, которое не может дать рабочему ничего, кроме никогда не исполняющихся обещаний.

Само буржуазное общество, всей своей организацией, основанной на антагонизме интересов, ведет рабочих к революции; они всегда и делали революции, но точно также всегда и позволяли обратить их в пользу других, потому что они «не знали» заранее. Роль пропагандистов состоит именно в том, чтобы «научить» рабочих, а чтобы «научить» нужно «доказать». Голословное утверждение может создать людей верующих, но не людей сознательных.

В те времена, когда даже у самых крайних социалистов власть считалась основой всякой организации, имели только верующих не представляло никаких неудобств; это даже облегчало задачу тех, кто брался ими руководить: они могли ограничиваться одними утверждениями и им верили или не верили, смотря по степени того влияния, которое они сумели приобрести. А так как эти руководители вовсе не стремились к тому, чтобы их последователи понимали, почему их заставляют действовать так или иначе, а требовали от них только веры, которая побуждала бы их слепо повиноваться полученным приказанием, то им и нечего

было ломать себѣ голову над доставленіем им аргументов. Масса вѣрила в высших личностей, поставленных для того, чтобы думать и дѣйствовать за нее, и не нуждалась в знаніи: вѣдь у вождей есть, думала она, заранѣе выработанный, готовый план общественнаго переустройства, который они приложат на практикѣ, как только придут ко власти. Все, что требовалось от людей из толпы, это — умѣть драться и умирать. А как только вожди придут ко власти, народ может больше не беспокоиться: все будет сдѣлано в свое время.

Но с появленіем анархических идей все это измѣнилось. Отрицая необходимость «посланных свыше» личностей, борясь с властью, требуя для каждого человѣка права и обязанности дѣйствовать только по его собственному желанію, внѣ всякаго принужденія, внѣ всякаго стѣсненія его свободы, считая личную инициативу основой всякаго прогресса, всякой дѣйствительно свободной ассоціаціи, анархическая идея не может уже довольствоваться тѣм, чтобы создавать вѣрующих: она должна стремиться, главным образом, создавать людей убѣжденных, знающих, почему именно они вѣрят, людей, которые взвѣсили и обсудили представленные им аргументы и сами оцѣнили их. А это ведет к тому, что пропаганда становится болѣе трудной, болѣе отвлеченной, но вмѣстѣ с тѣм и болѣе плодотворной.

Но раз поступки людей зависят только от их собственной инициативы, то они должны имѣть возможность и приложить эту инициативу. Для того же, чтобы она могла свободно согласоваться с дѣйствіями других, она должна быть сознательной, разумной, основанной на логикѣ и фактах; чтобы всѣ отдѣльныя дѣйствія вели к одной общей цѣли, они должны основываться на одной общей идеѣ, ясно понятой и хорошо выработанной, а только строгое, логическое и точное обсужденіе может повліять на ум ея сторонников и заставить их думать самостоятельно.

собственности не было еще болѣе несправедливым, чѣм наше — даже если бы признать, что наше несправедливо, что совершенно невѣрно? Оно совершалось не в пользу коллективности, а ради обогащенія нѣскольких торгашей, которые поспѣшили объявить войну нападавшим на замки крестьянам и начали разстрѣливать их как разбойников. Поэтому, когда буржуазію хотят заставить отдать свою собственность, ей нечего жаловаться, что ее грабят: сама эта собственность есть продукт кражи.

они работают, тѣм больше получают, тогда как рабочіе чѣм больше производят, тѣм больше усиливают безработицу и уменьшают свои шансы стать потребителями? Каким образом происходит, что чѣм больше магазины ломаются под тяжестью продуктов, тѣм больше производители умирают с голоду, и что, богатство, которое должно было бы быть источником всеобщаго довольства, становится, наоборот, причиной бѣдности того, кто его создал?

Из сказаннаго мы видим, что частная собственность доступна только для того, кто эксплуатирует других. Исторія человечества показывает нам, что эта форма собственности не существовала в первых человеческих обществах, а начала выдѣляться из общей собственности рода или клана лишь на гораздо болѣе поздней ступени эволюціи — одновременно с выдѣленіем семьи из первоначальнаго смѣшенія полов. Это, конечно, не могло бы считаться аргументом против ея законности, если бы только она не была основана на произволѣ; мы хотим только показать этим, как мало цѣны имѣют аргументы защитников буржуазіи, утверждающих, что собственность существовала всегда в таком видѣ, как теперь.

Да кромѣ того, развѣ тѣ люди, которые теперь так возмущаются против анархистов, собирающихся отобрать у них силой их собственность, церемонились сколько-нибудь в 1789 году, когда они отбирали собственность у дворянства, или когда они обманывали надежды крестьян, которые взялись за дѣло и стали вѣшать аристократов-помѣщиков, разрушать замки и завладѣвать помѣстьями? Развѣ цѣлью всѣх этих конфискацій и продаж — фиктивных или по непомѣрно дешевым цѣнам — не было ограбить в свою пользу как прежних собственников, так и крестьян, рассчитывавших также получить свою долю? Развѣ это не было простым проявленіем права сильнаго, которое они только прикрывали законными формами? Развѣ это лишеніе

Этим и обусловливается наш способ дѣйствія: когда мы имѣем дѣло с какой-нибудь идеей, мы не извлекаем из нея фейерверка эффектных фраз, а разсматриваем ее со всѣх сторон и анализируем во всѣх подробностях, чтобы почерпнуть из нея всѣ возможные аргументы.

Совершить такой общественный переворот, к какому мы стремимся, а в особенности — как это желательно для нас — переворот повсемѣстный, конечно, дѣло нелегкое. Люди, живущіе в нашем обществѣ, мало склонны, как бы жестоко ни оказывалось по отношенію к ним это общество, стремиться, как стремимся мы, к полному общественному перевороту: они все таки привыкли видѣть в существующем обществѣ нѣкоторое обезпеченіе возможности благосостоянія для себя. Они понимают, что общество не исполняет своих обѣщаній по отношенію к ним, но не могут понять необходимости его полнаго разрушенія: у каждаго есть в запасѣ маленькая реформа, которая должна послужить смазкой для колес общественной машины и пустить ее в ход к вящему удовольствію всѣх. Поэтому они хотят знать, послужит ли этот переворот им во-вред или в пользу, и задают цѣлый ряд вопросов, из которых вытекает обсужденіе всѣх пріобрѣтеній человеческого ума с цѣлью узнать, будут ли они продолжать существовать послѣ той революціи, которую мы стремимся вызвать.

Понятны, поэтому, тѣ затрудненія, с которыми встрѣчается рабочій, когда перед ним ставится ряд вопросов, о которых благоразумно умалчивают в школах, вопросов, в которых ему трудно разобраться и о которых он, в большинствѣ случаев, слышит в первый раз. А между тѣм, если он только хочет умѣть воспользоваться той свободой, к которой он стремится, если он не хочет потратить свои силы себѣ во вред, а главное — если он хочет умѣть обходиться без «посланных свыше» личностей, внимательное изученіе и разрѣшеніе этих вопросов для него необходимо.

Когда перед пропагандистом анархической идеи возникает какой-нибудь, хотя бы самый отвлеченный, вопрос, он не может устранить этой присущей ему отвлеченности, не может обойти его молчанием под тѣм предлогом, что его слушатели никогда не слыхали о нем или неспособны его понять. Все, что он может сдѣлать, это — изложить ее ясным, точным и сжатым языком, избѣгая тѣх слов, которыя один мой товарищ сравнил с многоножками, т. е. слов понятных только для посвященных, не зарывать мысль в громкой и напыщенной фразеологии, не стремиться к фразам и эффектам — одним словом сдѣлать ее понятной и дать ей возможность проникнуть в массу. Но мы не можем уродовать идею под тѣм предлогом, что она недоступна этой массѣ.

Если только захотѣть оставить в сторонѣ всѣ тѣ вопросы, которых большинство читателей не поймет с первого же раза, то пришлось бы удовольствоваться декламацией и нанизываніем ничего не значущих фраз. Буржуазные фразеры слишком хорошо играют эту роль для того, чтобы мы стремились ее у них отнять.

Если рабочіе дѣйствительно хотят освободиться, они должны понять, что это освобожденіе не придет само собою, что его нужно завоевать и что саморазвитіе есть одна из форм соціальной борьбы. Возможность и продолжительность их эксплуатаціи буржуазным классом обусловливается их невѣжеством; если они хотят быть способными освободиться матеріально, они должны сумѣть освободиться и умственно. А если они останавливаются перед трудностями этого освобожденія, зависящаго исключительно от их желанія, что же будет когда они станут лицом к лицу с трудностями болѣе активной борьбы, гдѣ потребуются несравненно большая сила воли и характера?

Несмотря на всю бесполезность, на весь вредный характер буржуазіи, в умах нѣкоторых из ея представителей,

дѣйствительно накопленный труд, но только труд других, собравшійся в руках одного грабителя.

Самым лучшим доказательством основного недостатка нашей общественной организаціи является тот факт, что машины — этот величайшій шаг вперед, результат всѣх накопленных знаній, переходивших из поколѣнія в поколѣнія, машины, которыя должны были бы пойти на пользу всѣх человѣческих существ, которым онѣ облегчают жизнь, увеличивая их производительную силу и уменьшая труд — в дѣйствительности приносят рабочим только усиленіе их нужды и лишенія. Из употребленія машин извлекают пользу одни капиталисты, потому что машины дают им возможность сокращать рабочій персонал и, кромѣ того, вслѣдствіе розни, устанавливающейся благодаря безработицѣ между занятыми и незанятыми рабочими, понижают заработок первых, так как нужда заставляет их соглашаться на всякую предложенную плату, даже если она ниже суммы, необходимой для пропитанія их самих и их семьи. Так называемые естественные законы оказываются, таким образом, нарушенными благодаря их же собственному дѣйствію, а это показывает, что если даже это и «законы», то, во всяком случаѣ, не законы «естественные».

С другой стороны, очевидно и то, что при всѣх своих капиталах, при всѣх своих машинах, капиталисты не могли бы ровно ничего производить без помощи рабочих, тогда как рабочіе, если бы они согласились между собою и соединили свои силы, могли бы отлично обходиться без капиталистов. Но дѣло не в том. Мы хотим сдѣлать из сказаннаго только тот вывод, что раз капиталисты не могут ничего достигнуть без помощи рабочих, то из этого слѣдует, что самым важным фактором в производствѣ являются именно эти послѣдніе и что им должна была бы доставаться наибольшая доля продукта. Отчего же происходит, что эта доля идет, наоборот, капиталистам, что чѣм меньше

он не только не может рассчитывать выбраться из нужды, но если буржуазное общество продержится еще долго, ему предстоит все глубже и глубже погружаться в нее.

Представим себѣ теперь случай, когда такой достаточный рабочий, вмѣсто того чтобы продолжать откладывать свои сбережения в видѣ денег, заводит, накопив нѣкоторую сумму, собственное предприятие. Это точно также дѣлается все менѣе и менѣе осуществимым, потому что применение машин требует соединения очень больших капиталов и не дает возможности существовать отдѣльному предпринимателю; но допустим, что это возможно и что наш самостоятельный рабочий-хозяин работает один. Если политико-экономы правы, говоря, что всякая человеческая способность представляет собою капитал, вложенный в предприятие и обогащающій его обладателя, то мы видим здѣсь человека, вложившаго и денежный капитал, и капитал в видѣ рабочей силы, и капитал умственный; а так как ему при этом не с кѣм дѣлиться, то очевидно его капитал должен скоро удесятиться, а сам он — сдѣлаться миллионером.

В дѣйствительности же рабочих, которые бы работали одни, сами на себя, почти не существует, а мелкій хозяин, нанимающій двух или трех человек, живет лишь очень немногим лучше своих рабочих, причем он должен работать столько же, как и они, если не больше, потому что ему постоянно грозят различные платежи; он не может рассчитывать ни на какое улучшение своего положенія и должен считать себя счастливым, если ему удастся удержаться на высотѣ своего сравнительнаго благосостоянія и избѣгнуть банкротства. Большіе доходы, крупныя состоянія, широкая жизнь составляют привилегію только крупных собственников, крупных акціонеров, крупных фабрикантов, крупных спекуляторов, которые сами не работают, а нанимают цѣлыя сотни рабочих. Это ясно показывает, что капитал —

во всяком случаѣ, сосредоточились всѣ научныя знанія, нужныя для развитія человечества, и если мы не хотим, чтобы революція была шагом назад, нужно, чтобы рабочий оказался способным замѣнить того буржуа, котораго он хочет свергнуть, чтобы он не задержал своим невѣжеством развитие уже приобретенных знаній. Если даже он не может как слѣдует владѣть этими знаніями, он должен быть, во всяком случаѣ, способным их понять, когда ему придется с ними столкнуться.

Мы вполне понимаем, что терпѣть трудно, что человек, который голодает, хотѣл бы, наконец, дожить до того дня, когда он сможет утолить свой голод, что тѣм, которые едва переносят иго власти и ждут с нетерпѣніем возможности его свергнуть, хотѣлось бы слышать слова, соответствующія их настроенію, выражающія их ненависть, их желанія, их стремленія, их жажду справедливости. Но как бы сильно ни было это нетерпѣливое ожиданіе, как бы ни были законны эти требованія и потребность их осуществленія, идея тѣм не менѣе прокладывает себѣ дорогу лишь постепенно и овладѣвает умами только тогда, когда она созрѣет и выработается.

Вспомним, что та буржуазія, которую мы хотим свергнуть, употребила цѣлыя вѣка на то, чтобы подготовиться к сверженію королевской власти, и подумаем, сколько еще нам предстоит подготовительной работы! В XIV-м вѣкѣ, когда Этьен Марсель сдѣлал попытку захватить власть в пользу буржуазіи, уже организованной в то время в корпораціи, эта буржуазія уже чувствовала свою силу; она уже давно стремилась к власти и организовывалась с этою цѣлью, уже давно была образована, развита и работала над своим освобожденіем в формѣ борьбы общин с феодализмом. И, несмотря на все это, прошло еще четыре вѣка прежде, чѣм она достигла этой давно желанной цѣли.

Конечно, мы надѣмся, что нам не придется так долго ждать нашего освобожденія от буржуазной эксплуатаціи. Разложеніе буржуазіи уже теперь, послѣ такого короткаго владычества, быстро ведет ее к паденію; но не будем забывать, что если в 89 году буржуазія сумѣла утвердить свое господство вмѣсто владычества «божественнаго права», то это потому, что она была умственно готова к этому, и что чѣм быстрѣе идет теперь ея паденіе, тѣм больше должны мы, рабочіе, спѣшить умственно подготовиться — не к тому, чтобы замѣнить ее у власти, которую мы должны уничтожить, — а к тому, чтобы организовать так, чтобы никакая новая аристократія не могла стать на мѣсто свергнутой буржуазіи.

Итак, повторяем, раз мы признали идею свободной инициативы личности, мы должны сдѣлать так, чтобы эта личность могла разсуждать и пользоваться своей инициативой. Если же у нея не хватает силы воли освободиться от собственнаго невѣжества, то как же она сможет внушить другим то, чего сама не могла узнать? Не будем, поэтому, бояться обсуждать хотя бы самые отвлеченные вопросы: всякое рѣшеніе их есть шаг вперед по пути к освобожденію.

Раз мы отрицаем необходимость вождей, мы должны стремиться к тому, чтобы знанія, сосредоточившіяся прежде в их умах, растворились в умах толпы, а для этого есть только одно средство: это, не переставая, идти вперед и заставить толпу интересоваться тѣми вопросами, которые интересуют нас. Опять¹ таки повторяю, будем выражаться насколько возможно ясно, но не будем уродовать свою мысль: иначе, вмѣсто того, чтобы поднять массу,

¹ В использованном графическом оригинале отсутствовали страницы 26 и 27. (прим. fb2)

Пропуск восстановлен по изданию 1917 года.

Рѣшаются ли господа экономисты, толкующіе нам об умѣ капиталистов, утверждать, что тот, кто наживает миллионы биржевой игрой, спекуляціями и монопольным захватом, тратит в миллион большую умственную силу, чѣм — я не говорю уже рабочій, котораго можно считать артистом своего дѣла, — но даже самый простой рабочій, в самом обыденном ремеслѣ? Возьмите любого рабочаго — из тѣх, кому судьба наиболѣе благоприятствует, кто получает сравнительно хорошую заработную плату, никогда не остается без работы, никогда не болѣет. Сможет ли этот рабочій жить той широкой жизнью, которою должны были бы пользоваться всѣ, сможет ли он удовлетворять, продолжая работать, всѣм своим физическим и умственным потребностям? Да что об этом говорить: он не сможет удовлетворить даже сотой доли своих потребностей, если даже онѣ будут у него самыя ограниченныя, а если он захочет сберечь себѣ хоть что-нибудь на старость, то ему придется еще больше сокращать их. И все таки, как бы он ни был бережлив, ему никогда не удастся скопить столько, чтобы имѣть возможность жить не работая. Сбереженій, сдѣланных в производительную пору его жизни, едва хватит на пополненіе того дефицита, который принесет с собою старость — если только он не получит наслѣдства или, вообще, в его жизни не произойдет какой-нибудь счастливый случай, не имѣющій ничего общаго с трудом.

А сколько на одного такого привилегированнаго рабочаго приходится бѣдняков, никогда не имѣющих возможности утолить свой голод! Развитіе машин дает возможность эксплуататорам уменьшить свои рабочій персонал; безработных рабочих, которые понижают заработную плату и увеличивают безработицу, становится все больше и больше; кромѣ того, заработок уменьшается еще вслѣдствіе болѣзней, так что, в конце концов, рабочій, пользующійся достатком, все больше и больше обращается в миѳ:

ставляет собою сумму тѣх удовольствій, которых он лишал себя в прошлом. Как и капитал рабочаго, этот капитал должен прежде всего возстановить самого себя и кромѣ того принести еще страховую премію за риск; эта премія составит прибыль эксплуататора. Кромѣ того, если дѣло идет о промышленном предпріятіи, то в него вкладывается еще и стоимость построек и машин, которая также должна вернуться капиталисту и принести ему страховую премію. Мало того: его ум, тоже представляет собою капитал, и капитал не малый. Капиталист должен сумѣть выгодно помѣстить свой капитал, должен умѣть управлять своими дѣлами и самим собою узнавать, какіе предметы выгоднѣе производить, гдѣ существует на них спрос и т. под. Этот третій капитал тоже должен быть возвращен ему из его предпріятія. Прибавьте к этому, что, если предприниматель — инженер, ученый, врач, то вознагражденіе должно быть еще гораздо больше, потому что для образованія этого капитала потребовалось много затрат, а слѣдовательно, и возстановленіе его стоит дороже.

Затѣм, раз только это тонкое различіе между различными элементами, участвующими в производствѣ, установлено, то существующее распредѣленіе оказывается вполне справедливым: капиталист получает свои три доли из общаго продукта — вот и все. Вѣдь рабочій получил свою часть, чего же ему еще нужно? Пусть тоже сберегает, а затѣм вложит свои сбереженія в какое-нибудь промышленное предпріятіе; тогда он тоже будет получать тройную долю. Если он хочет чего-нибудь добиться, пусть прежде всего научится ограничивать себя! Пусть не тратит бессмысленно своих денег по кабакам! Пусть не производит на свѣт так много дѣтей! Борьба тяжела и человек должен умѣть отказывать себѣ в удовольствіях в настоящем, если хочет увеличить их в будущем!

мы сами спустимся до ея уровня, вмѣсто того, чтобы пойти вперед, пойдем назад. А это, нужно согласиться, очень странный способ пониманія прогресса.

Глава IV Дурен-ли человек сам по себе?

Сторонники власти говорят для оправдания своей точки зрения, что «человек слишком дурен для того, чтобы ему можно было предоставить самому руководить собою». «Для этого нужно передѣлать человека», отвѣчают обыкновенно анархистам, когда они говорят об обществѣ, основанном на солидарности, на полном равенствѣ, на полной свободѣ личности, об обществѣ без всяких законов и без всякаго принужденія.

Что человек дурен, это — правда, но, может быть, он способен измениться к лучшему, или к худшему? Может ли он, в его настоящем состояніи, измениться в хорошую или дурную сторону? Может ли он усовершенствоваться или, наоборот, понизиться в своем физическом и нравственном уровнѣ? Если эволюція его в ту или другую сторону возможна — что показывает нам исторія — то мы должны рассмотреть, какова в ней роль всѣх унаслѣдованных от прошлаго законов, всего механизма прошлых учреждений: стремятся ли они сдѣлать человека лучше, или, наоборот, хуже? Отвѣтив на этот вопрос, мы разрѣшим, вмѣстѣ с тѣм и другой вопрос, а именно: что нужно прежде всего преобразовать — современнаго ли человека или современное общественное устройство?

Никто в настоящее время не отрицает огромнаго вліянія физической среды на физическое строеніе человека; тѣм

ствѣ и обмѣнѣ, политико-экономы включают в понятіе о капитале все. Человек, который женится и производит на свѣт дѣтей, затрачивает капитал, но вмѣстѣ с тѣм и создает его вновь, потому что ребенок, когда он вырастет, сдѣлается в свою очередь капиталом! Мышечная сила, которую рабочій тратит в производствѣ есть капитал! Замѣтим, что помимо своих рук рабочіе всегда вносят в свою работу — какова бы она ни была — и извѣстное количество умственного труда, часто превышающее соотвѣтственный труд предпринимателя; но так как, в таком случаѣ, пришлось бы считать на долю рабочих двойную пропорцію капитала, а это стеснило бы политико-экономов в их расчетах, то они и обходят этот факт молчаніем.

Но так как сведеніем всей человеческой дѣятельности на понятіе о капиталѣ все таки нельзя объяснить происхожденіе капитала, то они и изобрѣли слѣдующее: «капитал — это та доля пріобрѣтеннаго трудом, которую предусмотрительные люди не потребили сразу, а сберегли в виду будущих потребностей.» И вот здѣсь-то интересно сдѣлать нѣкоторый расчет.

Всякій капитал, пущенный в оборот, говорят политико-экономы, должен принести: 1) извѣстную сумму, равную затраченной, чтобы цѣликом возстановиться, и 2) извѣстную прибыль, представляющую как бы страховую премію за риск, которому подвергается капитал. А так как рабочій, которому платят за его труд, ничѣм не рискует, то он имѣет право лишь на первую долю, которая даст ему возможность возмѣстить потраченный им капитал, т. е. питаться, одѣваться, имѣть помѣщеніе и вообще возстановлять свои силы. Имѣть дѣтей он должен не больше, чѣм позволяет ему избыток его заработка.

Что же касается хозяина, то это — дѣло совсѣм другое. Он вносит прежде всего первоначальный капитал, который идет на плату рабочим и на необходимыя покупки и пред-

проявиться стремление к борьбе и господству, переданное человеку по наследству от предыдущих поколений. Личности, у которых это стремление было сильнее, взяла верх над теми, у которых оно было слабее. Установившаяся таким образом власть видоизменялась затем сообразно развитию человеческого ума; общественный строй подвергался различным превращениям соответственно тому, царили ли в обществе сила, религиозный дух, или коммерческий расчет. В этих разнообразных формах власть удержалась до наших дней и будет держаться до тех пор, пока человек не избавится от своих ошибок и предрассудков, не завоеует себе независимость и не перестанет поработать других, из боязни быть самому поработанным более сильными.

Когда легенда о божественном происхождении власти и собственности оказалась разрушенной самой буржуазной наукой, буржуазия постаралась дать им другую основу, более прочную и более естественную. Политико-экономы возвели в «естественные законы» те факты общественной жизни, которые в действительности происходят от плохой организации общества, приняли их за причину того, чего они в сущности являются лишь следствиями, и украсили все эти нелепости названием науки. Чтобы узаконить самые безобразные общественные преступления, самую страшную эксплуатацию со стороны капитализма, они хотели свалить всю вину в существующей бедности на самих же бедняков; они возвели в закон самосохранения общества самый уродливый эгоизм, который, как мы видели выше, может вести лишь к общественным столкновениям, к трате сил и общественному регрессу, — если только он не смягчается другим, более развивающим и более гуманным началом — солидарностью.

Буржуазное общество основано на капитале, а этот последний является в форме денег; но, чтобы замаскировать ту исключительную роль, которую он играет в производ-

стве можно отрицать влияние среды нравственной и умственной на его психологию.

На чем основано современное общество? Содвигается ли оно к установлению гармонии между людьми, устроено ли оно так, что всякий вред, нанесенный одному из его членов, чувствуется всеми и все имеют возможность уменьшить или предупредить данное вредное влияние? Вытекает ли в нем частное благосостояние из общего и не заинтересованы ли кто-нибудь в нарушении¹ правильности его функционирования? Дает ли общество, управляемое всевозможными властями, королями, священниками и купцами, простор широким, гуманным идеям и не старается ли оно, напротив, подавить их? Не пользуется ли оно для угнетения слабых сильными грубой силой денег, отдающей наиболее безкорыстных и наименее эгоистичных людей в распоряжение корыстолюбивых и беззастыдливых?

Достаточно изучить механизм буржуазного общества, чтобы увидеть, что от него нельзя ждать ничего хорошего. В самом деле, стремление ко всему доброму и прекрасному должно было быть очень живучим в человеке, если его до сих пор не подавило то корыстолюбие, тот узкий, бессмысленный эгоизм, который наше официальное общество прививает ему с колыбели. Это общество основывается, как мы уже говорили, на антагонизме интересов и действует из каждого человека врага другого. Интерес продавца противоположен интересу покупателя; скотовод и земледельец только и хотят, чтобы хозяйство соседа пострадало от эпидемии или града, чтобы продать подороже свои собственные продукты; иногда они, кроме того, обращаются к государству, которое «покровительствует» им, налагая высокие пошлины на их конкурентов; развитие машин вносит все большее и большее разделение в среду рабочих:

¹ Конец вставки. (прим. fb2)

они оказываются выброшенными на улицу и борются друг с другом за получение работы, спрос на которую становится все ниже и ниже предложенья. Все в нашем традиционном обществѣ ведет к противоположенію интересов. Почему, напримѣр, существует бѣдность и безработица? Потому что магазины переполнены товарами. Почему людям до сих пор не пришло в голову сжечь их, или завладѣть ими в свою пользу, чтобы создать тѣ рынки, которых их эксплуататоры ищут в далеких странах, и получить ту работу, в которой им отказывают теперь? «Потому что они боятся полиціи», отвѣтят нам. Этот страх несомнѣнно существует, но его одного еще недостаточно для объясненія такой бездѣятельности со стороны бѣдняков. Сколько бывает в ежедневной жизни случаев, когда человек может сдѣлать какое-нибудь зло без всякаго риска, и все таки не дѣлает его, из каких-то других соображеній, помимо страха полиціи. Да кромѣ того, если бы всѣ бѣдняки какого-нибудь большого города, напримѣр Парижа, собрались вмѣстѣ, то их оказалось бы так много, что им нечего было бы бояться полиціи: они могли бы выдержать борьбу с нею в теченіе цѣлаго дня, а за это время очистить магазины и хоть раз наѣсться досыта. Развѣ страх удерживает людей, идущих в тюрьмы за бродяжничество и нищенство, между тѣм как для них было бы нисколько не опаснѣе взять самим то, что они теперь выпрашивают? Нѣтъ, все зависит оттого, что помимо страха у людей есть общественные инстинкты, которые мѣшают им дѣлать зло ради зла и заставляют их подчиняться самым большим стѣсненіям только потому, что они считают их необходимыми для правильнаго функціонированія общества.

Неужели можно было бы силой поддержать уваженіе к собственности, если бы в умѣ людей не существовало вмѣстѣ с тѣм понятія о ней как о чем-то законном, приобрѣтенном личным трудом? Развѣ когда-нибудь самая су-

ность и власть постепенно умирают: то, что обсуждается, уже не пользуется авторитетом; то, что опирается только на силу, может точно также и быть разрушено силою.

Растеніе питается на счет минеральнаго міра и атмосферы, животное — на счет растенія и уже гораздо позднѣе — на счет других животных, но во всем этом нѣтъ никакой заранѣе изобрѣтенной іерархіи живых существ, никакого плана, созданнаго Творцом міра или Природой; взятой в отвлеченном смыслѣ. Никѣм не предустановлено, чтобы растеніе должно было служить в пищу животному, животное и растеніе — в пищу человеку, а одна категория людей — быть слугами другой и доставлять этим избранным возможность наслаждаться жизнью. Во всем этом нѣтъ ничего кромѣ эволюціи, совершающейся под вліяніем естественных законов: сгущеніе газов дало начало минералам; питаться этими минералами мог только растительный мір, который, превращая их в органическія вещества, сдѣлал возможным в послѣдствіи развитіе жизни животной.

Если же мы признаем это эволюціонное происхожденіе человека, то для нас станет очевидным, что и послѣ появленія на землѣ первых мыслящих существ, для облегченія их дальнѣйшаго развитія не нужно было содѣйствія никакого Провидѣнія, никакого высшаго существа, которое дало бы в удѣл одним власть над своими ближними, другим — собственность на землю, а большинству — нужду и лишенія, повиновеніе своим господам и, как единственную функцію — работу в пользу этих послѣдних.

Но дѣло в том, что *борьба за существованіе* была вначалѣ единственною основою жизни; единственной заботой человека было съѣсть другого, чтобы не быть съѣденным самому. Когда же люди начали безсознательно пользоваться иным, гораздо болѣе высоким принципом, — принципом *ассоціаціи для совмѣстной борьбы*, — то в образовавшемся таким образом обществѣ должно было неизбѣжно

вотное от растенія. Прослѣдить здѣсь весь ряд форм до человѣка значило бы изложить тот ход эволюціи, который современная наука объясняет так ясно и так понятно для всякаго непредубѣжденнаго человѣка. Нам остается только отослать к ней читателя, а самим воспользоваться лишь нѣкоторыми фактами для доказательства той мысли, что часть земли была произвольно захвачена группой личностей, обративших ее в свою собственную пользу и в пользу своих потомков, в ущерб, как менѣе благоприятно поставленным личностям, так и будущим поколѣніям.

Очевидно, что такое объясненіе появленія человѣка на землѣ разрушает всѣ чудесные рассказы о его сотвореніи. В нем нѣтъ мѣста ни богу, ни какой бы то ни было другой творческой силѣ; человѣкъ есть ничто иное, как продукт эволюціи жизни земли, которая сама есть результат извѣстнаго соединенія газов, а эти газы, в свою очередь, прошли через цѣлый ряд превращеній, прежде чѣм, соединившись при надлежащей плотности и в надлежащих пропорціях, дать начало первому проявленію жизни. Но если мы устраним таким образом представленіе о сверхъестественном происхожденіи человѣка, то точно также теряет под собою почву и представленіе о божественном происхожденіи общества в том видѣ, в каком оно существует, с его раздѣленіем на богатых и бѣдных, на управляющих и управляемых. Государственная власть, столько времени опиравшаяся на легенду о своем сверхъестественном происхожденіи и державшаяся по меньшей мѣрѣ постольку же этой легендой, поскольку и грубой силой, уже подается под напором критики и грозит разрушиться; в настоящее время ей приходится уже прятаться за всеобщее избирательное право и закон большинства. Она могла существовать только до тѣх пор, пока не подвергалась критикѣ, а теперь, как мы увидим ниже, держится только благодаря силѣ. Мы можем поэтому сказать, что под вліяніем этой критики собствен-

ровыя наказанія мѣшали нарушать ее тѣм, кто, не заботясь, законна она или незаконна, хотѣл жить на чужой счет? Если бы у людей в самом дѣлѣ была та склонность ко злу, которую им приписывают, то можно себя представить, что произошло бы, когда, разобравшись в своем бѣдственном положеніи, они увидали бы, что его причина лежит в частной собственности: общество перестало бы существовать, а вмѣсто него воцарилась бы «борьба за существованіе» в самом жестоком смыслѣ слова; это было бы настоящее возвращеніе к варварству. Именно его стремленіе к «добру» было причиной того, что человѣкъ всегда позволял себя угнетать, поработать, обманывать и эксплуатировать и что до сих пор он избѣгает пользоваться, хотя бы для своего окончательнаго освобожденія насильственными средствами.

В сущности, когда нам говорят, что человѣкъ дурен сам по себѣ, и что ни на какое измѣненіе в этом отношеніи рассчитывать нечего, это сводится к слѣдующему разсужденію: «Человѣкъ дурен, общество плохо устроено; к чему же терять время на достиженіе для человѣчества такого совершенства, которое для него невозможно? Постараемся лучше, по возможности, проложить дорогу себѣ самим. И если даже наши удовольствія будут куплены цѣною слез и крови тѣх жертв, которыми мы усѣем наш путь, то не все ли равно? Нужно топтать других, если не хочешь быть самому растоптанным, а затѣм пусть тот, кто падает, устраивается как хочет!»

Привилегированные классы сумѣли установить свое господство, усыпить рабочих и превратить их в своих защитников, сначала обѣщая им лучшую жизнь — в другом мірѣ, — затѣм, когда вѣра в Бога исчезла, проповѣдая мораль, патріотизм, общественную пользу и т. под., наконец, в настоящее время, внушая им надежду на то, что всеобщее избирательное право даст им всевозможныя реформы

и улучшенія, в дѣйствительности не осуществимыя (потому что нельзя уничтожить зло современнаго общества до тѣх пор пока не разрушена самая причина этого зла, пока не преобразовано само общество); но пусть только эти эксплуататоры бѣдняков попробуют провозгласить чистое право сильнаго, и они увидят, долго-ли продолжится их господство: на силу им отвѣтят силой!

В тѣ времена, когда человѣкъ впервые начал группироваться с другими себѣ подобными, он был, вѣроятно, скорѣе еще животным, чѣм человѣком и представленія о нравственности и справедливости у него не существовало. Ему приходилось бороться с другими животными, бороться со всей окружающей природой; первыя человѣческія общества были, поэтому, вызваны по всей вѣроятности не чувством солидарности, а необходимостью соединить отдѣльныя силы. Эти общества, несомѣнно были вначалѣ лишь временными и имѣли в виду лишь ловлю добычи, устраненіе различных препятствій, а позднѣе — отраженіе или уничтоженіе нападающаго врага. Только по мѣрѣ того, как общества функционировали, люди начали понимать всю их важность; общества стали тогда переживать первоначально намѣченную цѣль и понемногу сдѣлались постоянными.

Но в то же время эта жизнь, полная непрерывной борьбы должна была неизбѣжно развить в личностях кровожадные и деспотическіе инстинкты: слабым приходилось подчиняться гнету сильных, а иногда и служить им в пищу. Лишь гораздо позднѣе, вѣроятно, наступило время, когда наравнѣ с силою начала господствовать хитрость.

Нужно сознаться, что когда мы изучаем человѣка в эту раннюю пору его существованія, он представляется нам довольно несимпатичным животным; но раз он мог развиться до своего теперешняго состоянія, раз он мог усвоить себѣ понятія и идеи, которыя отсутствовали у него

ющаго зла нужно уничтожить его в самом его источникѣ — собственности и капитализмѣ.

Современная наука показала нам, что земля образовалась из космическаго вещества, отдѣлившагося от солнечной туманности. Вслѣдствіе вращенія вокруг своей оси и вокруг центральнаго свѣтила это ядро сгустилось и, как дѣтище солнца, начало, подобно произведшему его свѣтилу, свѣтитъ собственным свѣтом в видѣ маленькой звѣзды среди млечнаго пути. Позднѣе, масса его охладилась, перешла из газообразнаго состоянія в жидкое и полу-жидкое, а затѣм, все больше и больше уплотняясь, стала совершенно твердой. При этом газы, находившіеся в раскаленной массѣ, образовали между собою различныя соединенія и дали начало тому основному матеріалу, который входит в состав земли — минералам, металлам, атмосферным газам.

По мѣрѣ того, как земля все больше и больше охлаждалась, дѣйствіе воды и атмосфернаго воздуха на минералы давало начало слоям почвы; вмѣстѣ с тѣм, соединеніе водорода, кислорода, углерода и азота произвело, в глубинѣ вод, нѣчто вродѣ органической студенистой массы, не имѣвшей ни опредѣленной формы, ни органов, ни сознанія. Эта масса обладала однако способностью двигаться, выпуская из себя отростки в том направленіи, в котором она хотѣла перемѣщаться, или, вѣрнѣе, в котором на нее дѣйствовало извѣстное притяженіе, и способностью ассимилировать захваченныя ею постороннія тѣла и ими питаться; наконец, у нея была еще одна способность: дѣлиться, по достиженіи извѣстной ступени развитія, на двое и, таким образом, давать начало новому организму, вполнѣ сходному с первым.

Таково скромное начало существованія человѣчества — настолько скромное, что лишь гораздо позднѣе, послѣ долгой эволюціи, послѣ образованія цѣлаго ряда типов в цѣпи живых существ, стало возможным отличить жи-

Глава V Собственность

Прежде, чѣмъ продолжать изложеніе нашихъ взглядовъ, не лишнее будетъ рассмотретьъ тѣ учрежденія, къ уничтоженію которыхъ мы стремимся, тѣ основы, на которыхъ покоится современное буржуазное общество, и объективную цѣнность этихъ основъ; вмѣстѣ съ тѣмъ мы увидимъ, почему нельзя преобразовать общество, не измѣнивъ всей его организаціи цѣликомъ и почему, пока это измѣненіе не совершится, никакое улучшеніе в немъ не будетъ дѣйствительно. Мы увидимъ вмѣстѣ съ тѣмъ, какія именно причины заставили насъ сдѣлаться анархистами и революціонерами.

Защита частной собственности и ея передача по наслѣдству — вотъ основы современнаго общественнаго строя. Изъ нея вытекаетъ правительственная власть, современная семья, судебная власть, армія, — всѣ эти гнетущія и разоряющія насъ учрежденія. Есть еще религія, но мы не будемъ заниматься ею: наука, хотя и буржуазная, уже убила ее. Оставимъ мертвыхъ въ покоѣ.

Мы не имѣемъ в виду дать историческій обзоръ развитія собственности: социалисты всѣхъ фракцій уже дѣлали это много разъ и вполне доказали, что она есть ничто иное, какъ результатъ воровства, обмана или пользованія правомъ сильнаго. Намъ остается только привести нѣкоторые факты в доказательство ея несправедливости и показать, что именно отъ нея происходятъ всѣ тѣ бѣдствія, отъ которыхъ мы страдаемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы увидимъ, что всѣ предложенныя реформы — не болѣе какъ приманки, способныя только усыпить эксплуатируемыхъ, и что для устраненія существу-

раньше, то почему бы ему остановиться на этой точкѣ и не пойти дальше? Отрицать возможность дальнѣйшаго прогресса было бы также нелѣпо, какъ если бы, в то время когда человѣкъ жилъ в пещерахъ и не имѣлъ ничего другого для своей защиты кромѣ каменнаго оружія или палки, кто-нибудь сказалъ, что онъ никогда не будетъ способенъ строить блестящіе города и пользоваться паромъ и электричествомъ. Почему человѣку, сумевшему приспособить къ своимъ нуждамъ подборъ домашнихъ животныхъ, не сумѣть направить свой собственный подборъ по пути добра и красоты, о которыхъ онъ уже начинаетъ составлять себѣ понятіе?

Человѣкъ мало по малу развивался и продолжаетъ развиваться каждый день. Его понятія подвергаются постояннымъ измѣненіямъ. Физическая сила, если и служитъ до сих поръ авторитетомъ, то во всякомъ случаѣ уже не является предметомъ прежняго поклоненія. Развились представленія о нравственности, справедливости, солидарности; теперь они уже пріобрѣли такую силу, что привилегированные классы должны, для поддержанія своихъ привилегій, внушать людямъ, что ихъ эксплуатируютъ и угнетаютъ для ихъ же пользы.

Но этотъ обманъ не можетъ длиться долго. Люди уже начинаютъ чувствовать, что имъ тѣсно в нашемъ плохо устроенномъ обществѣ; стремленія, зародившіяся цѣлые вѣка тому назадъ, но до сих поръ бывшіе лишь неполными и единичными, начинаютъ принимать опредѣленную форму и находятъ себѣ сочувствіе даже в рядахъ тѣхъ, кого можно включить в число привилегированныхъ личностей нашей современной общественной организаціи. Нѣтъ ни одного человѣка, который бы хоть разъ в жизни не почувствовалъ себя возмущеннымъ противъ современнаго общества, находящагося подъ властью умершаго прошлаго, — общества, которое точно задалось цѣлью оскорблять насъ во всѣхъ нашихъ чувствахъ, поступкахъ и стремленіяхъ, и отъ котораго че-

ловѣкъ тѣмъ больше страдает, чѣмъ больше онъ развивается. Идеи свободы и справедливости получаютъ болѣе опредѣленное выраженіе, люди, провозглашающіе ихъ, еще пока составляютъ меньшинство, но меньшинство уже настолько сильное, что правящіе классы начинаютъ беспокоиться и бояться.

Итакъ, мы видимъ, что, подобно всѣмъ другимъ животнымъ, человѣкъ есть ничто иное какъ продуктъ процесса развитія, обусловленнаго средою, окружающею его, и условіями существованія, которымъ онъ долженъ подчиняться или съ которыми долженъ бороться. Но въ отличіе отъ другихъ животныхъ — или, по крайней мѣрѣ, въ большей степени, чѣмъ они — онъ выучился понимать свое происхожденіе и имѣть извѣстныя стремленія по отношенію къ будущему; отъ него самого зависитъ поэтому устранить то зло, которое ошибочно считаютъ связаннымъ съ самимъ его существованіемъ. А разъ онъ создастъ себѣ иныя условія жизни, то онъ измѣнится и самъ.

Помимо этого, вопросъ можно формулировать слѣдующимъ образомъ: имѣетъ ли право человѣкъ — хорошъ онъ или дуренъ — жить какъ ему хочется и возмущаться когда его эксплуатируютъ или когда его хотятъ принудить къ такимъ условіямъ жизни, которыя внушаютъ ему отвращеніе? Въ настоящее время люди, стоящіе у власти и пользующіеся привиллегіей матеріальнаго благосостоянія, считаютъ себя лучшими, но стоитъ только «худшимъ» свергнуть ихъ, занять ихъ мѣсто и помѣняться ролями, какъ у нихъ будетъ ровно столько же права считатьъ себя лучшими, какъ и у тѣхъ.

Существованіе частной собственности, вслѣдствіе которой все общественное богатство сосредоточивается въ рукахъ немногихъ, дало этимъ немногимъ возможность жить паразитами на счетъ эксплуатируемой массы, весь трудъ которой идетъ на поддержаніе ихъ роскошной и бездѣятельной жизни или на защиту ихъ интересовъ. Такое положеніе, в

несправедливости котораго тѣ, которые страдаютъ отъ него, уже увѣрились, не можетъ долго продолжаться. Рабочіе требуютъ возможности свободно пользоваться продуктами своего труда и, если имъ будутъ продолжать въ этомъ отказывать, прибѣгнутъ къ возстанію; тогда буржуазія можетъ сколько угодно прятаться за соображеніе о томъ, что человѣкъ вообще дуренъ: революція все равно совершится. И вотъ, если дѣйствительно человѣкъ неспособенъ къ совершенствованію — а мы видѣли, что это невѣрно, — тогда начнется борьба appetitовъ; буржуазія, какъ бы не была она жадна, окажется во всякомъ случаѣ побѣжденной, потому что она будетъ въ меньшинствѣ. Если же человѣкъ дуренъ только потому, что его дѣлаютъ такимъ существующія учрежденія, то онъ можетъ подняться до такого общественнаго строя, который будетъ содѣйствовать его нравственному, умственному и физическому развитію, и сумѣетъ преобразовать общество въ направленіи солидарности интересовъ. Но, какъ бы то ни было, революція во всякомъ случаѣ, произойдетъ. Сфинксъ ставитъ передъ нами этотъ вопросъ и мы безъ страха отвѣчаемъ на него, потому что мы, анархисты — разрушители законовъ и собственности — знаемъ ключъ къ его разгадкѣ.

Глава XVII Принципы и средства борьбы

Нам часто приходится слышать со стороны людей, воодушевленных, быть может, самыми лучшими намерениями, выражения удивления по поводу того, что анархисты отрицают некоторые приемы борьбы, как противные их убеждениям. «Почему бы вам не попробовать, говорят одни, захватить в свои руки власть, чтобы принудить общество к осуществлению ваших идей на практикъ?» «Почему, восклицают другие, вы не хотите послать своих представителей в палату депутатов, или в муниципальные совѣты? Они могли бы там быть вам полезными, а, вмѣстѣ с тѣм, пользовались бы большим авторитетом для распространения ваших идей в массѣ».

С другой стороны, некоторые анархисты воображают, что поступают очень послѣдовательно, доводя свои рассуждения до абсурда и вырабатывая в себѣ цѣлый ряд понятий, рѣшительно не имѣющих ничего общаго с анархическими идеями. Некоторые, напримѣр, начинают, под предлогом разрушения собственности, защищать воровство; другие доходят в своей проповѣди свободной любви до таких нелѣпостей, которыя они, не колеблясь, назвали бы развратом, если бы дѣло шло о каком-нибудь буржуа. Но самые непримиримые, это — тѣ, которые отрицают всякіе принципы, считая их предрасудками; «что мнѣ за дѣло до принципов!» кричат они, «раз дѣло идет о револю-

Имѣть уродливое ухо или уродливый нос — особенно нос, конечно очень непріятно, особенно если этот недостаток принимает слишком смѣшную форму. Нѣтъ ничего красиваго в том, чтоб имѣть на лицѣ какой-нибудь нарост или пятно; очень часто это бывает одинаково непріятно как для самого человѣка, так и для тѣх, кто на него смотрит. Однако мы всегда думали, что имѣть такого рода уродство и без того достаточно горестно, чтобы еще вдобавок на человѣка смотрѣли как на преступника. Но так как таково именно мнѣніе Ломброзо, то нам остается только довести его до крайних послѣдствій и потребовать, чтобы акушеры и врачей обязали убивать всѣх новорожденных, являющихся на свѣт с уродливым носом или ухом. Всякое пятно на кожѣ составляет вѣрный признак нравственной испорченности. Возьмите, напримѣр, меня: у меня, помнится, есть гдѣ-то на тѣлѣ такія пятна, а к тому же я — анархист, что уже само по себѣ считается некоторыми признаком преступности; все это отлично подходит одно к другому и ясно говорит за то, что я должен стать преступником. А слѣдовательно, нужно предать меня смерти: теорія очевидно предсказывает мнѣ смерть на эшафотѣ. Правда, если бы приложить эту доктрину ко всѣм, кто под нее подходит, то, может быть, в живых осталось бы очень мало людей, но зато каким бы совершенным оказалось человѣчество и в нравственном и в физическом отношеніи! Никогда не нужно отступать перед логическими послѣдствіями какой-нибудь теоріи, когда она основывается на наблюденіи, как теорія Ломброзо!

Что касается татуировки, то мы, конечно, никогда не считали ее признаком особенно высокаго эстетическаго развитія: это — атавизм, под вліяніем котораго люди стремятся усовершенствовать свою «естественную красоту» разными украшеніями — совершенно так же, как это дѣлали наши предки в каменный вѣк. Тот же самый атавизм

заставляет до сих пор многих женщин прокалывать себе уши, чтобы вставлять туда кусочки металла или блестящие камни, совершенно так же, как бразильские ботокуды и некоторые австралийские и африканские племена прорезывают себе губы, носовой хрящ, или уши и вставляют туда круглые куски дерева или металла, что, с их точки зрения, придает им необычайную красоту.

Мы всегда считали эти приемы черезчур первобытными, но до сих пор не видели в них никакого проявления жестокости; однако, раз уж Ломброзо нас просветил, то мы надеемся, что нас избавят не только от людей, которые себя татуируют, но и от тех женщин, которые прокалывают себе уши или красят волосы.

Тот же ученый сделал попытку установить на таких же шатких основаниях и тип политического преступника; но разбор этого завлек бы нас слишком далеко, а потому мы ограничимся критикой его теории преступности в собственном смысле слова.

Нашлись, впрочем, другие, более развитые, ученые, которые сами скоро подвергли критике эти черезчур фантастические соображения и доказали, как мало значения имеют те признаки преступности, которыми хотели надлить людей, обозначенных кличкой преступников. Проф. Манувриэ, например, в своих лекциях в Парижской Антропологической Школе (1890–91 г.г.) блестящим образом разбил теорию Ломброзо и его последователей. Показав, прежде всего, неосновательность самих наблюдений, на которых итальянский ученый и его последователи основывались для характеристики своего преступного типа, для которого они избрали людей, уже искалеченных тюрьмой или вообще ненормальной жизнью, Манувриэ говорит затем, что у людей могут быть известные склонности к того или другого рода поступкам, но что они не предназначены строением своего мозга или скелета непременно совершить

постоянно ругали попов; мы не хотим толкать людей на то или другое дело, на тот или другой поступок. Мы убеждены, что люди делают только то, на что твердо решились сами, и что проповедовать какой-нибудь поступок можно только примером, а не словами и не советами; вот почему мы ограничиваемся тем, что выводим известные логические последствия, предоставляя каждому выбирать тот способ действия, который кажется ему наилучшим. Но мы уверены, вместе с тем, что чем лучше будут поняты и чем больше будут развиваться наши идеи, тем многочисленнее будут и акты революционного протеста.

Чем глубже проникнут наши взгляды в массу, тем сознательнее она будет становиться, тем живее будет в ней чувство собственного достоинства, и тем меньше она, следовательно, будет склонна переносить притеснения со стороны властей и эксплуатацию со стороны капиталистов; тем чаще и многочисленнее станут в ней проявления духа независимости. И это не только не огорчает нас, но совершенно наоборот: каждый акт индивидуального протеста — лишней удар топора в давящее нас старое общественное здание. А раз уже прогресс не может обойтись без потрясений и жертв, то мы можем только приветствовать тех, кто погибает в буре, и надеяться, что их пример вызовет новых подражателей, более многочисленных и лучше вооруженных, и что их удары будут еще сильнее.

Но каково бы ни было число гибнущих в борьбе, это число все-таки очень мало в сравнении с теми бесчисленными жертвами, которых постоянно поглощает чудовищная пасть нашего общества. И чем напряженнее будет борьба, тем меньше будет ее продолжительность, а, следовательно, тем больше окажется спасенных человеческих жизней — жизней, которые иначе были бы осуждены на нужду, бользни, истощение и вырождение.

Наконец, если бы даже они этого захотѣли, анархистам невозможно оставаться мирными дѣятелями: силою вещей они приходят к болѣе рѣшительным дѣйствіям. Может ли выносить хотя бы придирки полицейскаго тот, кто раз понял, какую низкую роль он играет? Можно ли переносить дерзость какого-нибудь судьи, когда критика уже лишила его священнаго ореола, окружавшаго его раньше? Можно ли относиться с уваженіем к богачу, когда знаешь, что роскошь, среди которой он живет, соткана из нищеты сотен семей?

Может ли согласиться идти в казармы, чтобы там служить игрушкой в руках слуг своих эксплуататоров, тот человек, который уже знает, что патриотизм есть не болѣе, как предлог, а настоящая роль солдата это — убійство его братьев-бѣдняков?

Тот, кто понял, что бѣдность есть результат плохого общественного устройства, что одни умирают с голоду только потому, что другіе слишком сыты, или хотят накопить богатства для своих наслѣдников, тот не легко согласится умереть гдѣ-нибудь на улицѣ. Приходит минута, когда, как бы человек не был миролюбиво настроен, он отвѣчает на силу — силой, на эксплуатацію — революціонным актом.

Тѣм, кому хотѣлось бы, чтобы общество преобразовалось без всяких потрясеній, лучше разстаться с этой мечтой: она не осуществима. Идеи развиваются и неизбежно ведут нас к революціи; об этом можно сожалѣть, но это — факт, с которым приходится помириться. Никакія сѣтованія тут не помогут, а раз уже революція неизбежна, то единственное средство помѣшать ей пойти против прогресса, это — принять в ней участіе и постараться направить ее к осуществленію нашего идеала.

Мы не принадлежим к числу проповѣдников насилія; мы не занимаемся и тѣм, чтобы постоянно ругать фабрикантов и капиталистов, как либеральные буржуа когда-то

эти поступки и стать таким образом тѣм, что называется преступником. Извѣстнаго рода наклонность может с одинаковою вѣроятностью привести человека, смотря по обстоятельствам, как к поступку, который считается похвальным, так и к поступку, считающемуся преступным.

Напримѣр, большая мускульная сила может, в момент гнѣва, сдѣлать из человека убійцу, но она же может сдѣлать из него и полицейскаго, задерживающаго преступника. Сильныя страсти, презрѣніе к опасности и к смерти, которую человек с одинаковою легкостью готов и причинить другому и встрѣтить сам — все это одновременно — и пороки, встрѣчающіеся у преступника, и добродѣтели, требующіяся от солдата. Изворотливый ум, склонный к обману, вкрадчивый и льстивый, могут сдѣлать из человека плута, совершающаго цѣлый ряд краж и мошенничеств; но, вмѣстѣ с тѣм, это — тѣ же самыя свойства, которыя нужны для хорошаго сыщика и слѣдователя.

Идя послѣдовательно за своею аргументаціею, Манувриѣ приходит к тому выводу, что иногда бывает очень трудно отличить так называемаго преступника от так называемаго честнаго человека и что многіе из тѣх, которые находятся на свободѣ, должны были бы быть в тюрьмѣ, и наоборот.

Но, признавъ вмѣстѣ со всѣми другими учеными, что человек есть ничто иное как игрушка в руках внѣшних сил, по равнодѣйствующей которых он движется в каждый данный момент, что свободы воли не существует, что правосудіе есть отвлеченное понятіе, в дѣйствительности сводящееся к воздѣйствію общества, мстящаго за потерпѣвшую личность, — послѣ всѣх этих выводов, так близко подходящих к тому, что говорят анархисты, он, к несчастью оставаясь на пол-дорогѣ и приходит к заключенію, что существующія наказанія еще недостаточны и что их нужно усилить. Он, правда, прячется при этом за самосохраненіе

общества: преступные акты, говорит он, нарушают его существование и оно имеет право защищаться, принимая на себя месть за потерпевших личностей и налагая на тех, кто ему мстит, такие строгие наказания, которые отняли бы у них охоту продолжать в том же направлении дальше.

От чего же зависит это явное противоречие между такими широкими идеями с одной стороны и такими узкими взглядами с другой, между выводами, требующими сохранения известных учреждений, и послылками, доказывающими их нелепость? Увы, это противоречие не составляет исключительного свойства тех людей, которые в него впадают, а зависит вообще от несовершенства человеческого ума.

Человек не обладает всеобъемлющим знанием; ученый, занимающийся со страстью каким-нибудь одним предметом, может совершать чудеса в избранной им области, может, переходя от одного умозаключения к другому, решать в этой области самые сложные задачи; но так как ему нет возможности изучить так же хорошо все отрасли знания, то он поневоле остается позади в вопросах, касающихся других наук. Поэтому, когда он хочет приложить свои, может быть, очень замечательные открытия к другим областям человеческой мысли, он обыкновенно делает это неудачно и из открытых им истин выводит ложные заключения.

В самом деле, если бы антропологи, изучавшие человека и показавшие его истинную природу, изучали и анализировали так же тщательно и социологические явления, если бы они точно так же подвергли своей критике все общественные учреждения, существующие у нас, их выводы оказались бы, несомненно, совершенно иными. Раз они признают, что человек действует под влиянием внешних условий, они должны заняться отысканием причин, создающих эти условия; когда они изучают личность и действия так называемого преступника, для них должно явиться как необходимое

но которые для нас служат лишь доказательством развития наших идей.

Проповедовать жертвам эксплуатации покорность судьбы значило бы быть в руку эксплуататорам; мы предоставляем эту роль христианству. Ни примирение с действительностью, ни платонические надежды не могут изменить положение: для этого нужно дело, а самое лучшее дело, это — устранение стоящих на пути препятствий.

Довольно уже люди преклонялись перед властью имущими, довольно они ждали спасения от свыше посланных личностей, довольно рассчитывали на чисто политические перевороты, на действие законов. Осуществление наших идей на практике требует людей сознательных, понимающих свою силу, умеющих заставить уважать свою свободу, не становясь в то же время тиранами других, — людей, которые не рассчитывают ни на кого, кроме себя самих, своей собственной инициативы, своей собственной энергии. А эти люди явятся только тогда, когда мы будем проповедовать не примирение с существующим, а, наоборот, протест против него.

Это не значит, однако, что анархисты отказываются от содействия тех, которые не склонны к активной борьбе, а хотят ограничиться исключительно распространением идей, подготовлением дальнейшей эволюции; они даже не требуют, чтобы все их идеи были непременно восприняты целиком. В их область входит все, что уничтожает какой-нибудь предрассудок, устраняет какой-нибудь ложный взгляд, устанавливает какую-нибудь новую истину. Анархисты не пренебрегают ничьей помощью, не отталкивают никого; они всегда рады протянуть руку каждому, кто может дать им что-нибудь новое; они довольствуются тем, что соединяют в одно отдельные усилия и обобщают отдельные стремления, чтобы дать людям возможность разобраться в их собственных желаниях.

Конечно, мы были бы очень рады, если бы буржуа сами поняли всю нравственную низость своего положенія, сами отказались от эксплуатаціи рабочих и передали свои фабрики, дома, земли и копи в руки общества, которое стало бы пользоваться ими для себя и замѣнило бы царство конкуренціи царством солидарности. Но можно ли серьезно надѣяться на то, что капиталисты дойдут когда бы то ни было до такой степени безкорыстія, когда мы видим, что они направляют всю силу своего войска, своей полиціи и своих судов на подавленіе самых ничтожных требованій рабочих?

Теоріи, мечты о лучшем будущем — прекрасная вещь; но если бы оппозиція существующему строю сводилась к салонной философіи или к послѣобѣденным разговорам сытых людей, если бы все ограничивалось бесплодными жалобами на современное положеніе вещей и мечтаніями о будущем благѣ, то мы были бы очень похожи на того сытаго филантропа, с туго набитым кошельком, который говорит умирающему с голода бѣдняку: «Мнѣ от души жалко вас, ваша судьба озабочивает меня в высшей степени, и я душевно желаю, чтобы ваше положеніе улучшилось; а пока — будьте бережливы и постарайтесь скопить себѣ на черный день», а затѣм проходит мимо, вполне довольный собою. Если бы это дѣйствительно было так, то буржуазія могла бы рассчитывать еще очень долго эксплуатировать рабочих, а рабочіе еще не скоро увидели бы конец своей нуждѣ и страданіям.

К счастью, от идейных стремленій до попытки их осуществленія, как мы видѣли, — один шаг, и многія человѣческія натуры очень склонны этот шаг сдѣлать; а так как теорія анархизма есть теорія дѣятельная, то эти революціонныя натуры встрѣчаются чаще в средѣ анархистов, чѣм в какой бы то ни было другой. Отсюда тѣ многочисленныя революціонныя акты, которые так пугают робкіе умы,

условіе разсмотрѣніе природы этих поступков и тѣх причин, благодаря которым они оказываются во враждѣ с общественными законами. И вот здѣсь-то вслѣдствіе вліянія окружающей среды, связанных с воспитаніем предрасудков и сравнительно малому знакомству с тѣми научными вопросами, которых они не изучают спеціально, они и приходят, незамѣтно для самих себя, к заключеніям, вполне выгодным для существующаго порядка вещей; правда они признают его недостатки и даже требуют нѣкоторых улучшеній в пользу обездоленной части общества, но никакого другого средства для этого они не находят, кромѣ дѣятельности правительственной власти. В них прочно утвердилась привычка двигаться не иначе, как в путях и под угрозой кнута; наиболѣе независимые умы, правда, очень хотѣли бы избавиться от этого гнета и избавиться от него небольшое меньшинство избранных, но они не могут представить себѣ, чтобы все человѣчество вообще могло существовать без всевозможных оков и тюрем.

Если мы разберем, какія именно преступленія составляют главные противупобщественныя поступки, обращающіе на себя вниманіе закона, и оказывающіеся наиболѣе частыми, то мы увидим, что, если исключить нѣкоторыя преступленія, совершаемыя под вліяніем страсти — очень рѣдкія и к которым и врачи и судьи относятся снисходительно, — то наибольшее количество преступленій и проступков придется на преступленія против собственности. И вот тут-то является вопрос, на который могут отвѣтить только тѣ, которые тщательно изучили наш общественный строй в его природѣ и его проявленіях: справедливо-ли существованіе собственности? можно-ли защищать ту общественную организацію, которая создает такое количество преступленій?

Если данный общественный строй вызывает столько поступков, являющихся неизбѣжной реакціей против него,

то он очевидно неразумен и нарушает интересы очень многих людей; общественный договор здѣсь не есть уже результат добровольнаго и единодушнаго соглашенія, а результат гнета и произвола, т.-е. другими словами, мы приходим к тому самому выводу, который составляет главную мысль нашей работы. А раз мы признали этот главный недостаток нашего общественнаго устройства, то нам станет ясным, что для искорененія преступленій, нужно уничтожить создающій их общественный строй. Устройте так, чтобы каждому члену общества было обезпечено удовлетвореніе его потребностей, чтобы ничто не стѣсняло его свободнаго развитія, чтобы в общественной организаціи не было таких учрежденій, которыми бы он мог воспользоваться для притѣсненія других людей — и вы увидите, что преступленія исчезнут. Если же и останутся гдѣ-нибудь личности; настолько испорченныя нашим теперешним общественным строем, чтобы совершать такіе поступки, которым нельзя найти другаго объясненія, кромѣ сумасшествія, то эти личности станут тогда достояніем науки, а не палача — этого наемнаго убійцы на службѣ у общества, основаннаго на капитализмѣ и государственности.

Вы говорите, что боретесь с ворами и убійцами? Но что такое, в сущности, вор и убійца? Вы скажете, что это люди, стремящіеся жить ничего не дѣлая, на счет общества. Но посмотрите кругом — и вы увидите, что ваше общество кишит ворами и что ваши законы не только не преслѣдуют их, но, наоборот, только для того и существуют, чтобы их защищать. Лѣность не только не наказывается, но наоборот: удовольствіе жить ничего не дѣлая выставляется как идеал и как награда, ожидающая тѣх, кто, какими бы то ни было средствами, сумѣл устроить себѣ легкую жизнь без труда.

Вы наказываете как вора какого-нибудь бѣдняка, который, не имѣя работы, украдет, рискуя каторгой, кусок

ціонерами только в силу естественнаго хода вещей. Они убѣдились в том, что причина всѣх зол, от которых страдает общество, лежит в самой его организаціи, и что всѣ паліативы, предлагаемые политиками и социалистами, совершенно неспособны внести какое бы то ни было улучшение, потому что они уничтожают только внѣшнія проявленія, а не самый корень зла.

Когда человек сыт, когда его потребности болѣе или менѣе удовлетворены, то ему легко ждать; но тот, кто испытывает и физическій и умственный голод, не может, раз только он понял причину существующаго зла, довольствоваться надеждой на лучшее будущее, а будет всегда стремиться перейти от теоретических соображеній к практическому дѣлу.

Развѣ твердо убѣжденный в чем-нибудь человек не стремится всегда проповѣдовать свое убѣжденіе, проводить его в жизнь? Развѣ может человек, вполне убѣжденный в истинности какой-нибудь идеи, не стараться убѣдить в том же и других, а в особенности — не стараться осуществить ее, согласуя с ней свою личную жизнь? А что такое, в современном обществѣ, проведеніе в жизнь новых идей, как не революціонное дѣло? Как же вы хотите, чтобы тѣ самые люди, которые сдѣлали все, от них зависящее, для распространенія новых идей, которые старались показать и причины общественнаго зла и средства к его устраненію, старались нарисовать идеал лучшаго будущаго, — чтобы эти самые люди стали поперек дороги тѣм, кто стремится осуществить эти идеи на практикѣ, чтобы они сказали им: «Продолжайте наслаждаться перспективой будущаго счастья, продолжайте страдать, вооружитесь терпѣніем: когда-нибудь ваши эксплуататоры согласятся, может быть, сдѣлать вам нѣкоторыя уступки». Это было бы ничѣм иным, как жестокой насмѣшкой.

она рухнет под новым напором и даст широкой доступ торжествующим волнам.

Мы, несомненно, были бы очень рады, если бы общественная эволюция совершалась медленно, непрерывно и без потрясений; но это от нас не зависит. Мы, как пропагандисты, исполняем свою задачу, проповедуем идеи общественного обновления, а эти идеи составляют ту каплю, которая просачивается в камень, долбит его и прокладывает себе дорогу к самому подножью скалы. Можем ли мы помешать этой скале рухнуть и унести с собою все те подпорки, которые вы построили для ее укрепления?

Никто, кроме буржуазии не заинтересован в том, чтобы общественное преобразование совершилось без потрясений. Почему же, в таком случае, вместо того, чтобы пытаться сохранить скалу в том виде, как она есть, и постоянно подпирать ее, она, наоборот, не поможет нам скрыть ее и устроить так, чтобы воды могли спокойно течь к плоским равнинам, унося с собою негодные или вредные части, которые затем образуют отложения на этих равнинах и послужат к возвышению их уровня? Безумцы! они не хотят уступить ни малейшей доли своих привилегий; как скала, они считают себя неуязвимыми для напора волн. Что значат для них те немногие уступки, которые рабочим удалось вырвать в течение всего столетия? Их привилегии так громадны, что опустошение почти незаметно. Но волны уже пробили брешь, уже борются со скалою с помощью от нее же оторванных камней и скоро окончательно разрушат ее. Мы только содействовали этой эволюции; если же, благодаря безумному сопротивлению буржуазии, она превратится в революцию, пусть пеняют на себя.

И, в самом деле, стоит нам только посмотреть безпристрастным взглядом на окружающие нас общественные явления, чтобы увидеть, что анархисты становятся револю-

хлыба, чтобы утолить свой голод; но вы низко кланяетесь миллионеру, который захватит на рынке, благодаря своим капиталам, какие-нибудь предметы, необходимые для потребления всех, и станет потом продавать их на 50 % дороже; вы смиренно и терпеливо стоите в передней у какого-нибудь финансиста, который в своей биржевой игре разорит сотни семей, чтобы обогатиться на их счет.

Вы наказываете преступника, который убьет кого-нибудь для удовлетворения своей склонности к лени и разврату, но кто внушил ему эту склонность как не ваше общество? Вы наказываете его, когда он совершает свой поступок в незначительных размерах, но вы содержите целую армию, которая посылает в отдаленные страны, чтобы продвигать то же самое, только в крупных размерах, над незащищенными народами. А эксплуататоры, которые убивают не одного человека, даже не десять человек, а целую поголовину, истощая их работой, урывая каждый день их заработок, доводя их до самой ужасной нищеты? О, на их стороне все ваши симпатии и, в случае надобности, вы отлично умеете отдать в их распоряжение все силы вашего общества! А тот закон, бдительными стражами которого вы являетесь? Стоит только эксплуатировать, когда им, наконец, надоест терпеть, поднять немного голову и потребовать немного больше хлеба и немного меньше работы, как вы превращаете этот закон в покорное оружие привилегированных классов против неуместных требований бедняков.

Вы наказываете глупца, который попался в ваши сети, но если найдется ловкий человек достаточно сильный, чтобы их прорвать, то вы оставите его в покое. Вы сажаете в тюрьму бродягу, который где-нибудь по дороге украдет яблоко, и предоставляете всю вашу судебную процедуру в распоряжение собственника, чтобы помочь ему украсть у бедняка, который должен ему каких-нибудь несколько

рублей, всю его мебель, которая стоила ему, может быть, нѣсколько десятков рублей и представляет собою сбереженія, сдѣланныя им в теченіе цѣлыхъ долгихъ лѣтъ.

Ваше правосудіе в высшей степени строго к вору в лохмотьях, но очень благосклонно к тому, кто обкрадываетъ цѣлый классъ или цѣлый народъ. И в самомъ дѣлѣ: развѣ не для того и существуютъ всѣ ваши учрежденія, чтобы обезпечить имущимъ свободное пользованіе награбленнымъ богатствомъ?

Но что насъ еще больше возмущаетъ, это тѣ лицемѣрныя формы, в которыя буржуазія облакаетъ свои судебныя комедіи; она не имѣетъ смѣлости продѣлывать ихъ открыто и кромѣ того хочетъ этимъ путемъ заставитьъ насъ смотрѣть на нихъ, какъ на нѣчто священное. Есть, впрочемъ, нѣчто, еще болѣе возмутительное: это — поведеніе тѣхъ комедіантовъ, которые, подъ видомъ нападенія на существующій строй, нападаютъ, в сущности, только на лицъ, прилагающихъ его законы, и на способъ ихъ приложенія, оставляя в неприкосновенности самую ихъ сущность; этимъ они какъ бы показываютъ, что есть много способовъ прилагать законъ и между этими способами можетъ найтись и хорошій, что среди людей, которые придутъ ко власти, могутъ оказаться люди, достаточно честные, с достаточно широкими взглядами — однимъ словомъ, такіе люди, какихъ не бываетъ — чтобы найти этотъ хорошій способъ и пользоваться имъ ко всеобщему удовольствію. И мы, право, не знаемъ, чему болѣе нужно удивляться: ловкости ли тѣхъ, кто рассказываетъ намъ подобныя нелѣпости, или наивности тѣхъ, которые продолжаютъ относиться с уваженіемъ къ этимъ комедіямъ, всю тяжесть которыхъ они несутъ на себѣ. Трудно понять, какъ среди безчисленнаго множества людей, прошедшихъ черезъ руки правосудія, до сихъ поръ не нашлось человѣка, достаточно свободнаго отъ всѣхъ предразсудковъ, чтобы подойти къ одному изъ осудившихъ его, сорвать с него судебскую тогу и показать всѣмъ,

встрѣчающихся препятствіяхъ, пока не остановится у подножія какой-нибудь новой преграды, которая снова задержитъ его на болѣе или менѣе долгой промежутку времени, смотря по степени своей устойчивости.

То же самое происходитъ и в нашихъ обществахъ. Общественная организація и созданныя для ея поддержки учрежденія являются преградами для прогресса; в обществѣ же, напротивъ, все стремится къ разрушенію этихъ преградъ: идеи измѣняются, нравы преобразуются, понемногу подрывается уваженіе къ стариннымъ учрежденіямъ, которыя тѣмъ не менѣе существуютъ и хотятъ продолжать управлять попрежнему жизнью общества и личности. Эта медленная разрушительная работа можетъ быть незамѣтной для поколѣнія современниковъ. От времени до времени исчезаютъ нѣкоторые прежніе обычаи или ослабѣваетъ какой-нибудь предразсудокъ, но это подготавливается такъ постепенно, что никто этого не замѣчаетъ; только старики, сравнивая привычки своей юности с привычками смѣняющаго ихъ молодого поколѣнія, видятъ происшедшее в нравахъ измѣненіе.

Но измѣнились только нравы, а общественныя учрежденія и общественная организація остались тѣ же: они попрежнему задерживаютъ напирющія на нихъ волны, которыя в безсиліи разбиваются у ихъ подножія, лишь то тамъ, то сямъ отнимая по камню. Этихъ камней волны в своемъ бѣшенствѣ могутъ оторвать цѣлыя тысячи. Что такое отдѣльный камень в сравненіи с могущественной каменной глыбой? Ничто; но волны уносятъ этотъ камень с собою и, вновь напирая на каменную преграду, бросаютъ имъ в нее, бьютъ имъ в стѣну, какъ тараномъ, и отрываютъ еще нѣсколько камней, которые, в свою очередь, превратятся в новыя орудія нападенія. Борьба можетъ продолжаться тысячи лѣтъ и скала будетъ казаться все такою же неприступною вплоть до того дня, когда, подрытая у самаго своего основанія,

придали землѣ ея современный вид, продолжают дѣйствовать и теперь, постоянно подготовляя новыя преобразованияя.

Повсюду дождевая вода размывает горы, просачивается в камни, разрушает самый крѣпкій гранит. Ничто не дѣлает этой медленной разрушительной работы замѣтной для взора путешественника; цѣлыя поколѣнія сойдут со сцены прежде, чѣмъ появится хотя бы сколько-нибудь ощутительное измѣненіе, и тѣмъ не менѣе в одинъ прекрасный день произойдетъ обвал, который унесетъ с собою лѣса и деревни, засыпетъ русла рѣкъ, измѣнитъ ихъ теченіе и распространитъ повсюду горе и опустошеніе. Но затѣмъ первое впечатлѣніе пройдетъ, жизнь снова возьметъ свое, и еще сильнѣе, еще энергичнѣе возродится изъ развалинъ.

Вся эта эволюція происходитъ, конечно, очень медленно, но приходитъ такой моментъ, когда она не можетъ продолжаться иначе, какъ при условіи нарушить существующій порядокъ вещей; она продолжаетъ свой путь — и гора, подмытая в самомъ основаніи, рушится, унося с собою все, что находится на ея поверхности.

Возьмемъ другой примѣръ. Мы знаемъ, что море удаляется отъ однихъ береговъ и, наоборотъ, все больше и больше затопляетъ другіе. Волны набѣгаютъ на плоскій берегъ, отрываютъ куски отъ почвы, завоевывая себѣ, такимъ образомъ, все большее пространство, а затѣмъ эти же самые куски почвы уносятся къ другимъ берегамъ и тамъ, наоборотъ, увеличиваютъ область суши на счетъ моря. Работа эта происходитъ такъ медленно, что ее почти невозможно замѣтить: втеченіе столѣтій такимъ образомъ уносится всего нѣсколько сантиметровъ земли. И однако придетъ моментъ — можетъ быть черезъ десять, можетъ быть черезъ сто тысячъ лѣтъ, не все ли равно? — когда стѣна суши не сможетъ больше сдерживать напоръ волнъ; она поддастся тогда подъ какимъ-нибудь однимъ ударомъ, и море наводнитъ прибрежную равнину, черпая новыя силы во

что подъ этими тряпками находится такой же человѣкъ, какъ и всѣ, подверженный тѣмъ же слабостямъ и тѣмъ же ошибкамъ, уже не говоря о преступленіяхъ, которыя онъ способенъ совершить ради интересовъ своей касты.

Для насъ, анархистовъ, борющихся противъ власти вообще, законность есть ничто иное, какъ одна изъ тѣхъ лицемѣрныхъ масокъ, которыя прикрываютъ всевозможныя преступленія нашихъ правителей и которыя мы всего больше должны стараться сорвать. Уже и такъ слишкомъ долго этотъ божокъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ; слишкомъ долго народы думали, что судебныя учрежденія обладаютъ особой, высшей природой и витаютъ в высшихъ сферахъ, недоступныхъ человѣческимъ страстямъ; слишкомъ долго люди вѣрили въ существованіе особыхъ личностей, какъ бы иной породы, призванныхъ воздавать на землѣ каждому по его заслугамъ на основаніи идеальнаго понятія о правосудіи. Между тѣмъ, каждый понимаетъ это правосудіе по своему, соотвѣтственно условіямъ, въ которыя онъ поставленъ; тѣ же, которые формулировали его въ сводѣ законовъ, вдохновлялись именно наиболѣе отсталыми, наиболѣе отжившими идеями, съ цѣлью защиты эксплуатаціи и поработченія слабыхъ болѣе сильными, сумѣвшими подчинить ихъ себѣ. Пора уже порвать съ этими нелѣпыми предрасудками и начать открыто бороться противъ всѣхъ учрежденій, унижающихъ человѣческую личность: свободный человѣкъ не можетъ признать за кѣмъ бы то ни было права судить и осуждать другихъ людей. Понятіе о правосудіи въ томъ видѣ, въ какомъ оно проявляется въ существующихъ учрежденіяхъ, пало вмѣстѣ съ понятіемъ о *Божествѣ*; одно повлекло за собою другое. Въ тѣ времена, когда люди были еще настолько отсталыми, чтобы увѣрить въ сверхъестественное существо, стоящее внѣ матеріальнаго міра, занимающееся всѣмъ, что совершается на нашей планетѣ и управляющее поступками всѣхъ живущихъ на ней людей, понятіе о Богѣ, внушающемъ судьямъ ихъ

приговоры, еще могло заставить повѣрить в непогрѣшимость челоѳического правосудія.

Но раз вѣра в Бога и сверхъестественный мїр исчезла и челоѳическая личность осталась одна, со всѣми своими слабостями и страстями, то вмѣстѣ с тѣм должен исчезнуть и этот высшїй характер непогрѣшимости, свойственный божеству, которым облекла себя судебная власть, чтобы стать выше остального общества; перед открывшимися глазами людей должно предстать то, что составляет ея истинное содержание: угнетеніе и эксплуатація одного класса другим, насилие и обман, возведенные в принцип и превращенныя в *общественныя учрежденія*.

Наука помогла нам снять этот таинственный покров, разоблачить этого колосса, и теперь ей уже поздно возвращаться назад и пытаться замѣнить свергнутое божество представленіем о новом высшем существѣ — Общество. Нужно, чтобы ученые окончательно отдѣлались от своего буржуазнаго воспитанія и принялись за изученіе общественных явленій с тѣм же рвеніем и с тѣм же безкорыстіем, которое они проявляют в изученіи других спеціальных отраслей знанія. И вот тогда, когда они перестанут находиться под вліяніем чуждых наукѣ соображеній и предразсудков, они не будут приходить к заключенію о необходимости осужденія преступника, а скажут, вмѣстѣ с нами, что нужно разрушить тот общественный строй, который, в силу недостатков своей организаціи, ведет к тому, что в его средѣ существует раздѣленіе на людей, считающихся порядочными, и людей, называемых преступниками.

ную, чѣм сильнѣе было революціонное движеніе, и таким образом задержать на нѣсколько столѣтїй общественный прогресс.

Эти возраженія, исходящія от добросовѣстных людей, руководимых искренним желаніем выяснить вопрос, опираются на соображенія, с перваго взгляда кажущіяся справедливыми, а потому заслуживают того, чтобы на них остановиться.

Дѣйствительно, все в природѣ происходит путем медленной эволюціи, путем цѣлаго ряда мелких измѣненій, незамѣтных, если слѣдить за ними постепенно, и бросающихся в глаза только при рѣзком переходѣ от одного періода к другому. Так именно развилась жизнь на нашей планетѣ, так выдѣлился челоѳк из животнаго мїра, так стал челоѳк нашего времени совершенно непохожим на челоѳка каменнаго вѣка.

Но тут упускается из виду одно: а именно, что для того, чтобы эта эволюція происходила совершенно ровно, нужно, чтобы она не встрѣчала на своем пути никаких препятствїй; в противном случаѣ, если она обладает достаточным для этого запасом сил, она разрушает эти препятствїя, если же нѣт — то останавливается сама. Всякій раз, когда между чѣм-нибудь, уже существующим, и стремленіем вперед происходит столкновение, мы имѣем перед собою революцію, каковы бы ни были размѣры даннаго явленія — будет ли это исчезновение цѣлаго материка или исчезновение одной частицы в организмѣ.

В настоящее время выяснено, что крупные геологическіе перевороты вызваны были вовсе не страшными потрясеніями и не внезапными перемѣнами, якобы происходившими под напором сил, скрытых под земной корою, а представляют собою результат медленных процессов и незамѣтных измѣненій, дѣйствовавших в течение цѣлых тысяч вѣков. Мы знаем также, что тѣ же причины, которыя

Глава XVI Почему мы — революционеры?

Выше мы показали (по крайней мере, надеемся, что показали), что все люди без исключения имеют право на свободное развитие и на полное удовлетворение своих потребностей, и что государственная власть, собственность и другие учреждения, созданные эксплуатирующим классом для защиты своих привилегий, основанных на ограблении массы, не имеют никакого права на существование. Нам остается теперь рассмотреть пути к уничтожению того порядка вещей, на который мы нападаем, и к осуществлению желательного нам общественного строя; вместе с тем мы должны показать и наше право употреблять те или иные средства, потому что очень многие, вполне соглашаясь с нашей критикой современного строя, вполне сочувствуя нашему идеалу гармонического общества, не могут, однако, примириться с мыслью об употреблении силы и думают, что лучше было бы действовать постепенно, стараться повлиять на людей исключительно силой убеждения, что следовало бы исправлять современное общество мало-помалу.

В природе, говорят нам, все видоизменяется путем эволюции, почему же вы не признаете того же самого в общественной жизни, а хотите достигнуть всего сразу? Стремясь преобразовать общество силой, вы рискуете только все перевернуть, ничего прочного не создав, а главное — рискуете погибнуть сами, вызвать реакцию тем больше силь-

Глава X Влияние среды

Высказанную только что истину, впрочем, уже начинают все больше и больше сознавать и она все больше прокладывает себе дорогу в научном мире, так что теперь оспаривать факт изменения живых существ под влиянием среды могут разве только какие-нибудь устаревшие представители официальной науки.

В настоящее время все признают, что почва, климат, благоприятные или неблагоприятные для жизни организмов условия оказывают такое же, если не большее, влияние на их развитие, как и все другие причины, которым прежде приписывали исключительное влияние на их приспособление к окружающему миру и на их изменения.

Относительно человека, которого хотели выдѣлить из всех остальных существ, признать это было не так легко, тем более, что он, в свою очередь, и сам изменяет ту среду, в которой живет. В конце концов однако, и здесь пришли к заключению что он, подвержен тем же влияниям и развивается в силу тех же самых первоначальных причин, как и все другие организмы. Еще труднее было дойти до объяснения, на основании тех же самых законов, его нравственной эволюции: даже те, которые отрицают свободу воли и признают, что человек действует исключительно под давлением внешних условий, не могут до сих пор принять всех последствий этого, т. е. признать, что причина преступности лежит в характере всего существующего строя, и что поэтому самый этот строй требует преобразования. Немногие, наиболее смелые, соглашаются в принципѣ с

тѣм, что наш общественный порядок плох, что он нуждается в реформах, что нѣкоторыя из его учрежденій являются, дѣйствительно, причиной преступленій; но и в их глазах главной виновницей оказывается все таки сама поро́да человѣка: ей свойственны, говорят они, такія страсти, которыя нужно обуздывать, а это может сдѣлать только общество, как бы значительны не были его недостатки. Чтобы смягчить отвѣтственность общества в цѣлом, они, кромѣ того, дѣлят общественную среду на нѣсколько частей, каждой из которых точно также дают названіе среды и приписывают всѣ дурныя вліянія этим отдѣльным частям. Что касается общества, говорят они, то, конечно, оно несовершенно; но все таки, даже в том видѣ, как оно есть, оно защищает слабых, обезпечивает личности свободу труда и оказывает ей болѣе дѣйствительную и болѣе дешевую защиту, чѣм если бы ей пришлось защищаться самой. Одним словом, общество — это договор взаимнаго страхованія, заключенный между личностями, и преступленія зависят гораздо больше от самой природы человѣка, чѣм от общественной организаціи.

Мы далеко не считаем человѣка образцом совершенства: по правдѣ сказать, это — довольно жалкое животное, которое или растаптывает ногами себѣ подобных, или же пресмыкается перед тѣми, кто может растоптать его самого. Однако человѣком руководят не исключительно только дурныя инстинкты: всѣ тѣ прекрасныя чувства любви, милосердія, братства, самоотверженія, солидарности, которыя воспѣваются и поэзіей, и религіей, и нравственностью, показывают, что если он и дѣйствует иногда под вліяніем чувств дурных, то в нем все таки живет нѣкоторое стремленіе к идеалу, к совершенствованію. И вот это-то стремленіе общество и подавляет, мѣшая ему развиваться.

Человѣк, и в физическом, и в нравственном отношеніи, не создан сам, как и всѣ другія животныя, высшим ти-

бы ирокезов была ниже нашей? можем ли мы гордиться своим превосходством перед инками, которые, по крайней мѣрѣ, умѣли обезпечить жилище и пропитаніе каждому из членов общества, тогда как в наших обществах царит нищета?

Теорія «низших» рас не оправдывается ничѣм; она только служит оправданіем для преступленій рас «высших».

Эта послѣдовательная смѣна цивилизацій указывает, повидимому, на то, что каждая раса имѣет лишь ограниченный запас энергии и способностей и что, раз этот запас изсякнет, она или исчезает или переходит к состоянію застоя.

Нѣкоторые из наших единомышленников возражат нам может быть, что в настоящее время рас больше не существует, что цивилизованный мір дѣлится на государства, которыя, хотя и представляют собою остаток прошлаго, не опирающійся ни на какое реальное дѣленіе, тѣм не менѣе являются каждое в отдѣльности прочным цѣлым. Во Франціи и в Россіи, в Америкѣ и в Австраліи цивилизація одна и та же. Теперь существует уже не дѣленіе на расы, а дѣленіе на классы.

Мы вполне согласны с тѣм, что по мѣрѣ широкаго развитія международных сношеній и облегченія передвиженія из одной страны в другую, дѣленіе на расы, вслѣдствіе постоянных смѣшеній и скрещиваній, все больше и больше исчезает. Но тѣм сильнѣе наше негодованіе при видѣ того, как цѣлыя племена гибнут, не успѣвъ внести в нашу цивилизацію тѣх своеобразных черт, которыя они, может быть, были способны внести. Вспоминая об избіеніи стольких беззащитных племен, о стольких исчезнувших или исчезающих расах, мы с грустью спрашиваем себя, не обладали ли эти «низшіе» наши братья нѣкоторыми из тѣх многочисленных хороших качеств, которых не хватает нам?

Бѣлая раса не сумѣла понять раз отсталых, и потому уничтожила их. Если бы она задалась цѣлью поднять их на болѣе высокій уровень развитія, ей удалось бы достигнуть этого только путем долгой эволюціи; но она никогда не хотѣла брать на себя роли воспитательницы: она хотѣла только эксплуатировать, а эта эксплуатация в концѣ концов должна была свестись к истребленію.

Мы с такою яростью завоевываем дикія страны, а между тѣм можем ли мы навѣрное сказать, что цивилизація хотя

пом которых он является, он представляет собою продукт извѣстных обстоятельств, извѣстных комбинацій и соединеній вещества. Ему пришлось бороться за свое развитіе, и если он в значительной степени преобразовал окружающую его среду, то эта послѣдняя оказала в свою очередь вліяніе на его привычки, на весь его способ жить, думать и дѣйствовать. Человѣкъ создал общество под вліяніем своего характера и своих влеченій и до сих пор продолжает оказывать на него извѣстное вліяніе; но не нужно забывать, что, со времени основанія первых обществ; человѣкъ не переставал развиваться, тогда как общества, с самаго появленія крупных общественных групп, не переставали быть основанными на принципах власти и собственности. Революціи вносили нѣкоторыя измѣненія в отдѣльныя частности; власть и собственность переходили из рук в руки, от одного класса к другому, но в основѣ общества все также лежали антагонизм и конкуренція между личностями и оно все также давило всею своею тяжестью на их духовное развитіе.

Люди рождаются в общественной средѣ, в ней же пріобрѣтают свои первыя понятія и проникаются цѣлым рядом предразсудков и ложных представленій в ложности которых они убѣждаются только послѣ цѣлых вѣков критическаго разбора. Приходится поэтому признать, что вліяніе общественной среды на личность громадно, что оно давит на нее и всею тяжестью своих учреждений, и всею своею коллективною силою, и всѣм тѣм могуществом, которое она черпает из самой продолжительности своего существованія, у человѣка же, для сопротивленія этому вліянію, нѣтъ ничего, кромѣ его единичных сил.

Как первая попытка осуществленія солидарности, общество должно было бы имѣть цѣлью улучшить людей, пріучить их к той солидарности, во имя которой они соединились, заставить их братски любить друг друга и дѣлитель-

ся друг с другом всѣм: радостью, удовольствіями, наслажденіем, горем, страданіем, трудом и продуктами труда. В дѣйствительности однако вышло наоборот: общество прежде всего раздѣлило людей на множество классов, которые сводятся к двум главным: с одной стороны — правящіе и имущіе, с другой — управляемые и неимущіе. На сторонѣ первых мы находим избыток и пользование всѣми благами жизни, на сторонѣ вторых — нужду, лишения и недостаток во всем. Результатом этого является враждебность между этими двумя категориями, враждебность, превращающаяся в ожесточенную борьбу, которая может кончиться только или с окончательным поработаніем второй категоріи, или с полным уничтоженіем первой — по крайней мѣрѣ, как особаго привилегированнаго класса.

Но это вредное и нелѣпое дѣленіе общества на два противоположные класса ведет еще и к другим послѣдствіям. Лежащая в основѣ его противоположность интересов ставит личности во враждебное отношеніе друг к другу даже внутри каждаго класса; существованіе частной собственности ведет к тому, что каждый стремится обогатиться, чтобы обезпечить себя на будущее время, раз общество не берет на себя этого обезпеченія. В основѣ всего современнаго строя лежит конкуренція: какое бы ремесло, какую бы профессію, какой бы род торговли не избрал себѣ человек, ему всегда придется бороться с конкуренціей людей, занимающихся тѣм же самым дѣлом. Для того, чтобы увеличить свои доходы или шансы на успѣх, а иногда просто для того, чтобы не погибнуть, ему приходится разсчитывать на разореніе конкурентов. Даже тогда, когда люди соединяются между собою, это оказывается всегда в ущерб какой-нибудь долѣ их собственнаго класса, занятой в той же самой отрасли промышленности. Основываясь на борьбѣ между личностями, общество превратило каждаго человека во врага всѣх остальных и сдѣлалось таким образом

что при иных условіях, эта изобрѣтательность развилась бы в направленіи болѣе полезном?

Но бѣлая раса (вмѣстѣ с евреями, которые по этому случаю также вошли в состав бѣлой расы), хотѣла непременно все завоевать, все вовлечь в круг своей эксплуатаціи. Повсюду, гдѣ она оказалась побѣдительницей, отсталыя расы должны были исчезнуть. И когда мы подумаем обо всем этом разрушеніи, обо всѣх этих убійствах, связанных с европейской эксплуатаціей, то нам приходит в голову вопрос: не принесла ли бѣлая раса человечеству столько же вреда, как и пользы?

Для того, чтобы выйти из животнаго состоянія, нам понадобилось, может быть, около 150 000 лѣт, затѣм, еще 10.000 лѣт заняло развитіе и паденіе цивилизацій египетской, халдейской, греческой, римской, индійской и мавританской; вмѣстѣ с тѣм, параллельно развивалась и желтая раса. В настоящее время мы присутствуем при началѣ паденія латинских рас — паденія, которое не замедлит превратиться в агонію, если только социальный переворот не остановит вовремя физическаго и нравственнаго вырожденія — результата существованія капиталистическаго строя.

Возможно, что если границы между народами еще будут продолжать существовать, то нашим наслѣдником явится раса славянская, как болѣе молодая и позднѣ вступившая на путь европейской цивилизаціи. Но сколько времени продолжится этот період и что будет послѣ? Откуда придет тот обновляющій дух, который оживит нашу ослабѣвшую бѣлую расу, истощенную плохо понятой и плохо усвоенной цивилизаціей?

При упадкѣ каждой из существовавших цивилизацій всегда являлась новая раса, которая усваивала себѣ всѣ умственныя изобрѣтенія той, которой она пришла на смѣну, и, в свою очередь, вносила в них свой свѣжій ум, свои нетронутыя способности, свою сильную и молодую кровь.

от французов. Кто же оказался «выше»: тѣ ли, которые отвоевали свою свободу, или тѣ, которые хотѣли удержать цѣлый народ в рабствѣ? Кромѣ того, нужно совершенно не знать исторіи, чтобы отрицать существованіе у жителей Гаити нѣкотораго прогресса, несмотря на разных тамошних сулуков — подражателей наших Наполеонов.

Когда подумаешь, что большинство так называемых цивилизованных людей работает и умирает с голоду ради обогащенія кучки тунеядцев и паразитов, когда вспомнишь, что сами эксплуатируемые доставляют ту силу, которая служит для защиты их эксплуататоров, то поневолѣ явится вопрос: имѣем ли мы право так гордиться своей высокою культурой? И дали ли мы, с другой стороны, возможность свободнаго развитія тѣм диким племенам, которыя еще продолжают существовать?

Мы нисколько не хотим этим сказать, что всѣ расы совершенно тождественны между собою: мы только думаем, что всѣ они обладают извѣстными способностями, извѣстными нравственными, умственными и физическими качествами, которыя, если бы им предоставить свободно развиваться, могли бы дать возможность каждому племени внести свою лепту в общее дѣло человѣческой цивилизаціи. Возьмем хотя бы австралійцев — жалких дикарей, стоящих на очень низкой ступени развитія: они оказались однако способными изобреѣсти бумеранг — метательное оружіе с удивительным обратным дѣйствіем, котораго европейцы, несмотря на все свое искусство, на всѣ свои баллистическія знанія, не могли до сих пор ни сдѣлать, ни объяснить. Положим, изобреѣтеніе бумеранга — не большой вклад в исторію человечества, но раз изобреѣтательность этих племен могла повести к открытію этого свойственнаго им одним оружія, тогда как пики, палицы и стрѣлы были извѣстны и всѣм другим расам, то почему не предположить,

источником всѣх тѣх войн, преступленій, краж и т. под., которыя обыкновенно приписывают недостаткам человѣческой природы, но которыя, в дѣйствительности, представляют собою исключительно результат общественной организаціи: общество только содѣйствует их сохраненію, тогда как они должны были бы понемногу исчезать под вліяніем новых приобрѣтаемых человѣком нравственных понятій.

По той же причинѣ и члены имущих классов постоянно ведут между собою борьбу, не видя в чем состоит истинный интерес их класса и что нужно сдѣлать для того, чтобы обезпечить себѣ спокойную возможность заниматься эксплуатациею и устранить все то, что может показать эксплуатируемым истинное положеніе вещей. А это заставляет их дѣлать множество промахов, только ускоряющих их паденіе.

Если бы буржуазія была дѣйствительно сплоченной силой, если бы ею двигал не личный интерес каждаго, а исключительно общій интерес всего класса, то, при том могуществѣ, какое дает ей богатство, власть и господство над всѣми учрежденіями современнаго общества, административными, исполнительными и принудительными, при ея умственном развитіи — неизбѣжно болѣе высоком, чѣм развитіе рабочих, которым она так же скупно удѣляет духовную пищу, как и матеріальную — она могла бы держать эксплуатируемых под гнетом нужды и зависимости, под которым они находятся теперь, еще неопредѣленно долгое время. Но, к счастью, жажда пользоваться удовольствіями, блистать и обогащаться, заставляет ея членов вести между собою не менѣе ожесточенную борьбу, чѣм они ведут с рабочими. В своей поспѣшности воспользоваться настоящим положеніем, они дѣлают ошибки за ошибками, и рабочіе, в концѣ концов, начинают понимать причину

своего бѣдственнаго положенія, начинают сознавать, на каком низком уровнѣ буржуазія стремится их удержать.

Но и в средѣ рабочих идет такая же борьба, как и в средѣ буржуазіи, и если там она угрожает цѣлости буржуазнаго строя, то здѣсь она, наоборот, содѣйствует его сохраненію. Вынужденные бороться за полученіе возможности заниматься каторжным трудом в пользу буржуазіи, рабочіе смотрят друг на друга как на врагов, а того, кто их эксплуатирует, склонны, наоборот, считать благодѣтелем. В обмѣн за их труд, буржуазія дает им лишь ровно столько, сколько нужно, чтобы не умереть с голоду; вот почему они склонны прежде всего смотрѣть непріянно на того человѣка, который оспаривает у них с таким трудом полученную работу. Свободных мѣст мало; это еще больше усиливает конкуренцію и заставляет рабочаго наниматься за болѣе низкую плату, чѣм другой сотоварищ. И вот эта-то ежедневная борьба за кусок насущнаго хлѣба и заставляет рабочих забывать, что худшіе их враги, это их эксплуататоры.

Буржуазія, правда, сильна своим богатством, своим умственным превосходством и находящейся в ея руках правительственной властью; но она, в концѣ концов, составляет, сравнительно со всей массой рабочих, лишь ничтожное меньшинство, и ей скоро пришлось бы сдаться перед численным превосходством, если бы она не нашла средства раздѣлить рабочих и заставить их самих содѣйствовать поддержанію ея привилегій.

Все это нам показывает, что человѣкъ — далеко не ангел, а в прошлом был и вполнѣ звѣрем, в самом прямом значеніи этого слова. Когда он создал первое общество, он положил в его основу инстинкты борьбы и господства; вот почему это общество оказалось таким плохим. С теченіем времени общественная организація не перестала быть плохой: власть продолжала оставаться в руках меньшинства, кото-

эти примѣры нисколько не доказывают отсутствія этой способности в данной расѣ вообще, раз уже личности, получившія европейское воспитаніе, могли, во всяком случаѣ, втеченіе извѣстнаго періода своей жизни идти по пути, намѣченному им их воспитателями.

Тот же профессор Эрве (мы опять ссылаемся на него, потому что из всѣх слышанных нами сторонников теоріи «низших» рас, он защищал эту теорію болѣе убѣдительно) указывает на тот факт, что дикарь болѣе понятлив в дѣтствѣ, чѣм в зрѣлом возрастѣ. Но что же из этого слѣдует? Чѣм менѣе развита данная раса, тѣм раньше приходится дѣтям самим заботиться о себѣ и тѣм быстрѣе приходится им развивать свою сообразительность. Что касается взрослых, то ранняя остановка развитія зависит у них, правда, от физической организаціи — от заростанія черепных швов. В противоположность тому, что происходит у бѣлой расы, сращеніе начинается именно с передней части черепа, так что развитіе мозга прежде всего задерживается в тѣх частях, которыя всего важнѣе для умственной дѣятельности. И это могло бы, дѣйствительно, послужить доказательством низшей природы, если бы было доказано, что бѣлая раса не проходила через такую же стадію развитія; между тѣм на доисторических черепаках видно, что сращеніе происходило в них точно также начиная с передних частей и точно также очень рано — как у современных нам так называемых низших рас. Случаи подобнаго атавизма встрѣчаются и в наше время. Что же, в таком случаѣ, остается от этого аргумента?

Затѣм, нам часто указывают на республику Гаити, часто смѣются над ея военными переворотами; но давно ли и в нашей исторіи встрѣчались подобные же факты, еще менѣе простительные, потому что мы считаем себя людьми высшей породы. Как бы то ни было, жители Гаити сумѣли во всяком случаѣ, отвоевать свою независимость

была якобы предоставлена полная свобода развиваться в особых отведенных для них деревнях.

Очень возможно, что были действительно неудачны попытки цивилизовать дикарей, но это еще не рѣшает вопроса вообще, потому что для этого нужно было бы знать, при каких условіях были сдѣланы эти попытки, в каких условіях находились данныя племена и не было ли одновременно с этим и каких-нибудь вліяній, способствовавших вырожденію. Этого рода примѣры тѣм менѣе убѣдительны, что существуют примѣры и обратнаго. Так, канадскіе ирокезы стоят нисколько не ниже окружающих их бѣлых; первый географ Мексики — ацтек; наконец, мы были свидѣтелями того, как прекрасно потомки «низших» рас сумѣли выжить из Мексики «первых в мірѣ» солдат.

Для того, чтобы какое-нибудь умственное приобрѣтеніе упрочилось, нужно нѣсколько поколѣній, ум отдѣльнаго человѣка, как бы он не был способен к развитію, не может продѣлать втеченіе одной своей жизни всю ту эволюцію, которую раса проходит в рядѣ поколѣній. Поэтому отрицательные результаты опытов над отдѣльными личностями ровно ничего не доказывают, даже если опыт был обставлен надлежащим образом; им можно всегда противопоставить примѣры положительных результатов, точно также как против общаго прогресса бѣлых можно выставить и многочисленные случаи прогресса.

Этнографическія сочиненія указывают нам затѣм на примѣр тѣх же самых краснокожих, негров и других «дикарей», которых начинали учить и которые достигали даже довольно высокой ступени развитія; но затѣм в них вдруг являлось презрѣніе ко всему тому, чему их учили, тоска по своей прежней свободѣ и, сбросив с себя оболочку культурнаго человѣка, они возвращались к кочевому образу жизни. Никто не отрицает того, что атавизм может иногда оказаться сильнѣе способности к совершенствованію, но

рое обратило ее в свою пользу, и чѣм больше развивалось общество, тѣм больше сосредоточивалась в руках немногих эта власть и тѣм вреднѣе становились связанныя с нею учрежденія. Наоборот, в человѣкѣ, по мѣрѣ развитія его ума и облегченія добыванія средств к существованію, развивалось чувство солидарности — то самое чувство, которое уже и раньше руководило им при его соединеніи с другими и которое впоследствии сдѣлалось насущной потребностью. Но религія довела его до крайности, и своею проповѣдью милосердія и самоотреченія обратила и его в новое орудіе эксплуатаціи.

Каких только планов общественных преобразованій ради счастья человѣчества не создавала потребность гармоническаго общежитія! Но каждый раз общество давило всю свою тяжестью на хорошіе инстинкты человѣка, возрождало в нем его первобытный эгоизм и заставляло смотрѣть на других как на врагов, которых нужно раздавить, чтобы не быть раздавленным самому; оно приучало его быть равнодушным свидѣтелем гибели тѣх, кого давили колеса чудовишнаго общественнаго механизма: он не мог броситься им на помощь, потому что это значило рисковать самому быть проглоченным ненасытною пастью чудовища, пожирающаго в особенности добрых и наивных людей, руководящихся чловѣколюбивыми чувствами, и щадящаго тѣх, которые умѣют втолкнуть в пасть других и эту цѣною отсрочить свою собственную гибель.

Люди возмущаются против тунеядцев, воров и убійц, против неисправимо-дурных сторон человѣческой природы, и не замѣчают того, что всѣ эти пороки давно бы исчезли, если бы их не поддерживал и не развивал существующій общественный строй. Как же вы хотите, чтобы человѣк был трудолюбивым, когда в нашем обществѣ труд считается унижительным и составляет удѣл парій, когда эксплуататоры превратили его, благодаря своей страсти

к наживѣ, в пытку, в занятіе рабов? Как вы хотите, чтобы не было лѣнтяев, когда для всякаго человѣка, который хочет улучшить свое положеніе, идеал — это накопить, какими бы то ни было средствами, достаточно денег, чтобы жить ничего не дѣлая или заставляя работать на себя других? И чѣм больше число эксплуатируемых им рабов, тѣм выше его общественное положеніе, тѣм большим почетом он окружен и тѣм, слѣдовательно, больше та сумма наслажденій, которую он может взять от жизни.

Общество построено іерархическим образом и самыя высшія положенія, т. е. тѣ, на которыя смотрят как на награду за ум, добродѣтель и трудолюбіе, составляют удѣл именно тѣх, кто никогда ничего сам не дѣлал. Люди, которым удалось тѣм или иным путем добраться до этой верхушки, ѣдят, пьют и предаются наслажденіям, никогда не ударив палец о палец, а внизу лѣстницы стоят и смотрят на эту праздную жизнь эксплуатируемые, которые работают и производят богатства в потѣ лица, не получая взамен ничего кромѣ возможности не умереть с голоду, и не имѣя другой надежды выйти из этого положенія кромѣ какого-нибудь счастливаго случая. И послѣ этого еще удивляются, что люди имѣют склонность жить ничего не дѣлая! Мы скорѣе удивляемся тому, что есть еще глупцы, соглашающіеся работать!

Примѣр, который общество подает отдѣльным личностям, таков, что единственный возможный для них идеал, это — создать себѣ такое положеніе, гдѣ бы они могли заставлять работать и эксплуатировать других, чтобы не быть эксплуатируемыми самим. А когда у человѣка не хватает средств эксплуатировать людей законно, наживаясь на их трудѣ, то он ищет других путей. Торговля и финансовыя операціи представляют собою пути, дозволенные законом и дающіе огромные барыши, когда они производятся в крупных размѣрах; в мелких же операціях

он какое-нибудь значеніе для тѣх, кто ставит весь прогресс в зависимость от постоянно мѣняющихся условій среды?

«Отсталые народы живут обыкновенно в наиболѣе благопріятном климатѣ», говорит в своих лекціях по зоологической антропологии профессор парижской Антропологической Школы Эрве, сторонник теоріи низших рас. Но это положеніе требует еще доказательств. Вѣрно ли оно, например, по отношенію к эскимосам, к обитателям Огненной Земли, или к краснокожим, лишенным всѣх тѣх животных, которых они могли бы приручить, или к неграм, живущим в болотистой нильской области или в безконечных лѣсах Конго? Можно ли сказать это о сибирских тунгусах, или о бушменах безводных пустынь Калахари? Нѣтъ, очевидно, это совершенно не вѣрно. Да кромѣ того, еще вопрос, какой климат нужно считать болѣе благопріятным: тот ли, который толкает человѣка на труд, или тот, который имѣет обратное вліяніе?

Этот аргумент может очень легко обратиться против тѣх, кто им пользуется. Не послужила ли легкость добыванія средств к существованію скорѣе причиной застоя многих племен? Если люди могут удовлетворять свои первоначальныя потребности без труда, то очень может случиться, что в них вовсе и не проснутся иныя потребности; наоборот, народы, принужденные отвоевывать в борьбѣ с природой и с климатом свое ежедневное пропитаніе, разовьют в себѣ новыя инстинкты и способности, которые, в свою очередь, дадут начало новым стремленіям и, таким образом, заставят данный народ вступить на путь прогресса. Другіе же, поставленные в болѣе благопріятныя условія, будут просто брать от жизни то, что она сама им дает.

Затѣм мы находим доказательства, почерпнутыя из опыта искусственнаго насажденія культуры в нѣкоторых африканских племенах и в тѣх колоніях дикарей, которым

нашего существованія, считать себя чудом человечества? И по какому праву можем мы говорить о «низших» расах, когда их современное состояніе зависит от наших-же варварских преслѣдованій? Низкій уровень современных краснокожих, напримѣр, ровно ничего не доказывает, потому что, как извѣстно, существовавшія у них туземныя цивилизаціи были разрушены европейскими завоевателями, а слѣдующія поколѣнія преслѣдовались, разорялись и истреблялись; они мало по малу отступали перед побѣдителями и понемногу начинали вымирать. Цѣлыя цвѣтущія цивилизаціи погибли таким образом, и мы не знаем, что онѣ способны были дать: судить об этом по выродившимся туземцам, исчезающим под давленіем Соединенных Штатов, совершенно невозможно.

Я не буду приводить в примѣр ни Мексиканской Имперіи, ни Инков, потому что во время пришествія испанцев эти цивилизаціи находились уже в полном упадкѣ и именно потому не могли сопротивляться; гуроны и ирокезы защищали свою независимость с гораздо большей энергіей, чѣм ацтеки и перувіанцы.

Казалось бы, что есть еще один способ провѣрить одинаковость возраста различных рас: это — произвести раскопки в еще неизслѣдованных мѣстностях и сравнить возраст скелетов, которые несомнѣнно будут там найдены; но это средство оказывается недѣйствительным, потому что нѣтъ никакой возможности установить одновременность отложенія тѣх или других слоев земной коры в различных мѣстностях земного шара. Каким же образом узнать в таком случаѣ относительный возраст скелетов, найденных в различных мѣстностях?

Вопрос о времени происхожденія различных рас оказывается, поэтому, вопросом неразрѣшимым; он не может дать нам никаких доказательств в пользу возможности или невозможности равенства между ними. Да и имѣет ли

приходится прибѣгать к различным уловкам, при которых человек лавирует между различными статьями закона, а иногда и нарушает их, если только знает, что не попадетсѣ. Надувательство и обман являются тут очень цѣнными вспомогательными средствами, благодаря которым предприниматель может удесятерять свои барыши.

Для тѣх же, кто не может стать в такія условія, остается еще одно: эксплуатація человѣческой довѣрчивости — мошенничество и другія подобныя операціи. Еще ниже мы находим грубое воровство и убійство. В зависимости от находящихся под руками средств, от среды, в которой они выросли, люди прибѣгают к тому или другому из указанных средств, а иногда и соединяют их вмѣстѣ, чтобы как можно дальше уберечься от строгости закона, считающагося защитником общества.

Нужда и страданія — удѣл рабочих; тунеядство и наслажденіе жизнью — удѣл тѣх, которые, благодаря силѣ, хитрости или происхожденію, сдѣлались их паразитами.

То же самое можно сказать и о солидарности. Как вы хотите, чтобы люди не грызлись между собою, когда они не знают, чѣм будут завтра питаться сами и чѣм накормят свою семью, если та работа, на которую они надѣются, достанется их конкурренту? Как вы хотите, чтобы в них жило чувство солидарности, когда всякій раз, когда они дают нищему кусок хлѣба, они думают, что может быть в будущем им неостанет этого куска? Как могут они поддерживать в себѣ это чувство, когда им приходится каждый день бороться за свое пропитаніе, когда на свѣтѣ есть множество наслажденій, которых они никогда не узнают? Может быть именно потребность сплотиться в борьбѣ сблизила людей между собою и превратила это чувство в любовь к ближнему; но как бы то ни было, именно общество отвѣтственно за переживаніе борьбы между личностями и вытекающую отсюда вражду. Как вы хотите, чтобы человек не желал

другому зла, когда он знает, что исчезновение этого другого может помочь ему подняться одной ступенью выше на общественной лестнице, или дать ему лишний шанс на получение желанного места, когда, вообще, это — устранение опасного конкурента? Как можно требовать, чтобы человек сопротивлялся дурным побуждениям, когда он отлично знает, что все, что будет злом для его соседа, будет добром для него самого?

Вы говорите, что человек дурен; мы же, наоборот говорим, что в нем, должно быть, живет сильная склонность к добру, если общество не оказывается еще худшим, чем оно есть, если всевозможные преступления и несчастья не совершаются в нем еще чаще.

Человеку удалось развить в себя стремление к солидарности, справедливости и гармонии, наперекор всем влияниям среды, толкающей его на зло, и вот эти хорошие чувства стали опять таки предметом эксплуатации для людей, живущих на его счет. Его мечты о счастье, его стремление к лучшему вызвало появление на свет целого класса паразитов, которые стали пользоваться этими стремлениями, суля ему их осуществление. Мало того: эти чувства даже стали наказываться, как нарушающий общественный порядок, и не смотря на все это, человечество продолжает стремиться воплотить их в жизнь. И после этого нам еще рвшаются говорить о дурных инстинктах человека!

Гуманные чувства, стремление к свободе и справедливости преследовались и наказывались потому, что люди, сумевшие отделиться от узкого, жестокого эгоизма, служащего опорой современного общества, стали мечтать о том времени, когда настанет общая гармония, и наслаждение жизнью делается доступным для всех, и задались вопросом о том, почему общество, созданное для общего счастья, служит только для обеспечения привилегий небольшого меньшинства. Отсюда они вывели заключение, что обще-

но, громадный шаг вперед. Но дело в том, что в ту эпоху, к которой относится постройка этих памятников, Египет имел уже довольно развитую цивилизацию, и между строителями филиских, карнакских и мемфисских храмов и этими отсталыми племенами уже тогда существовала огромная разница. Египтяне уже пережили тогда свой доисторический период, продолжительность которого оценивают в сотни тысяч лет.

Первые шаги человека четвертичного периода на пути развития должны были быть очень медленными, а если мы допустим существование человека еще в третичный период, то эта медленность окажется еще значительнее. Поэтому 10.000 лет застоя тех племен, о которых мы только что говорили, — очень незначительный срок в общей истории человечества; весьма возможно, что и первобытный египтянин не обнаружил бы через 10.000 лет после того, как он выучился обтесывать первый камень, никакого заметного прогресса и оказался бы, в глазах наблюдателя, человеком низшей расы.

С другой стороны, ведь эти самые египтяне, у которых мы находим такую высокую культуру; такие памятники и такое развитие научных знаний, в сущности вовсе не принадлежат к белой расе, и этот народ, который считают одной из «высших» рас древности, оказывается в наше время в числе рас «низших», что очень ясно показывают им их английские покорители. Удивительное противоречие! Ученые делят из египтян то «высшую» расу, то «низшую», смотря по надобностям своей аргументации.

Череп и челюсти, найденные в Кро-Маньон, Неандерталь и Нолетт и относящиеся к очень отдаленным эпохам, настолько обезьянообразны, что изучавшие их антропологи даже не могли вначале решить, принадлежали ли они предкам человека, или же большим человекоподобным обезьянам. Можем ли мы, после такого скромного начала

2) Отсталыя племена живут обыкновенно в очень благоприятном климатѣ, что должно было способствовать их развитію.

3) Дѣти дикарей, которых пробовали воспитывать на европейскій лад, совершенно не оправдали надежд своих воспитателей.

Кромѣ того, приводят в примѣр различныя поселенія дикарей, оставшіяся на том же уровнѣ, на каком они находились и двѣсти лѣт тому назад, а также негрскую республику Гаити с ея безцѣльными революціями.

Не нужно заходить особенно далеко вглубь исторіи, чтобы убѣдиться, что всеобщее согласіе не всегда может служить доказательством справедливости даннаго мнѣнія. Вѣдь пока Галилей не доказал, что земля вертится вокруг солнца, почти всѣ без исключенія были убѣждены, что солнце вертится вокруг земли! Всеобщее согласіе ровно ничего еще не доказывает, если оно не опирается на факты, да и то иногда бывает — как в приведенном примѣрѣ — что видимые факты говорят в пользу ошибочнаго мнѣнія. Поэтому, еще вопрос, дѣйствительно ли одновременность появленія различных рас доказывается фактами.

На нѣкоторых египетских памятниках находят изображенія африканских типов, существующих и в наше время, и это дѣйствительно, говорит в пользу относительной древности их происхожденія. Извѣстно также, что эти племена, когда-то подчиненныя египтянам, повидимому, с тѣх пор не пошли вперед. С перваго взгляда это может показаться аргументом в пользу теоріи низших рас, но болѣе внимательное изученіе покажет поспѣшность такого заключенія.

В самом дѣлѣ, древность египетских памятников опредѣляется в восемь, скажем — в десять тысяч лѣт; итак, втеченіе десяти тысяч лѣт эти племена, повидимому, нисколько не развились, тогда как бѣлая раса сдѣлала, как извѣст-

ственная организація плоха, что она должна исчезнуть и уступить мѣсто другой, болѣе разумной. Но так как люди, пользующіеся привилегированным положеніем, не хотѣли уступить своих привилегій, то они стали преслѣдовать эти стремленія как вредныя, а это дало начало новой борьбѣ, создало новые поводы для развитія дурных инстинктов.

Раз мы признали вредное вліяніе существующаго общества на нравственный уровень личностей, то нам уже не трудно найти способ устранить в них дурные инстинкты и развить хорошіе. Ваше общество, основанное на враждебности интересов, ведет к борьбѣ между личностями и создает то злое существо, которое мы называем цивилизованным человѣком: найдите такую организацію, которая была бы, наоборот, основана на самой тѣсной солидарности. Сдѣлайте так, чтобы личные интересы не были противоположны ни друг другу, ни интересу общему. Сдѣлайте так, чтобы благосостояніе личности вытекало из общаго благосостоянія и в свою очередь являлось его источником. Сдѣлайте так, чтобы, для того, чтобы жить и пользоваться жизнью, людям не нужно было бояться конкуренціи других; сдѣлайте так, чтобы им, наоборот, было выгодно соединять вмѣстѣ свои силы и свои стремленія и чтобы их ассоціація не могла оказаться во вред другим, сосѣдним, ассоціаціям.

Вы боитесь лѣнтыев — сдѣлайте труд привлекательным. Вмѣсто того, чтобы приковывать к нему небольшое меньшинство, для котораго он обращается в пытку, уничтожьте всѣ ваши бесполезныя должности и организуйте общество так, чтобы каждый содѣйствовал производству, и не под давленіем какой-нибудь власти, а в силу естественнаго хода вещей. Сдѣлайте труд полезным и необходимым, устройте так, чтоб он был гигиеническим упражненіем, а не пыткой.

Существующая общественная организація не может дать ничего кромѣ войн, преступленій, обмана и нужды; это — результат существованія частной собственности и власти, результат вліянія среды. И если вы стремитесь к обществу, основанному на взаимном довѣрїи, солидарности и общем благосостояніи, положите в основаніе его свободу, взаимность и равенство.

научными знаніями, доказывая, что бѣлая раса — единственная, высоко стоящая по своей природѣ.

Когда-то человек считал себя центром вселенной и не только думал, что солнце и звѣзды вертятся вокруг земли, но был убѣжден, что все это совершается ради него. Это было антропоцентрическое міросозерцаніе. Много вѣков должно было пройти, прежде чѣм человек освободился от этого гордаго самообмана и понял, какое ничтожное мѣсто он занимает в природѣ. Но мысль о первенствѣ так крѣпко засѣла в нем, избавиться от нея было так трудно, что, потеряв свое воображаемое господство над свѣтилами, он утѣшился тѣм, что стал смотрѣть на весь земной шар, со всѣми его продуктами, как на предназначенный исключительно для того, чтобы быть колыбелью вѣнца творенія — человека.

Но этого воображаемаго царства лишила его наука, показавшая, что он — не больше, как продукт эволюціи, продукт стеченія случайных обстоятельств, что в его появленіи нѣтъ ничего преднамѣреннаго, что его, поэтому, никто не ждал и никто ничего для него не приготавливал; человек, в своем стремленіи к господству, не мог, однако, помириться с фактами и признать себя случайным пришельцем, и вот он ухватился за представленіе о низших расах, причем каждая раса поочередно считала себя самой умной, самой красивой, самой совершенной. Бѣлая раса стала поглощать на этом основаніи всѣ остальные, а ученые приняли это за отправной пункт для своих обобщеній. Они опираются, кромѣ того, на слѣдующіе аргументы:

1) Всѣм ученым міром признано, что низшія расы существуют столько же времени, как и бѣлая; поэтому, раз послѣдняя развилась, в то время как первыя остались на первоначальном уровнѣ, это ясно показывает, что онѣ стоят ниже по самой своей природѣ.

Глава XV Теорія «низших» рас

Вопрос о колонизации тѣсно связан с вопросом о так называемых низших расах. Именно эта болѣе низкая природа диких племен служила и служит всегда главным аргументом для оправданія истребленія завоеванных народов.

Но вѣдь тѣм же самым аргументом пользуются и против рабочих, им же стремятся оправдать и эксплуатацію «низших классов». Развѣ в глазах капиталистов — и даже в глазах нѣкоторых ученых — рабочей не является просто вьючным животным, назначеніе котораго — обеспечивать благосостояніе «избранных» и производить на свѣт потомство, которое, в свою очередь, будет давать возможность наслаждаться жизнью потомкам этих «избранных» и т. д.?

А между тѣм, мы, рабочіе, нисколько не считаем себя стоящими ниже кого бы то ни было и думаем, что наш мозг совершенно также способен к развитію, как и мозг наших эксплуататоров, но только у нас нѣт ни времени, ни возможности развиваться. Может быть то же происходит и с так называемыми низшими расами?

Если бы о «низших» расах говорили только политическіе аферисты, то им не стоило бы и возражать: им, в сущности, рѣшительно все равно, вѣрно это или нѣт, им нужен только предлог и, если им докажут, что данный предлог не годится, они найдут другой. Но нѣкоторые ученые точно также поддерживают эту теорію и придают ей силу своими

Глава XI Патріотизм

Понятія о семьѣ, религіи, собственности, власти выдѣлялись понемногу из всей совокупности человѣческих понятій и постепенно принимали все болѣе и болѣе определенный характер; вмѣстѣ с тѣм, по мѣрѣ того как эти понятія выяснились, они проходили, каждое в отдѣльности, свой особый цикл развитія и воплощались в существованіи особых сословій, имѣющих каждое свое назначеніе и свои привилегіи.

Одним из первых выдѣлилось, развилось и получило повсюду преобладаніе сословіе военное; даже там, гдѣ ему приходилось уступить первенство духовному сословію, это послѣднее пользовалось собственно лишь почетным главенством, в сущности же именно военное сословіе давало возможность тѣм, кто стоял у власти, удержать ее в своих руках, именно оно выбирало тѣх номинальных или дѣйствительных вождей, в которых сосредоточивалась вся сила привилегированных сословій.

Во всѣх этих столкновеніях интересов понятіе патріотизма играло очень незначительную роль. Различныя группы и племена, а затѣм, уже в историческое время — различныя города, боролись друг с другом; затѣм, одни народы стали стремиться поработить других, и появилось различіе между національностями; тѣм не менѣе понятіе о патріотизмѣ было еще очень неясным и неопределенным. Только в очень близкое к нам время мы видим, как оно зародилось и определѣлось и как оно скоро стало выше и королей, и

священников, и воинов, обратив их всѣх в своих слуг, в служителей новой религіи.

Во Франціи идея патриотизма, точно также как и идея законности, проявилась во всей своей силѣ в 1789 году. Это было гениальное изобрѣтеніе буржуазіи: она замѣнила авторитет божественнаго права авторитетом націи, представила его в глазах рабочих как совокупность всѣх прав и заставила их защищать новый порядок вещей, внушив им, что они борются за защиту своих собственных прав. В самом дѣлѣ, нужно имѣть в виду, что понятіе об отечествѣ, о націи, как говорили тогда, было скорѣе понятіем о народѣ, о его правах и его учрежденіях, чѣм о самой территоріи. Только впоследствии, под вліяніем различных причин, патриотизм сузился и измельчал до такой степени, что теперь он означает исключительно любовь к извѣстной территоріи, совершенно независимо от населяющих ее жителей и от существующих на ней учреждений.

Но каково бы ни было содержаніе этой идеи, буржуазіи было в высшей степени выгодно развивать и поддерживать ее, чтобы в концѣ концов превратить ее в род религіи, под защитой которой она могла бы удержать в своих руках власть, уже сильно подвергавшуюся критикѣ. Защита территоріи была во всяком случаѣ очень удобным предлогом для сохраненія арміи, нужной для поддержанія ея привилегій, а общее благо — неопровержимым аргументом для того, чтобы заставить содѣйствовать тому же самому и рабочих. К счастью, критическая мысль развивается и расширяется с каждым днем; человек уже перестает довольствоваться словами и хочет знать, что они означают. Даже если ему не удастся достигнуть этого сразу, он во всяком случаѣ умѣет уже накапливать в своей памяти запас фактов, из которых он затѣм дѣлает логическіе выводы.

Что, в самом дѣлѣ, значит слово «отечество», если мы оставим в сторонѣ естественное чувство любви к семьѣ

способность к борьбѣ и вообще к чему бы то ни было, кромѣ наслажденій, и исчезли гораздо больше благодаря своей собственной внутренней слабости, чѣм благодаря побѣдѣ варваров. Варвары находились тогда сами в полном разцвѣтѣ сил и им уже нетрудно было разрушить эти гнилыя цивилизаціи.

Вы рѣшили истребить тѣ расы, которыя вы считаете низшими, но которыя, как мы покажем дальше, представляют собою просто расы отсталыя; вы стремитесь уничтожить и рабочий класс, который тоже считаете низшим. С каждым днем вы все больше и больше стараетесь устранить рабочего и замѣнить его машиной. Если бы вы восторжествовали, развитію человечества пришел бы конец, потому что вы мало-по-малу потеряли бы всѣ способности, выработанныя в вас борьбою, и спустились бы на ступень самых отдаленных наших предков; у человечества тогда скоро не стало бы другого общественнаго идеала, кромѣ ряда желудков, командующих арміей машин, да управляющих этими машинами автоматов, только по названію могущих считаться людьми.

Пусть уж лучше торгаши-филантропы и солдаты-цивилизаторы оставят при себѣ свои тирады о благах цивилизаціи. То, что они прикрываютъ названіемъ колонизаціи, очень точно опредѣляется в их же сводѣ законов, если только этого рода поступок совершает кучка неизвѣстныхъ личностей, как «вооруженный разбой». Цивилизація же не имѣетъ ничего общаго с разбоем на большой дорогѣ.

Правящему классу нужны новые народы, новые рынки, которые можно было бы эксплуатировать, и вот для этого-то он и посылаетъ разныхъ Солелье, Брацца, Брэмпейлей, Тривье и др. на поиски за новыми землями, для устройства тамъ торговыхъ агентствъ и для безграничнаго хищничества. Прежде всего начинается эксплуатація торговая, которая, по мѣрѣ расширенія поля европейскаго протектората, распространяется и на всѣ другія области; буржуазіи нужны главнымъ образомъ огромныя пространства, которыя она могла бы постепенно захватывать, истребивъ такъ или иначе ихъ населеніе, и в которыхъ нашлось бы достаточно мѣста для стѣсняющаго ее избытка европейскаго населенія.

И вы считаете себя цивилизаторами! Что вы сдѣлали съ тѣми племенами, которыя населяли Америку и которыя теперь с каждымъ днемъ исчезаютъ, потому что вы измѣнительнымъ образомъ нарушаете данное слово и мало-по-малу отнимаете у нихъ тѣ охотничьи территоріи, которыя вамъ раньше пришлось признать ихъ собственностью? Что вы сдѣлали съ населеніемъ Полинезіи, которое, по словамъ всѣхъ путешественниковъ, было прежде крѣпкимъ и здоровымъ, а теперь подъ вашимъ владычествомъ, постепенно вымираетъ?

Вы считаете себя цивилизаторами! Но ваша цивилизація такова, что если бы борющіеся с вами рабочіе оказались побѣжденными, вы скоро выродились бы отъ лѣни и бездѣятельности, подобно тому какъ выродились греческая и римская цивилизаціи, когда достигли высшей точки развитія роскоши и эксплуатаціи; онѣ потеряли тогда всякую спо-

и близкимъ и привязанность къ своей странѣ, зависящую отъ привычки жить в ней? Для большинства изъ тѣхъ, которые рискуютъ жизнью в разныхъ войнахъ, не зная даже ихъ причин, и несутъ на себѣ всю тяжесть ихъ, и какъ рабочіе и какъ солдаты, это слово не заключаетъ в себѣ, кромѣ этого, ровно ничего. Будетъ ли война удачной, или неудачной, ихъ положеніе отъ этого нисколько не измѣнится. Окажутся ли они побѣдителями или побѣжденными, они все равно не перестанутъ быть вѣчно эксплуатируемыми вьючными животными, надъ которыми буржуазія всѣми средствами стремится удержать свое господство.

Посмотримъ, в какомъ смыслѣ употребляютъ это слово тѣ, которые больше всего говорятъ о любви къ отечеству. «Отечество», говорятъ они, «это — земля, территорія, принадлежащая тому государству, подданными котораго мы состоимъ». Но вѣдь границы государствъ произвольны и опредѣленіе ихъ зависитъ по большей части отъ исхода войнъ; политическая группировка странъ не всегда была такой, какой мы видимъ ее теперь, и если завтра нашимъ эксплуататорамъ захочется начать между собою войну, то какое-нибудь одно сраженіе можетъ вновь заставить часть страны перейти подъ власть другого государства. Да развѣ не такъ происходило дѣло и всегда? В рядѣ войнъ различныя страны присвоивали себѣ тѣ или другія провинціи, опредѣлявшія ихъ границы, затѣмъ теряли ихъ и вновь завоевывали, такъ что патріотизмъ этихъ провинцій переходилъ то на одну, то на другую сторону и состоялъ только в томъ, чтобы сегодня бороться подъ однимъ знаменемъ, а завтра — подъ другимъ, сегодня убивать своихъ вчерашнихъ союзниковъ и сражаться рядомъ с завтрашними врагами. Это — первое доказательство нелѣпости патріотизма.

Да и что, вообще, можетъ быть произвольнѣе границъ? На какомъ основаніи люди, живущіе по ту сторону какой-нибудь воображаемой линіи, составляютъ другое государ-

ство, чѣм тѣ, которые живут по эту сторону? Произвольность этого так очевидна, что для объясненія дѣленія народов на различныя націи обращаются теперь к понятію о расѣ. Но и это не имѣет никаких серьезных основаній, потому что каждая из существующих національностей представляет собою результат смѣшенія многих рас, очень различных между собою, не говоря уже о том, что постоянно развивающіяся и все болѣе и болѣе тѣсныя международныя сношенія ведут к постоянным скрещиваніям.

Если стать на эту точку зрѣнія, то прежнее дѣленіе Франціи на провинціи окажется, пожалуй, болѣе логичным, потому что в нем все таки принимались в соображеніе этническія особенности населенія; но теперь и это уже не может имѣть значенія, потому что человѣчество все больше и больше объединяется, и различныя народности постепенно сливаются между собою; остаются только различія, зависящія от условій среды и климата и слишком глубокія для того, чтобы вполнѣ исчезнуть.

Но что еще нелѣпѣе, так это то, что большинство людей жертвует своею жизнью в борьбѣ с другими людьми, на которых им указывают как на врагов, но которых у них нѣтъ никаких особых причин ненавидѣть, ради защиты или завоеванія земли, которая им не принадлежит и не будет принадлежать. Она составляет собственность небольшого меньшинства тунеядцев, и эти собственники спокойно сидят у себя дома в полной безопасности, в то время, как рабочіе самым бессмысленным образом рискуют своею жизнью, отнимая с оружіем в руках землю, которая послужит только для того, чтобы дать эксплуататорам возможность еще больше их эксплуатировать.

Мы уже говорили о том, что собственность не принадлежит по праву тѣм, в чьих руках она находится: воровство, грабеж и убійство, прикрытыя громкими названіями завоеваній, колонизаціи, цивилизаціи, патріотизма, сыграли в

европейскія изобрѣтенія быстро косят туземцев, а остающихся в живых ослабляют и истощают. Да и может ли быть иначе? При тѣх средствах, к которым прибѣгают европейцы, конечно, нѣтъ. Эти племена жили совершенно иной жизнью, чѣм мы, с иными наклонностями, с иными потребностями; вмѣсто того, чтобы изучить эти наклонности и потребности, вмѣсто того, чтобы приобщать их к нашей цивилизаціи незамѣтно и постепенно, предоставляя им брать из нея только то, что они могут усвоить, их хотѣли подчинить вдруг, сломить сразу, — и они не только оказались неспособными к этому, но самый опыт оказался для них гибельным. А как прекрасна могла бы быть роль так называемаго цивилизованнаго человѣка, если бы только он сумѣл ее понять и если бы его собственную жизнь не развѣдали язвы правительственной власти и торгашества — язвы, от которых он должен избавиться сам, прежде чѣм начать цивилизовать других.

Отсталыя племена могли бы воспринимать цивилизацію мирным путем, могли бы даже внести в нее новые оживляющіе элементы. Нам может быть возразят, что дикари лживы и жестоки, но стоит только прочесть рассказы тѣх дѣйствительно смѣлых людей, которые отправились, ради одной только любви к наукѣ и жажды знанія, в среду совершенно неизвѣстных им племен — и мы увидим, правда ли это. Эти люди сумѣли приобрѣсти в них друзей, могли путешествовать среди них совершенно безопасно; лживость и жестокость явились уже под вліяніем тѣх якобы-путешественников, которые в дѣйствительности ищут только выгодных торговых или политических операцій; именно они вызвали вражду к бѣлым со стороны туземцев, потому что постоянно обманывали их в торговлѣ, не исполняли своих обѣщаній, а иногда и просто истребляли их, если только это можно было сдѣлать безнаказанно.

Что же касается интересов торговли, то здѣсь именно корень всего остального: господа капиталисты не знают, куда сбыть свои товары, и не могут придумать, ничего лучшаго, как только объявить войну каким-нибудь несчастным народам, не могущим защищаться, и навязать им затѣм свои продукты. Правда, легко было бы стовориться с ними и устроить мѣновую торговлю; для этого даже не требуется особенно хорошо знать цѣнность предметов: эти народы цѣнят, главным образом, то, что кажется им красивым, так что их не трудно обмануть и получить большіе барыши. Развѣ не так именно и поступали европейцы, прежде чѣм им удалось проникнуть вглубь африканскаго материка, в то время, когда они устанавливали сношенія с племенами, жившими дальше вглубь страны, через посредство бережных племен? Уже тогда из Африки получались всѣ тѣ продукты, которые она дает теперь.

Все это, конечно, возможно и все это так и было, но дѣло в том, что для этого нужно время, нужно терпѣніе, а кромѣ того при такой системѣ нельзя вести торговлю в особенно крупных размѣрах и приходится считаться с конкуренціей. «Торговля требует поддержки!» говорят нам, и мы знаем, что это значит: тотчас же посылают два или три броненосца, дюжину канонерских лодок, корпус солдат, и — преклоняйтесь господа! — цивилизація начинает дѣлать свое дѣло. Мы находим крѣпкое и здоровое населеніе, а через сорок-пятьдесят лѣтъ оно является в видѣ истощеннаго, забитаго, несчастнаго, наполовину истребленнаго, развращеннаго человѣческаго стада, которому остается лишь очень недолго просуществовать на землѣ; цивилизаторская миссія может тогда считаться исполненной.

Если кто-нибудь усумнится в справедливости сказаннаго, пусть возьмет любое описаніе стран, покоренных европейцами: он увидит, что повсюду мѣстное населеніе убывает и исчезает, повсюду алкоголизм, сифилис и другія

этом переходѣ немаловажную роль. Мы не будем возвращаться здѣсь к вопросу о происхожденіи собственности, но скажем только одно: если бы рабочіе были разумнѣе, то вмѣсто того, чтобы идти на войну защищать территорію, принадлежащую другим, они прежде всего отдѣлались бы от своих собственных правителей и эксплуататоров, затѣм предложили бы сдѣлать то же самое всѣм остальным рабочим, к какой бы національности они не принадлежали, и соединились бы всѣ вмѣстѣ для общаго производства и потребленія.

Земля достаточно велика, чтобы прокормить всѣх, и не недостаток мѣста, не недостаток пищевых продуктов вызывает кровавыя войны, в которых тысячи людей убивают друг друга ради славы и выгоды небольшого меньшинства; наоборот, именно эти безобразныя войны, вызванныя правительственными соображеніями, тщеславіем или торговой конкуренціей крупных капиталистов, раздѣлили людей на націи; в средніе вѣка онѣ же служили причиной чумы и голода, уносивших тѣх, кто оставался в живых.

Но тут мы слышим возраженія буржуазных шовинистов: «Но вѣдь если у нас не будет арміи, нами завладѣют другія державы, которыя истребят нас или поставят в еще худшія условія, чѣм тѣ, в которых мы живем теперь», а нѣкоторые говорят даже, совершенно не замѣчая сами, что становятся на патріотическую точку зрѣнія: «Мы вовсе не патріоты; мы вполне признаем, что существующее распределеніе собственности дурно и что общество требует преобразованій, но согласитесь, что Франція идет во главѣ других по пути прогресса, и дать ее разбить — значит допустить шаг назад; представьте, что ее побѣдит какое-нибудь деспотическое государство: конец тогда ея свободѣ!»

Мы, конечно, не имѣем в виду давать здѣсь какую-нибудь программу дѣйствій для анархистов на случай войны: их поведеніе будет зависѣть от обстоятельств, от состо-

янія умов и от массы других условий, предвидѣть которых мы не можем; здѣсь мы рассматриваем вопрос только с точки зрѣнія логики, а логика говорит нам одно: раз войны предпринимаются исключительно в интересах наших эксплуататоров, нам не слѣдует в них участвовать.

Мы уже видѣли, что, каков бы ни был источник власти, тот, кто ей подчинен, всегда остается рабом; вся исторія пролетаріата служит наглядным доказательством того, что «національныя» правительства, нисколько не стѣсняясь, стрѣляют в своих «подданных», если послѣдним вздумается потребовать себѣ нѣкоторой свободы. Не больше этого могут сдѣлать и иностранные эксплуататоры: нашим врагом всегда будет тот, кто нами управляет, к какой бы національности он не принадлежал.

Каким бы предлогом ни прикрывалась война, в основаніи ея всегда лежит буржуазный интерес: ведутся ли споры из-за политическаго преобладанія, торговых договоров или присоединенія колоній, дѣло идет всегда о выгодах привилегированных классов — правителей, купцов или промышленников. И когда наши современные французскіе республиканцы хвалятся тѣм, что их войны ведутся не из-за династических интересов, потому что королевская власть смѣнилась республикой, то они просто морочат нам голову: как будто бы для рабочаго есть какая-нибудь разница в том, что династическіе интересы замѣнились классовыми!

Будем ли мы побѣдителями или побѣжденными, мы все равно будем платить налоги и голодать во время безработицы, а в старости — умирать на улицѣ или в больницѣ. С какой же стати буржуа хотят, чтобы мы интересовались их распрями? что могут онѣ нам дать?

Что же касается боязни ухудшенія положенія и остановки прогресса в случаѣ, если какое-нибудь государство исчезнет, то она доказывает только непониманіе современ-

совали картину всѣх мелочей, проходящих незамѣтными, всѣх гнусных подробностей, которыя, вообще, тонут в массѣ болѣе важных событій? Вы тогда, навѣрное, отвернулись бы с отвращеніем.

Мнѣ пришлось нѣкоторое время прослужить в морской пѣхотѣ и я много раз слышал различные рассказы, из которых ясно видно, что, являясь в завоеванную страну, солдат считает себя полным хозяином ея. Мѣстное населеніе для него не болѣе, как вьючный скот, которым он может управлять, как хочет, у котораго может отнимать все, что ему вздумается; горе тому туземцу, который попробует сопротивляться: он быстро узнает, что здѣсь нѣт другого закона, кромѣ грубой силы; учрежденія, которыя служат для защиты собственности в Европѣ, не дѣйствуют под иным градусом широты. Солдата поощряют в этом и офицеры, сами подающіе ему примѣр, и администрація, дѣлающая из него надсмотрщика за туземцами, которых она заставляет работать. Вам рассказывают о самых возмутительных поступках, как о совершенно естественных, и если вы скажете — по поводу, на примѣр, того, что туземцы возстали и начали убивать своих притѣснителей — что они вполне правы, то вас встрѣтят возгласами удивленія: «Как! вѣдь мы — хозяева в странѣ, должны же они нам повиноваться! Вѣдь если их оставить так, они всѣ взбунтуются и прогонят нас, и послѣ всѣх принесенных жертв — и людей, и денег — Франція потеряет страну и останется без колоній!»

Вот до чего доводит умы рабочих дѣйствіе отупляющей военной дисциплины: они сами терпят от той же несправедливости, от того же гнета, который с их помощью ложится на других, и тѣм не менѣе не понимают всей возмутительности своей роли; они становятся безсознательными орудіями угнетенія, и не только не отдают себѣ отчета в низости и глупости своего положенія, но даже гордятся им.

ют подобныя преступленія и без всяких угрызеній совѣсти содѣйствуют им, совершенно не понимая, какая явная несправедливость заключается в том, чтобы истреблять цѣлое населеніе в его собственной странѣ ради подчиненія его чуждому ему строю жизни. Мы заранѣе знаем все то, что нам отвѣтят, что отвѣчают обыкновенно, если кто-нибудь начнет возмущаться каким-нибудь особенно бьющим в глаза фактом: «Они возмутились, стали убивать наших — не можем же мы этого стерпѣть... Это — дикари, их нужно цивилизовать.... Этого требуют интересы торговли... Может быть, мы и дѣйствительно напрасно затѣяли это дѣло, но колоніи теперъ уже стоили нам так много и людей и денег, что мы не можем отказаться от них, и т. д., и т. д.»

«Они возмутились, стали убивать наших» — ну так что же? Зачѣм было идти к ним? Почему не оставили их в покоѣ? Развѣ они нас просили о чем-нибудь? Им хотят навязать законы, которые им не нравятся — они возмущаются и отлично дѣлают, а если при этом в борьбѣ погибают люди, то что же дѣлать? им не слѣдовало содѣйствовать подобным предпріятіям.

«Это — дикари, их нужно цивилизовать»; но просмотрите исторію всѣх завоеваній и скажите, кто оказывался всегда большим дикарем: тот-ли, кого так называют, или «цивилизованный» человѣкъ? Кого слѣдовало бы больше цивилизовать: завоевателей, или безобидных туземцев, которые, по большей части, встрѣчали новых пришельцев с распростертыми объятіями и которых, в награду за это, мучили и истребляли? Просмотрите исторію завоеванія Америки испанцами, Индіи — англичанами, Африки, Кохинхины и Тонкина — французами, и вы увидите, стоит ли прославлять такую цивилизацію. А в исторіи рассказываются только крупные факты, оставившіе в ней слѣды по своей важности; что же было бы, если бы перед вами нари-

ных международных отношеній и международного пространства идей. Можно раздробить націю, разбить ее на части, отнять от нея ея названіе — и все-таки, если только ее окончательно не истребят, ея внутренней сущности измѣнить будет нельзя, потому что она зависит от характера, темперамента и природы всѣх вошедших в состав ея рас. Что же касается тѣх — дѣйствительных или вымышленных — вольностей, которыя якобы составляют нашу привиллегію, то в случаѣ объявленія войны, онѣ были бы немедленно ограничены, социалистическая пропаганда была бы запрещена, правительственная власть перешла бы в руки военных и наше положеніе оказалось бы насколько не лучшим, чѣм при каком угодно самодержавіи.

Итак, рабочему война не может дать ничего: для нас с ней не связано никаких интересов и нам нечего защищать, кромѣ собственной жизни, а для этого лучше всего не рисковать ею самым нелѣпым образом ради выгоды наших правителей и эксплуататоров. Для буржуазіи война, конечно, выгодна: она позволяет ей держать постоянное войско для защиты существующих учрежденій против народа, она дает ей возможность сбывать свои продукты и открывать, при помощи пушечных выстрѣлов, новые рынки; и вот она подписывается под необходимыми для войны займами, а затѣм оказывается, что мы, рабочіе, должны за это платить. Пусть дерутся сами, если хотят: нас это не касается. Да кромѣ того, если бы мы восстали, если бы буржуазным привиллегіям дѣйствительно стала грозить опасность, мы очень быстро увидели бы, как тѣ самые люди, которые зывают к нашему патріотизму, призывают себѣ на помощь войска своих собратьев-эксплуататоров из других стран — нѣмецкія, русскія, какія бы то ни было. Они похожи на Вольтера, котораго считают своим духовным отцом: он не вѣрил в Бога, но считал, что религія нужна для простого народа; они, точно также, воздвигают границы между

своими рабами, но не обращают на эти границы никакого внимания, если рѣчь идет об их собственных интересах.

Для человѣка, достойнаго этого имени, нѣтъ отечества, или, вѣрнѣе, оно для него там, гдѣ он борется за право, гдѣ он живет и гдѣ у него есть близкіе люди, но это отечество может распространяться на весь земной шар. Человѣчество не дѣлится на маленькія клѣтки, в каждой из которых сидит человѣкъ, смотрящій на всѣх других как на врагов; для развитой личности всѣ люди — братья и всѣ имѣют одинаковое право свободно жить и развиваться на нашей планетѣ — достаточно обширной и плодородной, чтобы прокормить их всѣх.

Что же касается ваших условных національных единиц, то рабочіе не могут получить от них ничего и им нечего в них защищать; по какую бы сторону границы случай не заставил их родиться, это не может быть для них причиной взаимной вражды. вмѣсто того, чтобы убивать друг друга, как они дѣлают теперь, пусть они лучше протянут друг другу руки — через всевозможныя границы — и начнут соединенными усилиями борьбу против своих настоящих и единственных врагов: *власти и капитала*.

Но если мы внимательно присмотримся к тому, что происходит вокруг нас, то это нисколько не покажется нам ни удивительным, ни ненормальным: при существующем общественном строѣ, подобные «подвиги» непременно должны пользоваться полным одобреніем и поощреніем буржуазнаго міра. Для буржуазіи это разбойничество очень выгодно: оно служит ей предлогом для содержанія постоянных армій и вмѣстѣ с тѣм дает офицерам возможность упражняться в убійствѣ и набивать себѣ руку для будущей болѣе серьезной «работы»; сама же эта армія является пристанищем для цѣлой массы глупых и никуда негодных людей, которых бы иначе буржуазія не знала куда дѣвать и которые теперь становятся, за нѣсколько аршин погонов, самыми ярыми ея защитниками. вмѣстѣ с тѣм, завоеванія создают очень благоприятныя условія для всевозможных сомнительных финансовых операцій, имѣющих цѣлью воспользоваться сбереженіями разных довѣрчивых людей, только и ищущих что подобнаго рода предпріятій; они дают возможность захватить земли побѣжденных, а кстати, благодаря тѣм массовым убійствам, которыя с ними сопряжены, избавляют буржуазію от мѣшающаго ей дома излишка рабочих. Мало того: завоеванной странѣ «нужна» администрація, а это дает мѣста цѣлой арміи карьеристов и паразитов бюджета, которая иначе могла бы оказаться стѣснительной. И при всем том, буржуазія получает в свое распоряженіе цѣлыя племена, которыя она может эксплуатировать, принуждать работать на себя, заставляя пріобрѣтать свои продукты, даже истреблять, не отдавая в этом никому отчета. Понятно, что, в виду таких выгод, колебаться не приходится; французская буржуазія отлично поняла это и с увлеченіем кинулась в колониальныя предпріятія.

Но что, в самом дѣлѣ, удивительно и возмутительно, так это то, что находятся еще рабочіе, которые одобря-

лось выжать из данной страны все то количество продуктов, которое она может дать; так Англія — страна колонизаторская, потому что она умѣет выжать из колоній все, что нужно для обезпеченія благосостоянія отправляющихся туда англичан и, кромѣ того, умѣет обогащать казну собираемыми с этих колоній налогами. В Индіи, наприимѣр, англичане наживают громадныя состоянія; правда, страна опустошается от времени до времени страшным голодом, уносящим сотни тысяч людей, но какое англичанину дѣло до этих подробностей, раз он может сбывать свои товары и получать такіе доходы, которых Великобританія ему дать не в состояніи? Это называется благами цивилизаціи.

Иначе обстоит дѣло во Франціи: французы — плохіе колонизаторы. Не думайте, однако, что они меньше грабят и эксплуатируют мѣстное населеніе, нисколько: они просто не так *практичны*. вмѣсто того, чтобы изучать жизнь завоеванных народов, они отдают их в распоряженіе военной власти и сразу заставляют подчиниться строю, господствующему в метрополіи. Если же населеніе не может приспособиться к этому, тѣм хуже для него: что за бѣда, если даже оно и будет понемногу вымирать под давленіем непривычных для него учреждений? А если оно будет сопротивляться, на него устроят охоту, как на диких звѣрей; грабежи станут тогда не только дозволенным, но и выгодным дѣлом, и получат названіе *набѣгов*.

На беззащитное населеніе натравляют солдат, в которых тщательно развивают звѣрскіе инстинкты и которые поэтому позволяют себѣ продѣлывать все, на что только способен разъяренный звѣрь: насилюют женщин, убивают дѣтей, жгут цѣлыя деревни, разгоняют жителей, которые, чтобы спастись, убѣгают куда-нибудь в пустыню и там неизбѣжно мрут от голода. И все это считается вполнѣ естественным и дозволенным: это цивилизованный народ насаждает таким образом культуру у дикарей!

Глава XII Патріотизм правлящих классов

Мы уже видѣли, что «патріотизм» есть ничто иное, как громкое, но пустое слово, предназначенное для того, чтобы заставить рабочих защищать тот самый строй, который их угнетает. Теперь мы посмотрим, дѣйствительно ли «священная любовь» к отечеству, любовь к родной землѣ, которую каждый человек носит в своем сердцѣ с самага рожденія, так глубоко коренится в душѣ разных буржуа, как они говорят, зависит ли у них эта любовь от чисто внутренняго чувства, как у рабочих, или наоборот, основывается на побужденіях исключительно матеріальных, на грубом коммерческом разсчетѣ. Чтобы найти отвѣтъ на это, обратимся лучше всего к тому, что было написано ими самими, для читателей из их же класса; мы найдем там не мало знаменательнаго.

Если послушать их, когда они обращаются к рабочим, то можно подумать, что на землѣ нѣтъ ничего священнѣе понятія о родинѣ; каждый гражданин должен приносить в жертву, ради защиты своей страны, и свою жизнь, и свою свободу; отечество — это высшее олицетвореніе общаго блага и, жертвуя собою за него, человек, в сущности, жертвует собою ради себя самого и своих близких.

Но стоит только порыться в буржуазных политико-экономических трактатах, чтобы увидать, что все это не болѣе, как лживыя, громкія фразы, не болѣе, как показныя чувства, служащія для одураченія довѣрчивых людей; это

— маска, которую, приходя к себѣ домой, буржуа свободно снимают в передней.

Вот, наприимѣр, что говорит один из их официально-признанных авторитетов: «...Существованіе войны среди цивилизованных народов искусственно поддерживается *интересами господствующих классов*, а также их привилегированным положеніем, которым они, в свою очередь, обязаны именно этой войнѣ»¹.

Как видите, ничего не может быть яснѣе: наши буржуа, так громко возмущающіеся против злодѣев-анархистов, которые осмѣливаются доказывать рабочим, что их интересы противоположны интересам буржуазіи, сами отлично признают эту противоположность, когда они говорят в своей средѣ, когда они занимаются построеніем своей правительственной системы.

А вот другая фраза, еще болѣе характерная:

«...Как при старом режимѣ никогда не было недостатка в предложениях для войны, так нѣтъ в них недостатка и при новом; в сущности же настоящей причиной войны является *всегда интерес того класса или той партіи, которая находится у власти — интерес, который не нужно смѣшивать с интересом народа или массы потребителей*, потому что управляемой націи в такой же мѣрѣ выгоден мир, в какой правящему классу или правящей партіи выгодно, наоборот, продолженіе войны». (Там же).

Что же касается тѣх выгод, которыя приносит война господствующему классу, то мы находим объясненіе их у того же автора. «Война внѣшняя», говорит он, «предполагает спокойствіе внутри страны; в это время *управленіе страню дѣлается легким*: оппозиція молчит, из боязни быть обвиненной в соучастіи с внѣшним врагом. А что может быть желательнѣе этого, особенно, когда оппозиція безо-

¹ G. de Molinari: «Évolution politique et économique du XIX-e siècle».

Глава XIV Колонизація

Колонизація — этот ублюдок патриотизма и торгашескаго духа, этот вооруженный разбой правящих классов, — получила в наше время такое развитіе, что нам неизбѣжно приходится посвятить ей отдѣльную главу.

Если какой-нибудь частный человек заберется в квартиру сосѣда, разобьет все, что попадется ему под руку и возьмет все, что захочется взять, его назовут преступником и «общество» его осудит. Но если какое-нибудь правительство станет в такое положеніе, что для его внутренней политики необходимо найти внѣшнее отвлеченіе, если у него в странѣ слишком много незанятых рабочих рук, от которых оно не знает как избавиться, и товаров, которые оно не знает куда сбыть, то оно может безнаказанно начать войну с какими-нибудь далекими племенами, слишком слабыми, чтобы ему сопротивляться; оно может завладѣть их страной, эксплуатировать их, навязывать им свои товары, а в случаѣ, если они попытаются стряхнуть с себя гнет этой эксплуатаціи — может безжалостно истребить их. Все это будет считаться вполне нравственным. Раз только эта операція производится в крупных размѣрах, всѣ честные люди должны вполне ее одобрять; это уже не будет ни грабежем, ни убійством, потому что для прикрытія безчестных поступков, когда их совершает все общество в цѣлом, существует вполне приличное названіе: это называется «цивиловать» отсталыя человеческія племена!

Мы нисколько не преувеличиваем. Какой-нибудь народ считается способным к колонизаціи тогда, когда ему уда-

Если какому-нибудь грубому пьяницѣ вздумается вас оскорбить и если при этом на его мундирѣ нашиты погоны — постарайтесь тщательно скрыть движеніе мускулов вашего лица, когда они, помимо вашей воли передергиваются от чувства обиды; если вы подняли руку, чтобы опустить ее на лицо вашего оскорбителя, приложите ее скорѣе военным жестом к козырьку вашей фуражки. Если вы открыли рот, чтобы отвѣтить на угрозу или оскорбленіе, скажите, вмѣсто этого, только: «Слушаю, ваше благородіе». Или, нѣтъ, лучше не говорите ничего: малѣйшій жест, малѣйшее слово, малѣйшій признак волненія могут быть истолкованы как выраженіе ироніи и навлечь на вас кару за недостаток почтенія к начальству. Каково бы ни было оскорбленіе, — вы должны совладать с своим гнѣвом, должны оставаться нечувствительным, спокойным, невозмутимым. Руки по швам, каблук к каблуку! Отлично! Вы терпѣливо, глазом не моргнув, сноситесь оскорбленія? Прекрасно, вы — хороший солдат! Это именно то, что требуется от защитников отечества.

«Но», скажете вы, «если я не могу оставаться невозмутимым, если, помимо моей воли, кровь приливает мнѣ к мозгу и все начинает во мнѣ кипѣть?» Тогда есть только одно средство: не идти в эту каторгу, из которой вы выйдете испорченным, забитым, уничтоженным. Если вы хотите остаться человеком, не идите в солдаты, если вы не умѣете сносить оскорбленія, не надѣвайте мундира. Если же вы уже сдѣлали эту оплошность и если когда-нибудь вы окажетесь в таком положеніи, что не сможете сдержать своего негодованія.... то не оскорбляйте и не бейте своего начальника: лучше убейте его прямо! Вы одинаково поплатитесь за это!

койна и когда ее силы почти уравнивают силы правительства! Правда, если исход войны неудачен, то это неизбѣжно влечет за собою паденіе той партіи, которая ее предприняла. Но за то, если война удачна — а ее начинают обыкновенно только тогда, когда рассчитывают на успѣх, — то партія, которая ее предприняла и довела до благопріятнаго конца, *получает на нѣкоторое время громаднѣйшій перевѣс*. Всего этого совершенно достаточно, чтобы не упустить удобнаго случая для веденія войны, не говоря уже о разных *мелких выгодах*, с нею связанных». (Там же).

Что касается этих «мелких выгод», то вот в чем онѣ заключаются:

«До сих пор простых солдат поставляли, обыкновенно, только *нижніе классы общества, т. е. тѣ которые пользуются наименьшим вліяніем*. Достаточные же классы отдѣльвались денежными пожертвованіями, причем и эти, обыкновенно очень скромныя, пожертвованія с избытком вознаграждались благодаря тому, что вслѣдствіе запрещенія доступа в армію иностранцам и необходимости для офицеров пройти через военныя школы, члены этих классов получали *монополію на всѣ оплачиваемыя должности* военной профессіи. С другой стороны, если для тѣх, кто, по образному народному выраженію, поставляет „пушечное мясо“, война дѣйствительно страшна, то для тѣх, кому удастся избѣгнуть военной службы, удаленіе лишних рук из земледѣлія и промышленности уменьшает предложеніе труда, повышает заработную плату и, таким образом, смягчает связанныя с войною ужасы». (Там же).

Неправда-ли, это очень рѣшительно? Как ясно мы видим здѣсь, что пресловутая «священная любовь» к отечеству есть ничто иное, как любовь к эксплуатаціи и мелким барышам! Но этого мало: мы находим здѣсь рѣшительный отвѣтъ на возможные возраженія со стороны тѣх,

которые скажут, что существует общественное мнѣніе, с которым правительству приходится считаться, что иногда война может быть справедливой и пользоваться всеобщим одобреніем, что не слѣдует восставать против войны вообще, что в нѣкоторых случаях правительства бывают волею неволею вынуждены к ней, что, наконец война есть неизбѣжное послѣдствіе нашего общественного строя и, сколько бы мы не протестовали против нея, сколько бы не скорбѣли о ея неизбѣжности, нам все таки придется ее терпѣть. Итак, мы продолжаем цитировать дальше:

«...Тѣм не менѣе, какою бы силою не обладали люди, рѣшающіе вопрос о войнѣ или мирѣ, и какова бы не была степень вліятельности того класса, из котораго вербуются генералы — политическіе, административные и военные, им все таки приходится, как мы только что замѣтили, считаться до извѣстной степени с гораздо болѣе многочисленной массой людей, занятых в различных отраслях производства, для которых война является вредной; опыт показывает однако, что сила сопротивленія этого мирнаго элемента далеко не соотвѣтствует его численности. Огромное большинство составляющих его людей в высшей степени невѣжественно, *и нѣтъ ничего легче, как возбудить их страсти и ввести их в заблужденіе относительно их собственных интересов.* Люди просвѣщенные составляют среди них ничтожное меньшинство, да и могут ли они провести в жизнь свои взгляды, когда против них такая организованная сила, как централизованное государство?» (Там же).

Итак, наши буржуа нисколько не скрывают, что война для них — не больше, как средство продолжать беспрепятственно эксплуатировать рабочих; массовыя убійства служат им для устраненія избытка рабочих рук, наводняющих рынок, войско — для доставленія выгодных мѣст и чинов тѣм, кто иначе явился бы их конкуррентами, а войны, которыя они торжественно называют «національными»,

враги, это тѣ, кто нас эксплуатирует, кто мѣшает нам свободно развиваться и прилагать наши силы. Мы не хотим больше быть игрушкой в ваших руках, не хотим больше служить защитниками ваших привилегій, не хотим носить постыдную лакейскую ливрею на вашей военной службѣ, не хотим подчиняться отупляющему гнету вашей дисциплины. Довольно уж мы гнули перед вами шею, мы хотим, наконец, быть свободными!

А вы — бѣдняки, которым еще предстоит отбываніе воинской повинности, неужели, читая в газетах о несправедливостях, совершаемых во имя дисциплины, слушая рассказы о притѣсненіях, жертвою которых становятся тѣ, кто имѣл глупость позволить взять себя в солдаты, — неужели вы не задумаетесь над тѣм, что ждет вас в казармѣ? Если вы до сих пор видѣли жизнь солдата лишь сквозь дым фиміама, который курят военщинѣ буржуазные поэты и писатели, неужели вы не поймете, наконец, всю ложь, которая заключается в этом воспѣваніи на всѣ лады военных добродѣтелей, солдатской чести, военного достоинства!.. Идите, несчастные бѣдняки, губить ради магического слова «патріотизм» или же из страха военного суда, лучшіе годы своей молодости в той школѣ испорченности, которую называют казармой, — идите, но знайте, какая участь вас ждет.

Если вы хотите благополучно окончить срок вашей военной службы, оставьте дома, вмѣстѣ с штатским платьем, всякое чувство собственного достоинства; скройте в самой глубинѣ вашего сердца всякое стремленіе к независимости: *военныя добродѣтели, военная честь* требуют, чтобы вы были не больше, как машиной для убійства, как безсознательным автоматом, а если вы все таки нечаянно сохраните гдѣ-нибудь в глубинѣ души, под лакейской ливреей, в которую вас одѣнут, хоть малѣйшій признак гордости, это легко может оказаться для вас гибельным.

удается устоять против оупляющаго вліянія этих трех лѣтъ, да и у тѣх еще долго остаются слѣды этого вліянія.

Как страшно разбивает челоуѣка эта грубая, отвратительная дисциплина! Как она притупляет мозг, портит характер, убивает энергію! Вы отдаете этой ужасной машинѣ молодого челоуѣка с душою, открытою для всего справедливаго и прекраснаго, с энергіей, которая бы еще выработалась в ежедневной жизненной борьбѣ, с умом, который расширился бы в будущем, и под вліяніем уже приобрѣтенных знаній, и под вліяніем потребности учиться дальше; но дисциплина точно одѣвает на него чугунную шапку, которая с каждым днем все сильнѣе и сильнѣе сдавливает его мозг; даже біеніе его сердца замедляется. И когда, послѣ трех лѣтъ, эта іерархическая машина отдаст вам его — если только отдаст — то перед вами будет лишь безформенное подобіе челоуѣческаго существа.

Безчувственные буржуа! Мы уже видѣли, что защита страны, к которой вы нас готовите, есть ничто иное, как организациа ваших привиллегій; военная служба, которую вы возводите во всеобщую обязанность, точно также существует только ради вашей защиты, а между тѣм вы возлагаете всю тяжесть ея на тѣх, против кого эта сила направлена и кто, таким образом, кромѣ всего остальнаго, дает возможность тѣм из ваших, которые не способны ни на какое другое, болѣе осмысленное, занятіе, получать в изобиліи чины, почести и крупныя жалованія. Эти же чины и деньги служат приманкой для честолюбія тѣх людей, которые измѣняют своему собственному классу, чтобы сдѣлаться тюремщиками на службѣ у буржуазіи.

Что нам за дѣло до вашего патріотизма, до ваших границ, до вашего искусственнаго раздѣленія народов! Ваше отечество нас эксплуатирует, ваши границы нас давят, ваши національности нам чужды. Мы — люди, граждане всего міра; всѣ люди для нас — братья, и наши единственные

улаждаая слух наивных людей звонкими фразами об отечествѣ, патріотизмѣ, національной чести и т. д., составляют лишь предлог для полученія разных «мелких выгод».

«Мелкія выгоды» — вот цѣль всѣх современных войн, ведутся ли онѣ во имя патріотических чувств, или во имя цивилизациа! Эта послѣдняя часто служит теперь (когда патріотизм уже начинает падать) средством натравить рабочих на безобидныя племена, которыя хотят обратить в предмет эксплуатаціи, и вся вина которых заключается лишь в том, что они позднѣе других достигли извѣстной ступени развитія того, что называют современной цивилизацией.

Предлогов для такой войны, как напримѣр французская тунисская экспедиціа, служит наказаніе какой-нибудь разбойничьей шайки и поддержаніе господства своей національности; настоящая же цѣль ея — открыть новое поле для сомнительных финансовых операціи; именно на то, чтобы предоставить большій простор крупным аферистам, идут всѣ тѣ суммы, которыя взимаются с рабочих в видѣ налогов и тратятся на всевозможныя вооруженія. Ради доставленія этих «мелких выгод» на счет новых стран открываются с помощью пушек новые рынки, куда буржуазіа может сбывать свои нигуда негодные товары; ради этого губят цѣлыя поколѣнія здоровой молодежи, посылая ее умирать от ужаснаго климата, или жертвовать своею жизнью в борьбѣ с людьми, которые в сущности говоря, только защищают свой дом и свое имущество.

Всѣ эти экспедиціи в Сенегал, в Тонкин, в Конго, на Мадагаскар, предпринимаемая всегда во имя цивилизациа, которая в дѣйствительности не имѣет ничего общаго с этого рода разбоем, все это — войны ради «мелких выгод». У себя дома, патріотизм — высшая добродѣтель, а там людей, виноватых только в том, что они защищают свою страну и встают против пришельцев, которые стремятся порабо-

тить их и сдѣлать предметом эксплуатаціи, разстрѣливают или обезглавливают, как разбойников.

Мы еще вернемся к этому, когда будем говорить о колонизации; теперь же ограничимся вопросом о патриотизмѣ правящих классов. Недавнія событія показали его во всем его безобразіи. Выдача военных тайн, касающихся вооруженія и національной защиты, с соучастіем служащих в военном министерствѣ, самыя наглыя мошенничества, пропажа цѣлых милліардов в ущерб карманам граждан и внѣшней безопасности страны — все это не только не преслѣдовалось, но, наоборот, всячески прикрывалось правительством с цѣлью затушить дѣло². Крупные заводчики — по большей части депутаты, у которых во главѣ предприятий стоят отставные офицеры, — оказываются поставщиками оружія, пушек, военных кораблей, пороха и других взрывчатых веществ для иностранных правительств и продают им всевозможныя новыя изобрѣтенія, нисколько не заботясь о том, не послужат ли они против их собственной страны и не будут ли они содействовать убійству тех из их соотечественников, которых они, как правители страны, пошлют сражаться. Наши желѣзныя дороги, наши арсеналы, продовольствіе нашей арміи — все это находится в руках международной шайки банкиров, как еврейских, так и христіанских. О буржуа! не говорите нам лучше о своем патриотизмѣ: если бы вы могли превратить вашу страну в акціи и продать их в розницу, вы тотчас бы сдѣлали это!

Как вы поступили в 71 году, во время франко-прусской войны, закончившейся для нас, как извѣстно, контрибуціей в пять милліардов? Кому как не одной буржуазіи выгодно было уплатить эту контрибуцію, чтобы продолжать

² Это было написано в началѣ 90-х годов и автор имѣет здѣсь в виду дѣло о мелинитѣ, но с тѣх пор дѣло Дрейфуса еще гораздо ярче показало нравственный уровень оффіціальных защитников страны. Прим. пер.

но; правда, он может утѣшаться тѣм, что выместит все на виновном.

Когда не предвидится никаких смотров, вы имѣете другого рода развлеченіе: в четыре часа, обыкновенно по субботам, солдат сзывают на работу, которая состоит в том, чтобы ходить по казарменному двору и собирать в кучу разбросанные там камни. Послѣ часа этого пріятнаго времяпрепровожденія, вы вновь возвращаетесь в казарму, а сложенные вами кучки камней в течение всей недѣли разбрасываются проходящими по двору, так что в слѣдующую субботу вы начинаете работу сызнова. Военная жизнь изобилует такими остроумными развлеченіями.

Иногда вечером, послѣ столь полезно проведеннаго дня, вам захочется, может быть, побесѣдовать со своими товарищами по заключенію; но вы скоро увидите, что их разговоры далеко не способны поддержать бодрость чело-вѣка или внушить ему высокія мысли. Вот вы замѣчаете нѣсколько чело-вѣк, которые смѣются до упаду; вы подходите, ожидая услышать что-нибудь остроумное, и что же? Какой-то болван рассказывает неприличную исторію, глупую и банальную. Вы с отвращеніем отворачиваетесь, и попадаете в другую группу, гдѣ, захлебываясь от удовольствія, вспоминают прошлыя попойки или мечтают о будущиx, которыя они себѣ устроят, если удастся обманом вытянуть денег у родственников. Вы не найдете ничего, кромѣ пьянства и грязнаго разврата; напрасно-бы вы стали говорить о чем-нибудь другом! вас никто не поймет. Других удовольствій для них не существует. Не удивительно послѣ этого, что среди людей, проведенных три года в этой обстановкѣ, оказывается столько кандидатов на должность полицейских и жандармов. Войско есть ничто иное, как школа деморализации, из которой могут выходить только сыщики, тунядцы и пьяницы. Лишь очень немногим

для чистки, или еще какой-нибудь, столь же важный, предмет. Каждая вещь должна быть на своем мѣстѣ; иначе, если офицер замѣтит какую-нибудь неправильность, на вас посыплется град ругательств. Вѣдь за подобную небрежность мало смертной казни! Представьте себѣ только, какой ужас был бы, если бы пузырек оказался на мѣстѣ коробки с салом! Вѣдь узнай это генерал — Франція окончательно погибла бы! Мы уже говорили, в чем заключается главное искусство; но здѣсь оно достигает своей высшей точки: вас заставляют чистить ваксой ножки кровати¹.

В этих смотрах, производимых генералом, обнаруживается все раболѣпство не только низших, но и высших офицеров. Как только доходит вѣсть о приближеніи генерала, вы видите, как всѣ эти офицеры, такіе высокомерные, когда им приходится говорить с солдатом, вытягиваются в струнку и смиренно слѣдуют за генералом, а генерал — если только он не совсѣм дряхл — выступает впереди, гордо выпрямившись. И с какой яростью устремляются всѣ глаза на несчастного солдата, который как-нибудь даст повод к замѣчанію со стороны высшаго начальства! Какой ужас! всѣ офицеры внѣ себя: солдату не хватает иголки или же он забыл, что вчера кончились тѣ двѣ недѣли, в течение которых мундир нужно застегивать слѣва направо и что теперь он должен быть застегнут справа налево! Полковой командир от ярости не может произнести ни слова, подполковник готов лопнуть от злости, капитан зеленѣет от страха; один только унтер ничего не говорит, потому что знает, что ему достанется от всѣх. Его положеніе — яс-

¹ Вообще, вакса играет в полковой жизни большую роль. Мнѣ вспоминается один ротный командир морской пѣхоты, который однажды объявил солдатам, что у него остались свободныя суммы, и что, поэтому, количество провизіи, отпускаемой на каждого солдата будет увеличено, так что они на другой же день могут получить сверхштатное количество.... ваксы и воска!

безраздѣльно заниматься эксплуатаціей страны? А между тѣм, кто поплатился за это? Рабочіе, потому что для покрытія контрибуціи был сделан заем, гарантированный новыми налогами, а эти налоги платят в сущности одни рабочіе, так как только они работают и только их трудом создается богатство. Ловкость, с которою этот фокус был продѣлан, положительно достойна удивленія: буржуазіи нужно заплатить контрибуцію, чтобы устранить от господства пруссаков и получать всѣ налоги самой; для этого она вынуждена сдѣлать заем, но так как у обнищавших рабочих денег нѣтъ, то подписаться на заем может только буржуазія, которая таким образом сама дает себѣ займы нужную сумму. Но для уплаты этого займа — капитала и процентов — должны будут в теченіе цѣлых девятидесяти лѣтъ изнуряться на работѣ именно рабочіе, которые не получили из него ни одного гроша. Вот он буржуазный патріотизм во всем его великолѣпіи! И кто послѣ этого еще осмѣлится утверждать, что добродѣтель не всегда торжествует!

Глава XIII Милитаризм

Говоря о патриотизмѣ, нам нельзя не затронуть и страшной язвы современной военщины. Военное сословіе образовалось, как мы уже видѣли, очень рано, и очень рано утвердило свое господство над остальными членами класса или племени, в средѣ котораго установилось таким образом первое раздѣленіе на военных и не-военных: раньше всѣ без различія шли воевать, когда в этом представлялась надобность. Нѣсколько позже внутри самого военного сословія произошло второе раздѣленіе — на командующих войском и простых солдат.

Мы не знаем, насколько правильно проходило человечество различныя стадіи своей эволюціи, т. е. переходило ли оно постепенно от охотничьяго быта к пастушескому, а затѣм к земледѣльческому. Оно несомнѣнно начало с охоты, рыбной ловли и сбора диких растений и плодов, но проходило ли оно затѣм двѣ послѣдующія стадіи с такою же послѣдовательностью, с какою ученик переходит из класса в класс, — это далеко недостоверно. Мы склонны скорѣе думать, что эти три способа добывать себѣ пропитаніе соединялись так или иначе, смотря по условіям данной мѣстности, и что какое-нибудь охотничье племя, напримѣр, вполне могло продолжать жить главным образом охотой, не смотря на то, что ему был уже извѣстен способ воздѣлыванія какого-нибудь полезнаго растенія, и лишь впоследствии перейти к скотоводству.

Как бы то ни было, но достоверно одно: военное сословіе при всѣх условіях сумѣло сохранить за собою преоблада-

А безконечные осмотры! По субботам — осмотр оружія, причем вы опять слышите тѣ же замѣчанія и ту же ругань — «подлец», «свинья», и другія столь же любезныя выраженія. Затѣм, в видѣ разнообразія, капитан приходит осматривать у вас руки и ноги, чтобы убѣдиться в их чистотѣ. Наконец, раз в мѣсяц вы должны терпѣть нѣчто еще худшее — так называемый санитарный осмотр, гдѣ полковой живодер осматривает самые сокровенныя части вашего тѣла. До вашей чувствительности, до вашей щепетильности никому нѣтъ дѣла: все это тотчас же растаптывается грубым сапогом тѣх, кто поставлен командовать над вами.

«Армія — школа равенства», говорят нам подкупные слуги буржуазіи; но это — равенство в порабоженіи, и не к такому равенству мы стремимся. Но вернемся к безконечным смотрам: каждые три мѣсяца — или каждые полгода, не помню в точности — вам производит смотр какой-нибудь высшій офицер, а раз в год — дивизионный генерал. За двѣ недѣли до этого послѣдняго событія в казармѣ все перевертывается вверх дном — чистят всѣ помѣщенія, моют кухни. В видѣ развлеченія, вы имѣете опять таки смотры: сегодня является унтер-офицер, завтра — офицер, командующій полувзводом, послѣ-завтра — капитан, затѣм полковой командир, и так до безконечности. И каждый раз вы должны раскладывать на кровати весь свой багаж: прежде всего осторожно разстилается носовой платок, который тщательно берегут для этого случая; на него кладутся щетки, смѣна обуви, кальсоны (которые тоже являются на сцену только в этот день) рубашка, свернутая извѣстным образом и опредѣленной длины, ночной колпак, коробка с салом, пузырек с жидкостью для чистки мѣди, игольник, нитки и ножницы. Для того, чтобы солдаты раскладывали все это в надлежащем порядкѣ, на стѣнѣ висят указанія, с которыми приходится постоянно справляться, чтобы знать, куда положить пузырек с жидкостью

ющій человек; нужно самому поносить мундир, чтобы увидеть, сколько низости и глупости под ним кроется.

Раз только вы сдѣлались солдатом, вы уже не человек, а автомат, обязанный безпрекословно повиноваться тому, кто над вами командует. У вас в руках ружье — и, несмотря на это, вы должны терпѣливо сносить всѣ грубости офицера, который вымещает на вас свое дурное расположение духа или свой винный угар. За какое-нибудь слово, за какой-нибудь жест вы можете поплатиться всею жизнью или, по крайней мѣрѣ, нѣсколькими годами своей свободы. Каждую субботу вам предусмотрительно читают военное уложение о наказаніях, гдѣ слова «смертная казнь» повторяются на каждом шагу; эти слова будут всплывать в вашем умѣ всякій раз, когда у вас в душѣ закипит негодование.

Но что больше всего способно вывести человека из терпѣнія, это всевозможныя мелочи и придирки. Если кто-нибудь из вашего начальства имѣет что-нибудь против вас, или если он просто грубый и тупой человек, то он двадцать раз в день найдет случай придратъся к вам, ради одного удовольствія сдѣлать вам непріятность: при перекличкѣ, за какой-нибудь плохо вычищенный ремень, за какую-нибудь пуговицу, которая меньше блестит, чѣм остальные, за какія-нибудь подтяжки, которыя вы забыли надѣть, вас будут осыпать бранью, посадят под арест, начнут подвергать безконечным осмотрам, изслѣдовать весь ваш костюм, до нижняго бѣлья. То же самое и в казармѣ: постель не совсѣм хорошо постелена — ругань: «чтобы кровати были как билліарды!» кричат вам постоянно — и эту ужасную фразу хорошо помнят всѣ, кому пришлось пройти через казарму; одежда плохо уложена на полкѣ — опять ругань; самое же главное искусство заключается в том, чтобы солдат умѣл вычистить подошвы запасной пары сапог, висящей у него под кроватью так, чтобы не запачкать ваксой шляпки вбитых в подошву гвоздей.

ние. Даже тогда, когда ему приходилось дѣлать власть с другими, оно всегда оставляло за собою главную роль и при всѣх, смѣнявших друг друга правительствах, становилось их существеннѣйшей опорой.

Пока это сословіе оставалось замкнутой кастой, вербовавшей своих членов из своей собственной среды и ведшей войны на свой страх и риск, населеніе, хотя и страдало от его хищничества (так как военные не стѣснялись отбирать у крестьянина все, что вздумается), но раз эта дань была уплочена и раз только по сосѣдству не было никакого войска и никакого укрѣпленнаго замка, крестьянин мог быть сравнительно спокоен; во всяком случаѣ, он не должен был отдавать лучшіе годы своей жизни на усиленіе арміи своих же собственных эксплуататоров.

Впослѣдствіи владѣльцы земель начали вооружать, в случаѣ крайности, живущих на их землях крестьян; еще позднѣе вошла в обычай вербовка солдат для королевскаго войска с помощью различных уловок и заманчивых обѣщаній; наконец, буржуазія окончательно взвалила заботу о своей защитѣ на плечи своих рабов: она заставила рабочих отдавать на охрану государствующаго класса извѣстную часть своей молодости и таким образом вполнѣ усовершенствовала военную систему. Но так как дать рабочим в руки оружіе и сказать им просто «защищайте меня, а я в это время буду наслаждаться жизнью» было слишком опасно, то буржуазія создала в подспорье себѣ культ патриотизма.

И вот, благодаря этой лжи, ей удалось заставить рабочих втеченіе долгаго времени безропотно платить «налог крови»; благодаря этому софизму она могла систематически отнимать у цѣлаго ряда поколѣній самую здоровую, самую цвѣтущую молодежь и посылать ее на физическую и нравственную гибель в тюрьмы, носящія названіе казарм; и никто не думал сопротивляться: никто не спросил, по какому же праву требуют от людей, чтобы они на цѣлые семь,

пять или три года своей жизни превращались в автоматов, в бессознательныя орудія убійства, в пушечное мясо.

Впрочем, нѣтъ: отдѣльные протесты были всегда, дезертирство и уклоненіе от воинской повинности — явленія вѣроятно такія же старыя, как и сами постоянныя арміи. Но они не основывались ни на какомъ разумномъ убѣжденіи; совершавшіе ихъ люди не руководились сознаниемъ права своей личности, а дѣйствовали скорѣе подъ вліяніемъ чувства отвращенія къ военной службѣ — чувства, которое они вовсе не трудились разбирать. Мало того: даже тѣ голоса, которые раздавались противъ войны и милитаризма в литературѣ, обуславливались исключительно непосредственнымъ чувствомъ, а не основывались, или основывались лишь в очень незначительной мѣрѣ на логическихъ выводахъ, на соображеніяхъ о человѣческой природѣ и правахъ личности.

Буржуазія и ея литературные панегиристы пѣли такія громкія хвалы во славу патриотизма и войска, употребляли на восхваленіе ихъ столько лжи и софизмовъ, что в концѣ концовъ люди окончательно перестали сомнѣваться в дѣйствительности существованія прославляемыхъ добродѣтелей: войско стало безусловно считаться олицетвореніемъ всевозможныхъ прекрасныхъ качествъ, вмѣстилищемъ всѣхъ гражданскихъ доблестей. Не было такого романа, гдѣ не фигурировалъ бы старшій служака — образецъ неподкупной честности, беззавѣтно преданный своему генералу, у котораго онъ служилъ когда-то деньщикомъ, сопровождающій его во всѣхъ перипетіяхъ его жизни; онъ охраняетъ его отъ козней невидимыхъ враговъ и наконецъ жертвуетъ жизнью ради спасенія своего господина; иногда, для разнообразія, онъ спасаетъ ребенка-сироту, втайнѣ воспитываетъ изъ него героя и, наконецъ, указываетъ ему средства возвратити себѣ былое состояніе, отнятое врагами его семьи.

Чего только не говорили поэты для восхваленія доблестей, свойственныхъ военному сословію: военная честь, вѣрность, самоотверженіе, честность — являлись еще самыми малыми изъ ихъ добродѣтелей. И только когда буржуазія сдѣлала такой промахъ, что заставила всѣхъ граждан проводить болѣе или менѣе долгое время на военной службѣ — только тогда стали замѣчать, что подъ блестящей мишурой, которой облекали своего идола писатели и поэты, не скрывается ничего, кромѣ нравственной порчи. Допущеніе одногодней службы для добровольцевъ и періодическое отбываніе воинской повинности втеченіе двадцати восьми дней, сильнѣе подорвали милитаризмъ, чѣмъ все, что говорилось противъ него до того времени.

Пока только одинъ рабочій народъ отдавалъ свою молодость на отупляющую жизнь в казармѣ, пока в публикѣ знали только внѣшнюю, декоративную сторону военнаго дѣла — блескъ, бой барабановъ, красивые мундиры, развѣвающіяся знамена, бряцаніе оружія — однимъ словомъ, все то внѣшнее великолѣпіе, которымъ оно облекается, когда показывается народу, — до тѣхъ поръ литература содѣйствовала его возвеличенію, вносила и свою лепту лжи в прославленіе этого безобразнаго явленія.

Но когда писатели познакомились съ нимъ ближе, когда имъ пришлось испытать на себѣ дѣйствіе отупляющей дисциплины и грубое обращеніе начальства, преклоненіе передъ арміей исчезло: они начали срывать съ нея ея покровы, начали оспаривать тѣ добродѣтели, которыми украсили ее ихъ предшественники, и солдатъ (все равно — простой солдатъ, или офицеръ) явился передъ публикой в его настоящемъ видѣ — в видѣ грубаго, пьянаго животнаго, бессознательнаго орудія в чужихъ рукахъ.

И дѣйствительно, нужно самому побывать в этомъ аду, чтобы понять, сколько долженъ выстрадать в немъ чувству-

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Жан Грав
Умирающее общество и Анархия
1906

Сконвертировано 2018-10-2020 из FB2
<https://coollib.net/b/399777>, графический
оригинал без страниц 26 и 27 доступен на
<https://archive.org/details/umiraiushcheeob00gravgoog>
Издание «Черное Знамя»

ru.theanarchistlibrary.org

ции — всё средства хороши и нам нечего останавливаться совершенно некстати из-за каких-то принципов».

Но это — большая ошибка, и если эти люди хорошенько подумают, то они сами быстро увидят, что не всё средства хороши для достижения анархического идеала: есть и такие, которые идут ему наперекор. Какой-нибудь прием борьбы может иногда с первого взгляда казаться успешным, в действительности же — только задерживать развитие идеи, служа исключительно личным интересам того или другого деятеля. Поэтому — все равно признаем мы это или не признаем, — но из каждого порядка идей вытекает известный руководящий принцип, на котором нам приходится основываться при выборе средств для практического осуществления данной идеи или для ее более успешного распространения. Этот принцип действует с неизбежностью естественного закона и сам карает всякое нарушение; отступая от него, вы отдаляетесь от намеченной цели и достигаете результатов, совершенно обратных тем, к которым стремитесь.

Возьмем хотя бы пользование всеобщим избирательным правом, о котором мы упомянули в начале этой главы. Легко, конечно, говорить: «Отчего вы не попытаете послать ваших товарищей в палату: они могли бы там провести те реформы, к которым вы стремитесь, или, по крайней мере, лучше организовали бы силы для будущей революции?» Нет сомнения, что при умно и систематически веденной оппозиции голосование, как и всякое другое средство, может повести к революции; но так как оно само есть ничто иное, как очень совершенное орудие власти, то и вызванная им революция может быть только революцией сверху вниз, революцией чисто политической. Вот почему анархисты отрицают это средство, как отрицают и самую власть.

Если бы наш идеал заключался в том, чтобы произвести общественный переворот при помощи сильной власти, которая подчинила бы массу одной какой-нибудь данной формуль, мы могли бы конечно попробовать воспользоваться всеобщим избирательным правом и постараться повліять на массу так, чтобы она поручила кому-нибудь из наших заботиться о своей судьбѣ и проводить наши теории в жизнь. Да и то, как мы уже видѣли выше, в главѣ о государственной власти, пользование избирательным правом могло бы выдвинуть только посредственности, потому что оно связано со столькими униженіями, с таким опошленіем для тѣх, кто добивается избранія, что ни один искренній и сколько-нибудь умный человек не захочет стать в такое положеніе.

Причина неуспѣха коллективистов в избирательной борьбѣ всегда именно в том и заключалась, что они — люди сравнительно умные, и потому их побѣждали POSSIBИЛИСТЫ¹, среди которых были только пустые болтуны, не имѣющіе ничего за душою; коллективисты же хотѣли (хотя и не вездѣ) и сохранить в неприкосновенности свои революціонныя убѣжденія и вмѣстѣ с тѣм выставить программу реформ. Понятно, что избиратель, как он ни глуп, начал думать: «Если мнѣ все равно придется прибѣгнуть к революціи, то зачѣм же требовать реформ? Если эти реформы — не могут предотвратить необходимости взяться за оружіе, то зачѣм посылать в Палату своих депутатов, чтобы они их там предлагали?» Если даже он и не разсуждал в такой именно конкретной формѣ, в какой мы передаем (это было бы выше средняго уровня избирателей), то таков был, во всяком случаѣ, общій смысл дебатов на избирательных собраніях, такова была смутно бродившая

¹ «Поссибилисты» — «возможники», партія, добивающаяся только «возможных» реформ.

в головах публики мысль; и вот избиратель рѣшал подавать голос или за радикалов, которые восхваляли пользу предлагаемых реформ, или за поссибилистов, которые тоже занимались восхвалением парламентских панацей, но при этом — чтобы польстить рабочим — приправляли свои рѣчи нѣсколькими нападками на буржуазію; что касается революціи, то они совершенно не упоминали о ней, предпочитая вести интриги с чисто политическими партіями и, цѣною взаимнаго обмѣна услуг, обеспечивать избраніе своих кандидатов.

Другой недостаток избирательной системы состоит в том, что она всегда подавляет личную инициативу, которую мы наоборот, должны всѣми силами стараться развить. Она представляет из себя орудіе власти, а мы стремимся к полному освобождению человѣческой личности; она — орудіе угнетенія, а мы хотим, наоборот, вдохнуть в людей дух протеста. Избирательная агитація не может быть нам полезна, а может быть только вредна; поэтому мы должны выступать против пользованія ей. Раз мы говорим людям, что нужно дѣйствовать всегда только по своему внутреннему убѣжденію, что не нужно подчиняться силѣ, которая хочет заставить вас дѣлать то, что вам кажется дурным, — мы не можем, не впадая в противорѣчіе сами с собою, проповѣдовать им подчиненіе закулисным интригам какого-нибудь избирательнаго комитета, не можем совѣтовать им выбирать людей для установленія законов, которые они заранѣе обязуются исполнить, не можем приглашать их принести в жертву этим людям всякую собственную волю, всякую личную инициативу.

Это очевидное противорѣчіе должно бы было бросаться в глаза даже наименѣе проницательным людям: если бы мы в него впали, мы сами сломали бы находящееся в наших руках оружіе, потому что, унизившись до таких

средств, мы оказались бы не больше не меньше, как простыми шарлатанами.

Кромѣ того, человекъ, как извѣстно не совершенен, и мы рисковали бы попасть, в своем выборѣ, на честолюбцев и интриганов, которые, раз очутившись в буржуазной средѣ, воспользовались бы этим, чтобы создать себѣ положеніе и оставить в сторонѣ всякія идеи. Что же касается людей искренних, то в этой испорченной атмосферѣ им оставалось бы одно из двух: или добросовѣстно признать свое безсиліе и удалиться, или же приспособиться к парламентским правам и самим обуржуазиться. И мы, которые стараемся предостеречь массу от увлеченія отдѣльными личностями, стараемся объяснить ей, что от них нечего ждать, — мы оказались бы в положеніи людей, потративших всѣ свои усилія на созданіе карьеры для нѣскольких человекъ. В случаѣ же, если бы они оказались измѣнниками, это бросило бы тѣнь на наши идеи. Большинство людей сказало бы: «Анархисты нисколько не лучше других», и лишь очень немногіе сумѣли бы отдѣлить идеи от личностей, понять, что нельзя ставить в упрек первым то, что зависит исключительно от слабости или испорченности послѣдних.

И вот, потратив массу драгоценнаго времени и массу сил на доставленіе торжества нѣскольким личностям, мы должны были бы потерять еще столько же не менѣе драгоценнаго времени и потратить понапрасну еще столько же сил, ради доказательства того, что эти люди — измѣнники, но что их измѣна нисколько не касается проповѣдуемых нами идей. И неужели же послѣ этого мы опять выставили бы новых кандидатов? Конечно, нѣтъ! Пословица «паршивая овца все стадо портит» очень стара, но вмѣстѣ с тѣм и вполне вѣрна; в особенности же она вѣрна тогда, когда рѣчь идет, наоборот, об одной здоровой овцѣ, пущенной в стадо паршивых.

ственной опасностью будут тогда, наоборот, тѣ преграды, которыя захотят поставить движенію люди, которые будут считать себя его вожаками.

В революціях толпа всегда идет дальше предшественников движенія. Будем же поэтому как можно шире распространять наши убѣжденія, будем как можно лучше выяснять их, будем даже повторяться, если нужно, — и не будем закрывать глаза на правду. И такая пропаганда не только не оттолкнет людей от нашего дѣла, но, наоборот, привлечет к нему всѣх тѣх, кто жаждет свободы и справедливости.

многіе изранят себя о придорожные камни, придется нам иногда оставлять на дорогѣ и трупы товарищей. Пусть тѣ, в ком нѣтъ достаточной силы духа, лучше остаются дома: они только послужат помѣхой для двигающагося вперед отряда.

Другой предразсудок, довольно распространенный среди анархистов, состоит в том, чтобы смотреть на массу как на какое-то тѣсто, из которой можно вылѣпить что угодно и которой, поэтому заниматься не стоит. Источник его коренится в том, что люди, сдѣлавшіе, сравнительно с другими, шаг вперед, считают себя какими-то пророками, стоящими выше обыкновенных смертных. «Мы заставим массу сдѣлать то-то, мы поведем ее за собою», говорят они, совершенно уподобляясь в этом любому диктатору. Этот взгляд на массу — ничто иное, как наслѣдіе нашего прошлаго, основаннаго на понятіи о власти.

Мы нисколько не отрицаем вліянія меньшинства на толпу: наоборот, мы именно потому и стараемся дѣйствовать как можно энергичнѣе, что убѣждены в этом вліяніи; но мы думаем, что единственный путь, которым анархисты могут, в момент революціи, повліять на массу, это — практическое дѣло, пропаганда собственным примѣром, который один только может увлечь толпу. При этом нужно имѣть в виду, что такое вліяніе будет возможно только тогда, когда эта масса будет до извѣстной степени подготовлена предварительной, ясной, и опредѣленной пропагандой, когда она сама придет в движеніе под вліяніем воспринятых раньше идей.

И вот, если мы сумѣем надлежащим образом распространить теперь наши взгляды, в этот момент окажется их вліяніе; только при условіи, если мы будем выяснять их и дѣлать доступными для всѣх, можем мы рассчитывать на долю участія в будущем общественном переворотѣ. Тогда нам не придется уже бояться, что за нами не пойдут; един-

Мы видим, таким образом, что нам нѣтъ цѣли пользоваться избирательным правом: оно не только не может дать никаких результатов, но, что еще важнѣе, идет наперекор нашей цѣли, наперекор нашим принципам.

Другіе противники — а с ними вмѣстѣ и нѣкоторые анархисты — говорят, что во время революціи непременно придется признать, если и не власть какого-нибудь вожака — так далеко они не идут, — то, во всяком случаѣ, превосходство какого-нибудь одного лица, и подчиниться тому авторитету, который мы за ним признаем. Это — удивительное противорѣчіе, удивительное переживаніе крѣпко укоренившихся в нас вмѣстѣ с воспитаніем предразсудков. Мы громко требуем свободы, а между тѣм в страхѣ отступаем перед ея послѣдствіями; мы не довѣряем ей силѣ и хотим, для достиженія ея, прибѣгнуть к помощи... власти! Вот она, непослѣдовательность человѣческаго ума!

Чтобы стать свободным, самое лучшее средство это — начать пользоваться этой свободой, не подчиняясь ничьей опекаѣ; чтобы научить ребенка ходить, во всяком случаѣ, никогда не начинают с того, чтобы связать ему ноги!

«Однако», говорят нам, «есть вещи, которыя одни люди знают лучше, чѣм другіе; поэтому, прежде чѣм начать дѣйствовать, нужно посоветоваться с этими знающими людьми и послѣдовать их совѣту». Мы всегда были того мнѣнія, что инициатива отдѣльной личности нисколько не исключает взаимнаго соглашенія в виду общаго дѣла, и что из этого соглашенія вытекает всегда извѣстная организація, извѣстное раздѣленіе труда, в силу котораго каждый становится солидарным со всѣми остальными и приспособляется в своей дѣятельности к дѣятельности своих товарищей по борьбѣ или по работѣ; но от этого еще очень далеко до обязательства для каждой отдѣльной личности подчинять свою волю тому, кто будет признан болѣе компетентным в той или иной опредѣленной области.

Когда мы, напри́мѣр, отпра́вляемся компа́ніей на прогулку и поручаем тому из нас, кто лучше других знает мѣстность, привести нас к намѣченной цѣли, то развѣ это значит, что мы избрали его своим вождем и обязались слѣпо идти за ним, куда бы ему не вздумалось нас повести? Развѣ мы даем ему в руки силу, которой бы он мог принудить нас подчиниться в случаѣ, если мы бы отказались за ним слѣдовать? Конечно, нѣтъ. Если среди нас есть человек, который знает дорогу, мы идем за ним, потому что предполагаем, что он сможет привести нас к цѣли, и знаем, что он сам идет туда же, но этим мы нисколько не отрекаемся от своей собственной воли. Если во время пути кто-нибудь из нас замѣтит, что наш провожатый ошибается, или хочет завести нас не туда, мы постараемся гдѣ-нибудь получить вѣрныя свѣдѣнія о дорогѣ и пойти по тому пути, который покажется нам наиболѣе коротким или пріятным.

Не иначе должно быть и в борьбѣ. Прежде всего, анархистам нужно отказаться от борьбы цѣлыми арміями против армій, от правильных сраженій в открытом полѣ, от военной стратегіи и тактики, управляющей полками, как шахматный игрок управляет фигурами на доскѣ. В борьбѣ нужно, главным образом, направить свои удары на учрежденія — сжечь документы, устанавливающіе права на собственность, податные реестры, нотаріальные акты, разрушить межевые знаки, уничтожить всевозможныя официальные записи и т. д. Экспроприация капиталистов, захват собственности в общую пользу, предоставленіе массѣ пользоваться предметами потребленія — все это дѣло скорѣе небольших и разсѣянных групп, дѣло мелких стычек, чѣм правильных сраженій. Эту борьбу анархисты должны будут постараться начать в возможно большем числѣ пунктов, чтобы таким образом напасть на правительство со всѣх сторон и, принудив его раздѣлить свои силы, разбить его по частям.

но по этому направленію, а затѣм вновь показать вытекающія из современнаго строя бѣдствія, ложность его основ и недѣйствительность всѣх реформ, предлагавшихся до сих пор в видах успокоенія умов. Мы скажем затѣм, что перед людьми, в концѣ-концов, стоит все та же альтернатива: или продолжать терпѣть эксплуатацію, или прибѣгнуть к революціи, причем успѣшность этой революціи будет зависѣть от того, насколько сильно они *захотят* осуществленія идеала, который они признают желательным. Вот все, что мы можем сдѣлать; остальное же будет зависѣть не от нас.

Мы, лично, не сторонники пропаганды при помощи громких — высокопарных или сантиментальных — фраз: онѣ только заставляют людей надѣяться на немедленное исполненіе их желаній, а это — невозможно. Люди входят в движеніе полными огня и энтузіазма, думая, что вот-вот достигнут намѣченной цѣли, а затѣм понемногу разочаровываются и безслѣдно исчезают один за другим. Сколько мы видѣли за послѣдніе десять лѣтъ в наших кружках таких товарищей, которые хотѣли разрушить сейчас же, как Самсон, зданіе храма? А гдѣ они теперь?

Мы хотим дѣлать дѣло менѣе громкое, менѣе блестящее, но болѣе прочное. Мы хотим дѣйствовать не только на чувство людей, но и на их ум, на их логику. Это не значит, что мы относимся отрицательно к пропагандистам, которые, главным образом, умѣют дѣйствовать на чувство: всякій дѣлает свое дѣло сообразно своим взглядам, своему темпераменту. Но мы ищем, не людей *вѣрующих*, а людей *убѣжденных*. Пусть тѣ, которые входят в наше движеніе, знают заранѣе всѣ трудности, с которыми им придется встрѣтиться, они должны подготовиться к борьбѣ с ними, чтобы не впасть в разочарованіе при первой же неудачѣ. Путь наш долог и труден и прежде, чѣм вступить на него, мы должны испробовать силу своей воли и своих мышц:

Совершенно отвергнуть этот аргумент? Это значило бы спрятать, как страус, голову под крыло: возраженіе осталось [бы] все-таки в полной силѣ. Отвѣтить какими-нибудь софизмам[и?] Мы оказались бы в глухом переулкѣ, выйти из котораго мо[жно] только при помощи новых софизмов. От этого рода приѣмов и[не читаемо] никогда ничего не выигрывают. Если мы хотим дѣйствител[ьно] выяснить вопрос и отвѣтить на всѣ противопоставляемые аргументы, мы должны сами искать возраженій, должны ст[а]раться вызывать их, чтобы затѣм по возможности найти на них отвѣт. И прежде всего мы должны высказываться ясно и опредѣленно, не пугаясь настоящей правды, потому что мы стремимся именно к правдѣ. Раз мы заявили, что она лежит в основѣ наших идей, мы должны доказать это тѣм, чтобы всегда и повсюду стремиться найти ее.

Мы вполне сознаем, что такое признаніе не имѣет в себѣ ничего особенно привлекательнаго для массы, что оно не может увлечь ее за собою; нѣкоторые из наших товарищей, может быть, даже обвинят нас в том, что, недостаточно скрывая темныя стороны нашего общественнаго міросозерцанія, мы сѣем в наших рядах безнадежность и разочарованіе.

Такой упрек будет ничѣм иным, как слѣдом вліянія различных политических партій. С какой стати мы будем обѣщать то, исполненіе чего от нас не зависит, и готовить, таким образом, реакцію, которая обратится против нас?

Если бы мы составляли политическую партію, стремящуюся к завоеванію власти, тогда, конечно, мы могли бы обѣщать людям все, что угодно, лишь бы только они помогли нам в нашем предпріятіи; но у анархистов дѣло обстоит иначе: нам нечего обѣщать, нечего просить, нечего давать. И когда нам возражают, что наш идеал неосуществим, нам не остается ничего другого, как указать на факты, в которых обнаруживается стремленіе человѣчества пойти имен-

Но для этого рода борьбы не нужно никаких вождей. Если кто-нибудь задумает то или другое дѣло, он примется за него сам и постарается привлечь товарищей, которые, если предпріятіе им понравится, послѣдуют за ним, нисколько не отказываясь этим от своей собственной инициативы; они просто пойдут за тѣм, кто им покажется способным руководить данным дѣлом, но если во время борьбы явится другой и предложит иной путь, то этот другой не подумает спрашивать у перваго разрѣшенія поступить по своему, а прямо предложит свой план, на который другіе согласятся, или не согласятся, смотря по тому, покажется он им цѣлесообразным или нѣт.

Идея анархизма требует, чтобы тот, кто что-нибудь знает, дѣлился своими знаніями с другими, чтобы тот, кому первому пришел в голову какой-нибудь проэкт, принимался за его осуществленіе, объяснив его тѣм, кого он хочет за собою увлечь; но никто не должен отрекаться, хотя бы временно, от своей воли: власти не существует, а существуют только равныя между собою личности, взаимно помогающія друг другу, сообразно своим способностям, не отказываясь ни от своих прав, ни от своей независимости. А чтобы доставить торжество анархическим идеям, самое лучшее средство, это — прилагать их на практикѣ.

То же самое можно сказать и о всѣх тѣх средствах борьбы, на которыя нам указывают. Есть, на примѣр, анархисты, которые из ненависти к собственности доходят до оправданія воровства, и даже — доводя эту теорію до абсурда — до снисходительнаго отношенія к воровству между товарищами.

Мы не намѣрены, конечно, заниматься обличеніем воров: мы предоставляем эту задачу буржуазному обществу, которое само виновато в их существованіи. Но дѣло в том, что когда мы стремимся к разрушенію частной собственности, мы боремся главным образом против присвоенія

нѣсколькими лицами, в ущерб всѣм остальным, нужных для жизни предметов; поэтому всякій, кто стремится создать себѣ какими бы то ни было средствами такое положение, гдѣ он может жить паразитом на счет общества, для нас — буржуа и эксплуататор, даже в том случаѣ, если он не живет непосредственно чужим трудом, а вор есть ничто иное, как буржуа без капитала, который, не имѣя возможности заниматься эксплуатацией законным путем, старается сдѣлать это помимо закона — что нисколько не мѣшает ему, в случаѣ, если ему удастся самому сдѣлаться собственником, быть ревностным защитником суда и полиціи.

Какое для нас, революціонеров, лучшее средство достигнуть революціи? Развитіе человѣческаго достоинства, подъем нравственного уровня, развитіе в человѣкѣ независимости и гордости, которыя заставляют его не подчиняться чужому произволу, сопротивляться всякому угнетенію, возставать против всего, что ему кажется ошибочным или нелѣпым. Всѣ окольные пути, всѣ мелочныя и унижительныя уловки, всѣ старанія обойти тот или другой пункт закона могут с нашей точки зрѣнія, только повредить пропагандѣ, только отдалить нас от цѣли. Они принуждают к таким низменным поступкам, которые мы, вообще, отвергаем, и вмѣсто того, чтобы возвышать характер человѣка, наоборот, портят и принижают его, приучая употреблять всю свою энергію на мелочи. Мы одобряем, на примѣр, (и хотѣли бы, чтобы подобные факты повторялись чаще) человѣка, который, будучи поставлен нашей общественной организацией в невозможность жить, открыто и силой захватывает то, что ему нужно, громко провозглашая свое право на существованіе; но мы относимся совершенно холодно и равнодушно к поступкам, входящим в категорію обыденнаго воровства, потому что в них нѣтъ того характера общественнаго протеста, который, по нашему мнѣнію,

тому именно и ведем пропаганду, что наши взгляды еще нужно стараться проводить в жизнь: если бы они были уже готовы к осуществленію, то для этого достаточно было бы естественнаго хода событій.

Мы должны привыкнуть принимать вещи хладнокровно: не смотрѣть в увеличительное стекло на то, к чему мы стремимся, и, наоборот, в противоположное стекло бинокля — на то, что представляет для нас опасность. Мы ищем правды и если мы будем обманывать себя и других, то ту революцію, которую мы, может быть, вызовем, придется начинать сначала.

Наши противники говорят нам о неосуществимости нашего идеала обыкновенно только тогда, когда у них нѣтъ других аргументов, и этот послѣдній аргумент довольно затруднителен, если не по существу, то по формѣ, потому что в современном обществѣ, наш идеал в самом дѣлѣ может очень легко показаться утопией. Человѣку, никогда не выходившему умственно за предѣлы существующаго, очень трудно представить себѣ, что можно жить без правительства, без законов, без судей, без полиціи и без всякой другой власти, без каких бы то ни было денежных знаков, когда в наше время людям и так уже трудно столкнуться между собою, несмотря на существованіе законов, которые считаются обыкновенно созданными именно для облегченія соглашеній между людьми.

Мы не можем выставить против этого возраженія никаких фактических доказательств, потому что наш идеал пока еще находится в будущем. Мы можем, конечно, указывать на существующія в современном человѣчествѣ теченія, на разныя частичныя попытки осуществленія этого идеала в маленьких размѣрах, но какое все это может имѣть вліяніе на предубѣжденный ум, не идущій в своих стремленіях дальше улучшенія того, что существует?

Глава XXIII Правда без прикрас

Все сказанное в предыдущей главѣ, несомнѣнно, противорѣчит обыкновенным рѣчам членов различных политических партій, которые всегда обѣщают золотыя горы и от малѣйшей реформы ждут наступленія земного рая для ея сторонников. Но мы, которые не ждем от увлеченій массы никакой личной выгоды, которые хотим, чтобы она выучилась сама управлять собою, — мы не станем обольщать ее ложными надеждами. Для того, чтобы наша мысль была сильнѣе, и наша дѣятельность имѣла больше значенія, мы должны ясно видѣть путь, лежащій перед нами, не обольщаясь никакими иллюзіями, не останавливаясь ни перед какими предрасудками, которые могли бы заставить нас свернуть с истиннаго пути.

Наши идеи станут приложимыми только благодаря энергіи, с которой люди их усвоившіе будут вести свою пропаганду. Их успѣх зависит от той силы, которую мы сможем отдать в распоряженіе революціи; если же мы до сих пор не прилагаем этой силы, не стараемся сразу перейти от теоріи к практикѣ, то причина этого — мы вполне это признаем — лежит в существованіи различнаго рода препятствій. Если бы наши убѣжденія можно было приложить к жизни сейчас же, то с нашей стороны было бы непростительным не попытаться этого сдѣлать. Но препятствія существуют, и наше дѣло — не отрицать их, а наоборот узнать, в чем они заключаются, и постараться их преодолѣть. Мы по-

должен быть ясно виден во всем, что дѣлается с цѣлью пропаганды.

То же самое можно сказать и о «пропагандѣ дѣлом». Чего только не говорилось по этому поводу, каких только нелѣпых взглядов не высказывалось, как со стороны защитников, так и со стороны противников этого приѣма борьбы?

«Пропаганда дѣлом» есть ничто иное, как мысль, перешедшая в дѣйствіе, а в предыдущей главѣ мы видѣли, что сильно чувствовать что-нибудь значит вмѣстѣ с тѣм стремиться примѣнить свое чувство в практической жизни. Это — достаточный отвѣтъ противникам. Но, с другой стороны, мы встрѣчали и таких сильно увлекающихся, но мало думающих анархистов, которые хотѣли свести все к одной только пропагандѣ дѣйствіем; убивать буржуа, истреблять фабрикантов, поджигать фабрики, разрушать зданія — внѣ этого для них не существовало ничего. Всякій, кто не говорил об убійствах или поджогах, не был, в их глазах, достоин названія анархиста.

Мы вполне сочувствуем практическому дѣлу вообще: дѣло, это, как мы уже говорили — цвѣтъ мысли. Но нужно все-таки, чтобы оно имѣло какую-нибудь цѣль, чтобы человек сознавал, что он дѣлает: иначе его дѣйствіе обратится против него самого.

Представим себѣ, на примѣр, что сторит какой-нибудь, находящійся в полном ходу, завод, на котором работают, скажем 50, 100, 200 или 300 — все равно, сколько — рабочих. Хозяин этого завода ничѣм не отличается от всѣх остальных: он не хорош, не дурен, ничего особеннаго сказать о нем нельзя. Ясно, что если кто-нибудь ни с того ни с сего подожжет этот завод, то из этого выйдет только то, что рабочіе окажутся выброшенными на улицу и, раздраженные бѣдственным положеніем, в котором они временно очутятся, несомнѣнно не станут доискиваться мотивов,

которые толкали поджигателя, а обратятся против него и против вдохновляющих его идей. Вот — послѣдствія необдуманнаго поступка.

Но допустим, что борьба между хозяевами и рабочими обострилась, что происходит стачка. В числѣ хозяев есть такіе, которые выдаются среди остальных своей жестокостью — которые вызвали своей особенно сильной эксплуатацией эту стачку, или своим упорством затягивают ее, мѣшая другим хозяевам уступить; они, несомнѣнно, навлекут на себя непріязнь рабочих. Представим себѣ теперь, что такого хозяина найдут гдѣ-нибудь убитым, причем тут же будет записка, объясняющая, что его убили именно как эксплуататора, или допустим, что по тѣм же причинам подожгут его завод. Тут же уже сомнѣнія в мотивах дѣйствія быть не может, и мы увѣрены, что рабочій мір встрѣтит такой акт сочувственно. Это — поступок обдуманный. В каждом данном случаѣ, слѣдовательно, нужно подчинять свои дѣйствія общему руководящему принципу.

«Цѣль оправдывает средства» — лозунг іезуитов. Правда, нѣкоторые из наших товарищей хотят примѣнить его к анархическому движенію, но в сущности он годится только для людей, которые ищут эгоистическаго удовлетворенія своих личных потребностей, не заботясь о тѣх, кого они могут оскорбить, или кому могут повредить по пути. Но когда человѣкъ ищет себѣ удовлетворенія в проведеніи в жизнь принципов солидарности и справедливости, употребляемая им средства должны быть всегда подчинены цѣли; в противном случаѣ они приведут к результатам, обратным тѣм, которых от них ожидают.

которому остается или покорно склонить голову перед своими эксплуататорами, потеряв всякую гордость, всякое чувство собственного достоинства, все, что возвышает характер человѣка, и терпѣливо ждать, пока ему бросят кость, или же возстать и рѣшительно потребовать того, чего он не может добиться никакими колѣнопреклоненіями. Для тѣх, кто думает только о себѣ, кто хочет наслаждаться жизнью во что бы то ни стало и какую бы то ни было цѣною, в этой альтернативѣ, конечно, нѣтъ ничего пріятнаго. Таким людям мы посоветуем примириться с требованіями современнаго общества и постараться пробить себѣ дорогу, не обращая вниманія на то, что попадается им по пути и не боясь раздавить того, кто может им помѣшать; с ними у нас нѣтъ ничего общаго.

Но тому, кто считает, что его свобода — только тогда настоящая свобода, когда она не нарушает свободы болѣе слабых; тому, кто не может пользоваться наслажденіями, если он знает, что они куплены цѣною слез других, обездоленных, людей — тому мы скажем, что в признаніи, что для освобожденія нужна борьба, нѣтъ никакого самоотреченія с чьей бы то ни было стороны.

Мы признаем, как несомнѣнный факт, что только приложеніе наших идей может дѣйствительно повести к освобожденію человѣчества: его дело — хочет ли оно освободиться сразу и цѣликом, или же всѣми плодами прогресса всегда должно пользоваться лишь незначительное привилегированное меньшинство, на счет тѣх, кто гибнет, производя богатства для других.

Увидим ли мы зарю этого освобожденія? Выпадет ли это на долю современнаго поколѣнія, или того, которое за ним послѣдует, или еще позднѣйшаго? Этого мы не знаем и этим мы не занимаемся. Достиженіе цѣли выпадет на долю тѣх, у кого хватит энергіи и огня в сердцѣ, чтобы настойчиво захотѣть быть свободными.

Чтобы бороться с современным строем и работать для воплощения в жизнь новых идей, нужна энергия, а эту энергию дает только твердое убеждение. Вот почему те, кто такія убеждения имѣет, должны стараться быть «ловцами людей».

Выше мы показали, что никакія реформы не действительны в нашем обществѣ; поэтому, проповѣдывать их рабочим значило бы сознательно обманывать их. Мы знаем, с другой стороны, что сами событія неизбѣжно приведут рабочих к революціи, что экономическіе кризисы, безработица, развитіе машинизма, политическія усложненія — все содѣйствует тому, что выброшенный на улицу рабочій оказывается вынужденным громким протестом заявлять о своем правѣ на существованіе. А раз уже революція неизбѣжна, раз всѣ реформы ни к чему не служат, то единственное, что нам остается, это — подготовиться к ней. Это именно мы и дѣлаем, когда стремимся идти прямо к цѣли, предоставляя разным честолюбцам создавать себѣ карьеру и обогащаться на счет той самой нужды, которой они якобы хотят помочь.

Здѣсь мы предвидим еще одно возраженіе. «Раз вы сами признаете», скажут нам, «что ваши идеи еще не созрѣли для осуществленія на практикѣ, то вы, значит, требуете от современнаго поколѣнія, чтобы оно жертвовало собою для поколѣній будущих, чтобы оно боролось за идеал, немедленнаго осуществленія котораго вы ему обезпечить не можете»?

Мы вовсе не проповѣдуем никакого самоотреченія; мы только не хотим обольщать себя ложными надеждами и не хотим помогать энтузіастам ими обольщаться. Мы берем факты как они есть, рассматриваем их и дѣлаем выводы; мы видим, с одной стороны, общественный класс, владѣющій всѣм и ни от чего не соглашающійся отказаться; с другой — класс, производящій все и ничего не имѣющій, класс,

Глава XVIII Революція и анархизм

Это различіе во взглядах на приемы борьбы зависит от того, что нѣкоторые увлекающіеся товарищи, мало задумываются над идеями и в сущности, имѣют в виду исключительно только революцію, даже тогда, когда им кажется, что они борются за анархическій идеал. Они думают, что этот идеал цѣликом заключается в революціи, совершенно также, как республиканцы думали когда-то, что стоит только провозгласить республику, чтобы открылась эра всеобщаго счастья и благоденствія. Нам нечего напомнить читателю о тѣх разочарованіях, которыя пришлось испытать рабочей массѣ послѣ установленія республиканскаго правленія; постараемся же предотвратить те, не менѣе ужасныя, разочарованія, которых нам не миновать, если мы не отвыкнем ждать всего от революціи и дѣлать из нея цѣль, когда она есть не болѣе как средство.

Наши товарищи исходят из той — может быть и очень рекомендуемой их — мысли, что можно сгруппировать людей заранѣе в виду революціи, и как только их соберется болѣе или менѣе значительное число, попытаться вызвать какое-нибудь возстаніе; они думают, что можно искусственно создать такое положеніе дѣл, при котором революція вспыхнет, а затѣм уже организованныя революціонныя группы постараются придать ей должное направленіе. Отсюда их сочувственное отношеніе к нѣкоторым приемам борьбы, которые, как им кажется, могут прибли-

зять этот момент; отсюда их старанія сгруппировать всѣ революціонныя силы вокруг одной смѣшанной революціонной программы, оставляя в сторонѣ такія подробности и оттѣнки мнѣній, которые могут внести разногласія и отдалить нѣкоторых лиц, которых они считают обладающими революціонным темпераментом.

Мы же, наоборот, увѣрены в том, что революція придет сама и прежде, чѣм мы будем достаточно многочисленны чтобы ее вызвать; мы думаем, что современная общественная организація неизбежно ведет к этому и что если существующій экономическій кризис усложнится каким-нибудь политическим событіем, то это может явиться искрой, которая подожжет порох; то движеніе, которое наши товарищи хотят вызвать искусственно, вспыхнет, таким образом, само.

Всякому, кто не хочет закрывать глаз на дѣйствительность и прятать, как страус, голову под крыло, ясно, что настоящее положеніе не может продолжаться долго. Недовольство царит повсюду; именно ему буланжизм был обязан той силой, с которой он охватил Францію, и если это движеніе окончилось неудачей, то это зависѣло исключительно от глупости и трусости стоявших во главѣ его людей. Но то, что не удалось одним, может удасться другим.

Если в настоящее время это недовольство и не выражается так рѣзко, как во время буланжизма, оно однако существует; оно не менѣе распространено, не менѣе глубоко. Промышленный кризис не только не смягчается, но все усиливается; найти работу становится все труднѣе и труднѣе; безработица затягивается и армія безработных дѣлается все многочисленнѣе и многочисленнѣе. И всякій раз, как приходит зима, мы всякій раз вновь и вновь видим длинныя вереницы нищих, дрожащих от холода и голода, с тревогой ожидающих у ворот казарм, больниц, ресторанов и нѣкоторых благотворительных учрежденій, той минуты,

ми, должны существовать различныя степени. Но энергія нашей дѣятельности, во всяком случаѣ, всегда будет пропорціональна силѣ первоначальнаго толчка, даннаго нам, и степени нашей вѣры в данную идею. Очень часто вас могут останавливать разныя соображенія, касающіеся семьи, окружающей среды, необходимости сохранить хлѣб насущный; но, какова бы ни была сила этих соображеній, если вы — человѣкъ дѣйствительно убѣжденный, они никогда не заставят вас примириться со всѣми совершающимися на ваших глазах безобразіями; придет минута, когда вы отбросите все это в сторону и будете помнить только одно: что вы — человѣкъ и что вы мечтали когда то о чем-то лучшем, чѣм то, что вам приходится выносить.

Тот, кто неспособен ни на какую жертву ради убѣжденій, которыя он якобы исповѣдует, в дѣйствительности не имѣет ровно никаких убѣжденій: он просто прикрывается ими, как ярлыком, для вида, потому что в данную минуту они в модѣ, или потому, что он хочет оправдать ими какіе-нибудь дурные поступки; берегитесь довѣряться такому человѣку: он вас обманывает. Что же касается тѣх, которые хотят прибѣгнуть к помощи существующих учрежденій якобы для пропаганды новых идей, то это — не болѣе, как честолюбцы, которые под предлогом будущаго хотят только свободно пользоваться жизнью в настоящем.

Из этого одного видно, что наш идеал не может быть осуществлен сейчас, и мы вполне готовы это признать; но он будет становиться все болѣе и болѣе осуществимым в той мѣрѣ, в которой люди, его усвоившіе, сумѣют приложить к этому свою энергію. Чѣм живѣе будет их пропаганда, тѣм ближе будет и достиженіе цѣли. Если мы будем входить в сдѣлки с существующими учрежденіями, мы не разрушим их; если мы будем прятать наши убѣжденія в карман, мы не добьемся их распространенія.

денные в истинности своих идей и стремившіеся всѣми силами их распространить.

М. Гюйо, в одной из глав своей в высшей степени замѣчательной книги: «Очерк системы нравственности без принужденія и санкціи» развивает ту мысль, что «если человек не поступает соотвѣтственно своей мысли, то это значит, что самая его мысль неполна». Это совершенно вѣрно. Тот, кто вполне убѣжден в справедливости какой-нибудь идеи, не может не стараться о ея распространеніи, о ея проведеніи в жизнь.

Как часто случается, что два пріятели спорят и ссорятся из-за пустяков только потому, что каждый стоит за свой взгляд и увѣрен в справедливости того, что говорит. Казалось бы, что стоит сдѣлать удовольствіе пріятелю, или просто воздержаться от доставленія ему неприятности? Отчего не пропустить молча мысль, с которой вы несогласны, раз только эта мысль не затрагивает существенных пунктов ваших убѣжденій? Вы так и дѣлаете сплошь да рядом, когда рѣчь идет о предметах, о которых у вас нѣтъ опредѣленнаго мнѣнія; но как только дѣло коснется того, о чем у вас мнѣніе составилось, то, хотя бы это был совершенный пустяк, вы сейчас же вступаете в спор и защищаете свой взгляд даже против лучшаго друга. А если так бывает в вопросах пустяшных, то что же сказать о вопросах и идеях, касающихся будущности всего человечества, освобожденія нашего класса, наших потомков и нас самих?

Мы, конечно, вполне понимаем, что не всякій одинаково способен на сопротивленіе и борьбу, не всякій может проявить одинаковую энергію в дѣлѣ разрушенія существующих учрежденій; не всѣ темпераменты, не всѣ характеры обладают достаточной для этого твердостью. Трудностей так много, лишенія так тяжелы, преслѣдованія так сильны, что мы вполне понимаем, что в дѣлѣ распространенія тѣх идей, которыя мы считаем истинными и справедливыми

когда можно будет получить тарелку супа или кусок хлѣба. А так как такое положеніе не может продолжаться долго, то людям, наконец, надоѣст умирать с голоду и они сдѣлают революцію.

И вот, когда эта революція произойдет, вліяніе анархических идей будет, по нашему мнѣнію, тѣм сильнѣе, чѣм больше онѣ за это время успѣют распространиться, чѣм лучше онѣ будут поняты, чѣм полнѣе будут онѣ выяснены и очищены от всѣх тѣх предрассудков, которые еще живут в нас благодаря привычкѣ, наслѣдственности и воспитанію. Наша цѣль, поэтому — прежде всего выяснять и распространять наши идеи и образовывать группы товарищей сознательных, избѣгающих всяких уступок, которыя могли бы ступевать часть нашего идеала, всяких союзов ради увеличенія нашей численности, союзов, которые могут рано или поздно явиться нам помѣхою и вызвать сомнѣніе относительно наших настоящих цѣлей.

Итак, революція для нас не цѣль, а средство — средство, несомнѣнно неизбѣжное и к которому, навѣрное, придется прибѣгнуть, но имѣющее цѣнность постольку, поскольку оно ведет к цѣли. Предоставим самому обществу создавать своей несправедливостью недовольных, протестующих, революціонеров; наше же дѣло — создавать людей сознательных, знающих, чего они хотят, одним словом — настоящих анархистов. Они несомнѣнно, должны быть революціонерами, но пусть они останавливаются не только на идеѣ насильственнаго переворота, но и на той цѣли, которой он должен послужить.

Мы заранѣе предвидим возможные возраженія: «Что сдѣлали до сих пор всѣ ваши прекрасныя теоріи относительно личной инициативы и самодѣятельности?» скажут нам. «Что дѣлают ваши разсѣянныя повсюду и не связанныя между собою группы? Развѣ вам самим не приходится бороться против различных поступков и взглядов, при-

крывающихся названіем анархических, но которых вы не хотите признать таковыми?»

Анархическая пропаганда дѣйствительно не дала до сих пор всѣх тѣх результатов, которые она может дать; ее дѣйствительно поняли далеко не всѣ тѣ, кто заявляет себя ея сторонниками; но это только доказывает, что наши идеи нужно продолжать разрабатывать, не боясь повтореній, чтобы сосредоточить вниманіе именно на тѣх пунктах, которые наиболѣе нужно выяснить.

Кромѣ того, если в дѣятельности анархистов и не хватает иногда, сознательной осязательной стройности, практической организациі, то она тѣм не менѣе ведется довольно энергично и у них, во всяком случаѣ, есть та послѣдовательность и стройность, которая вытекает из общности ясно замѣченной цѣли. Во Франціи, в Испаніи, в Италіи, в Англии, в Америкѣ, в Австраліи — повсюду анархисты стремятся к уничтоженію частной собственности и государственной власти, к полной и безусловной независимости личности. В этом общая основа всѣх их взглядов.

В вопросѣ о способах достиженія общей цѣли могут, конечно, быть разногласія: идеальное единство пока еще не установилось. Но мало-по-малу мы к этому приближаемся и, как только исчезнет боязнь нѣкоторых слов, под которыми люди понимают самыя различныя вещи, мы увидим настоящее взаимное соглашеніе между группами разных стран, настоящую серьезную организацию, основанную на совершенно свободных началах и тѣм болѣе прочную, что она будет вытекать из самой практики, а не из искусственнаго и основаннаго на уступках договора.

Что же касается существованія таких теорій и поступков, от которых слѣдует сторониться, то, дѣйствительно, существует в движеніи извѣстное направленіе — направленіе, несомнѣнно имѣющее полицейскій источник, но распространяющееся благодаря искреннему увлеченію нѣкото-

именно цѣль, к которой должно стремиться человѣчество и т. д. «Но», прибавляют они, «эти идеи пока еще неосуществимы: к ним нужно еще подготовить человѣчество, нужно еще заставить его понять всѣ преимущества новаго строя». И вот, под предлогом большей практичности, они стараются подновить кое-какіе старые проэкты реформ, всю бесполезность которых мы уже показали, поощряя таким образом, существующіе предрасудки и содѣйствуя их сохраненію. Затѣм, они стараются извлечь из существующаго положенія как можно больше выгод для себя лично, а вмѣстѣ с тѣм их идеал все болѣе и болѣе стушевывается и уступает мѣсто инстинктивному стремленію сохранить настоящее.

К несчастью, конечная цѣль наших стремленій, дѣйствительно, неосуществима сейчас же. Наши идеи понятны пока еще для слишком незначительнаго меньшинства, а потому не могут еще имѣть непосредственнаго вліянія на ход событій общественной жизни. Но развѣ это должно мѣшать нам работать для их осуществленія?

Если мы убѣждены в их справедливости, то почему же нам не стараться примѣнить их на практикѣ? Вѣдь если всѣ будут говорить: «это невозможно», и на этом основаніи покорно склоняться под игом современнаго общества, то буржуазный строй и в самом дѣлѣ сможет разсчитывать еще на долгіе годы существованія.

Если бы первые мыслители, боровшіеся против церкви и монархіи за независимую и разумную мысль и шедшіе за исповѣданіе ея на костер и эшафот, думали так о своем идеалѣ, то в нашем обществѣ до сих пор царили бы мистицизм и феодальное право. Если в наше время человѣкъ начинает понемногу узнавать исторію своего происхожденія и избавляться от всяких предрасудков относительно божеской или человѣческой власти, он обязан этим только тому, что всегда были «непрактичные» люди, твердо убѣж-

Глава XXII Осуществим ли анархический идеал?

«В теории, ваши идеи очень хороши, но на практикѣ онѣ не примѣнимы: людям нужна власть, которая бы поддерживала равновѣсіе и заставляла их подчиняться общественному договору», — вот возраженіе, которое выставляют против нас сторонники современного порядка вещей, когда всѣ другіе аргументы их уже исчерпаны и нам удалось уже доказать им, что при сохраненіи существующаго общественнаго порядка рабочему нечего рассчитывать ни на какое улучшеніе своего положенія.

«Ваши идеи прекрасны, но неосуществимы: человек еще не достаточно развит для того, чтобы жить в таком идеальном обществѣ. Для того, чтобы оно стало возможным, нужно, чтобы человек был совершенным», говорят точно также многіе, вполне искренніе, люди, которые, благодаря рутинѣ и полученному воспитанію, видят повсюду одни только препятствія и не имѣют достаточно убѣжденности, чтобы работать для проведенія в жизнь своих убѣжденій.

А затѣм, рядом с открытыми врагами и людьми индифферентными, которые могут стать друзьями, существует еще третья категорія личностей, болѣе опасная, чѣм прямые враги. Это — люди, которые заявляют себя восторженными сторонниками наших взглядов, которые громко провозглашают, что прекраснѣе нашего идеала быть ничего не может, что современный строй никуда не годится, что он должен исчезнуть и уступить мѣсто новому, что такова

рых из наших товарищей — против котораго мы всѣми силами должны бороться.

Но отрицать принципы и все только призывать к революціи — плохое средство уберечься от предателей, от ложных идей, от ложных принципов. Есть только один путь для разграниченія между идеями дѣйствительно анархическими и мнѣніями, высказываемыми с цѣлью свести движеніе с его настоящей дороги: это — стараться еще лучше выяснитъ наши взгляды, еще полнѣе очистить их от всѣх переживаній стремленія к господству над другими. Мы должны стремиться к тому, чтобы люди, к которым мы обращаемся, нас понимали и умѣли сами отличить, имѣет ли данный поступок анархическій характер, или нѣтъ; это будет гораздо дѣйствительнѣе чѣм заранѣе высказанное осужденіе той или другой категоріи дѣйствій.

Правда, то, что происходит в настоящую минуту в наших рядах, может иногда внушить людям, с нетерпѣніем ожидающим осуществленія нашего идеала счастья и гармоніи, сомнѣніе в возможности его, в возможности водворенія согласія среди того хаоса идей, котораго, под именем анархизма, борются в наше время так или иначе с буржуазным строем. Но развѣ всякая новая идея, стремящаяся к разрушенію существующаго, не создает временно хаоса и безпорядка? Повторяем: предоставим нашим нетерпѣливым товарищам немного успокоиться, и займемся болѣе точной разработкой идей; по мѣрѣ того, как онѣ будут серьезнѣе обдумываться и сознательнѣе восприниматься, онѣ сами уложатся в систему, и эта система будет тѣм стройнѣе, чѣм меньше препятствій мы будем ставить свободному развитію мысли. Развитіе анархической идеи само создаст сознательных людей и увеличит таким образом вѣроятность успѣха для будущей революціи.

Зарожденіе этого, ошибочнаго взгляда на принципы, как на лишнее стѣсненіе в революціонной борьбѣ, в зна-

чительной степени зависѣло от того, что при видѣ хаоса в идеях и поступках, царящаго вокруг них, многіе из наших товарищей начинали с одной стороны отчаиваться в возможности сгруппировать силы в виду революціи, а с другой — относиться как к метафизикѣ к обсужденію всяких идейных вопросов. Не находя в нашем собственном запасѣ идей этой силы, они вообразили, что ее можно получить из другого источника, и вернулись к средствам борьбы, прямо заимствованным из понятій государственных. При этом они самым наивным образом думают, что, перемѣнив названія, они измѣнили и самыя понятія. Нетерпѣніе мѣшает им видѣть, что, несмотря на свою кажущуюся разрозненность, усилія борцов тѣм не менѣе всѣ ведут к одной цѣли, и этому объединенію остается только сдѣлаться сознательным, чтобы пріобрѣсти всю ту силу, которую они хотѣли бы ему придать и которая в дѣйствительности может явиться только слѣдствіем полного развитія идей.

Мы хотим, говорят они нам, чтобы когда кто-нибудь из товарищей обѣщает нам свое содѣйствіе в каком-нибудь дѣлѣ, мы могли на него рассчитывать, и чтобы он не нарушил своего обѣщанія, укрываясь за свободу, за независимость личности и т. д. Мы совершенно с этим согласны, но мы думаем вмѣстѣ с тѣм, что дѣло пропагандиста показать людям, что они должны брать на себя обязательство только тогда, когда увѣрены, что выполнятъ его, и что, раз уже они дали обѣщаніе, простая честность заставляет исполнить его. Конечно, при этом приходится бороться с тѣм самым деморализующим направлением, о котором мы говорили выше, но опять таки доказать преимущества солидарности и полного довѣрія между товарищами может только пропаганда. Какая польза от того, что от человѣка заранѣе потребуютъ взять на себя то или иное обязательство? Допустим даже, что мы напишем огромными буквами в заранѣе выработанных программах, что люди должны исполнять

говорят нѣкоторые из ея вожаков, боящіеся нравственной или фактической отвѣтственности.

Отбросим же в сторону глупый сантиментализм — даже если и случится, что гнѣвъ толпы обратится на болѣе или менѣе невинную голову. Чтобы заглушить в себѣ чувство жалости, нам достаточно будет вспомнить, сколько тысяч жертв поглощает теперь ежедневно пасть общественнаго минотавра ради выгоды сытой буржуазіи. И если окажется, что нѣсколько буржуа будут повѣшены гдѣ-нибудь на фонарѣ, убиты на улицѣ или брошены в воду, то они только пожнут то, что сами посеяли. Тѣм хуже для них! Кто не с толпой, тот против нея.

Для нас, рабочих, положеніе дѣл очень ясно: с одной стороны — настоящее, современное общество со всѣми его бѣдствіями, с неувѣренностью в завтрашнем днѣ, с лишніями и страданіями без всякой надежды на улучшеніе, общество, в котором мы задыхаемся, гдѣ наш мозг гложет, гдѣ мы должны подавлять в себѣ всякое стремленіе к добру, к красотѣ, всякое чувство справедливости и любви к людям; с другой — будущее, идеал свободы, счастья, умственнаго и физическаго удовлетворенія, одним словом — полный расцвѣтъ нашей личности. Колебаній в выборѣ у нас быть не может. Какова бы ни была судьба будущей революціи и что бы с нами не случилось, ничто не может быть для нас хуже настоящаго положенія. Современное общество стѣсняет нас, мы должны его низвергнуть, и будь что будет с тѣми, кто окажется раздавленным под его тяжестью! Они сами виноваты в том, что хотѣли укрыться у его стѣн, удержаться за его гнилыя подпорки, вмѣсто того, чтобы стать на сторону разрушителей.

иначе она, пожалуй, позволит удержать себя и тѣм, кто захочет сдѣлать это с цѣлью усмирить революціонный дух или помѣшать ей разрушить нѣкоторыя учрежденія, которыя должны исчезнуть, или ради желанія спасти кое-что из того, что должно быть уничтожено. Раз борьба началась, чувствительность нужно оставить; пусть лучше толпа не довѣряет разным сантиментальным фразерам; пусть она неумолимо разрушит все то, что захочет стать ей поперек дороги.

Все, что мы можем сдѣлать, это — теперь же заявить, что исчезновеніе той или другой личности не должно имѣть значенія для рабочих, что предметом их разрушительной работы должны быть учрежденія, что именно их нужно вырвать с корнем и окончательно уничтожить, не оставив ничего такого, что дало бы им возможность вновь возродиться под другим названіем.

Буржуазія сильна только благодаря своим учрежденіям, да еще благодаря тому, что ей удалось внушить эксплуатируемым, что они заинтересованы в сохраненіи этих учрежденій, и заставить их сдѣлаться их вольными или невольными защитниками. Предоставленная самой себѣ, она не сможет сопротивляться революціи, да и много ли найдется среди нея людей, которые сдѣлают этого рода попытку? Вот почему отдѣльныя личности сами по себѣ не представляют для нас никакой опасности.

Но если найдутся в момент революціи такія, которыя явятся препятствіем, пусть тогда революціонная буря унесет их; если встрѣтятся отдѣльные случаи мести, то виноваты в этом будут тѣ, кто вооружил против себя массу. Должно быть эти люди сдѣлали много зла, если ненависть к ним не успокоилась на уничтоженіи их класса, на отмѣнѣ их привилегій; пусть же тѣ, которые хотят их защищать, выпутываются из этого положенія, как им будет угодно. Толпа никогда не идет слишком далеко, хотя это иногда и

то, что они обѣщали; что же нам из этого, у нас нѣтъ в руках никакой силы, чтобы принудить тѣх, кто захочет нарушить свое обѣщаніе, к исполненію его?

Будем меньше руководствоваться нашим нетерпѣніем и больше — голосом разсудка, и мы увидим, что метафизика не всегда бывает на той сторонѣ, гдѣ ее ищут.

Глава XIX Безполезность реформ

Разбирая вопрос о том, что заставляет нас быть революционерами, мы уже видѣли, что сам современный строй порождает и нищету и недовольство и, таким образом, неизбежно ведет к революціонному протесту; а раз уже мы, самой силой вещей, принуждены участвовать в этой революціи, то самое лучшее, что мы можем сдѣлать, это — начать к ней приготавливаться. Есть и еще одно соображеніе, о котором мы упоминали лишь вскользь, но которое также очень важно; оно объясняет почему анархисты не борются за осуществленіе нѣкоторых реформ, которыя многіе представляют рабочим как лѣкарство от всѣх зол, или как средство достигнуть освобожденія мало-по-малу и мирным путем.

Мы убѣждены в том, что при существующем капиталистическом строѣ, при дѣленіи общества на два класса, из которых один живет на счет другого, всякое улучшеніе в положеніи класса эксплуатируемаго будет, вмѣстѣ с тѣм, ослабленіем привилегій класса эксплуататоров. Поэтому одно из двух: или данная реформа есть ничто иное как мираж, как приманка, выдуманная для того, чтобы усыпить рабочих и, заставить их потратить всѣ свои силы на приобрѣтеніе мыльных пузырей, которые тотчас же лопнут, как только их захотят взять в руки, или же эта реформа дѣйствительно может измѣнить положеніе дѣл. В послѣднем случаѣ привилегированный класс, стоящій у власти, сдѣ-

Мы доказали вам, что современный строй вызывает бѣдность и голод, что он держит в невѣжествѣ цѣлый — и наиболѣе многочисленный — класс народа, что он мѣшает развиваться цѣлым поколѣніям, передавая им по наслѣдству всевозможные предрасудки и ложныя понятія.

Мы доказали, что вся современная общественная организація ведет только к эксплуатаціи массы в пользу привилегированнаго меньшинства.

Мы доказали и то, что как недостатки общественнаго устройства, так и развитіе новых стремленій среди рабочих, неизбежно ведут нас к революціи. Что же мы можем прибавить еще? Если нам все равно придется сражаться, то будем же лучше сражаться за то, что кажется нам лучшим и справедливейшим.

Окажемся ли мы побѣдителями, или побѣжденными? Этого никто предсказать не может. Но если мы будем ждать с нашими требованіями до тѣх пор, когда будем увѣрены в побѣдѣ, то наше освобожденіе может отдалиться на цѣлые вѣка. Да и не в наших силах управлять обстоятельствами: по большей части, наоборот, они увлекают нас за собою и единственное, что мы можем сдѣлать, это — постараться предвидѣть их, чтобы не быть застигнутыми врасплох. А раз борьба начнется, дѣло анархистов — приложить всю свою энергію для того, чтобы своим примѣром увлечь за собою массу.

Что в готовящейся революціи будут отдѣльные случаи мести, будут убійства, будут даже проявленія дикости — это очень вѣроятно и этого слѣдует ожидать; но можем ли мы эти случаи предотвратить?

Им не только никто не может помѣшать, но даже и *не должен* мѣшать. Если толпа пойдет дальше самих пропагандистов — что-ж! тѣм лучше. Лучше пусть она разстрѣляет тѣх, кто захочет проявить излишнюю сантиментальность, чѣм даст оставить себя ради спасенія нѣскольких жертв:

терять голову людей держащих «бразды правленія». Мы придем к этому самой силой вещей, а потому единственное, что нам остается, это — быть готовыми к участию в событіях, чтобы по возможности повернуть их в пользу раздѣляемых нами идей.

Но страх перед неизвѣстностью так упорно сидит в людях, что, вполне согласившись с логичностью и правильностью наших выводов, наши противники все таки продолжают возражать: «Все это так, но все таки лучше было бы дѣйствовать с осторожностью. Прогресс совершается мало-по-малу и сильных потрясеній лучше избѣгать; может быть удастся и так вынудить у буржуазіи кое-какія уступки».

Если бы это говорили только люди упрямые, нечестно относящіеся к дѣлу, сознательно не желающіе убѣдиться, то мы бы просто бросили всякій спор с ними. Но, к несчастью, между ними есть и люди в высшей степени добросовѣстные, но просто захваченные вліяніем среды, воспитанія и привычки видѣть повсюду дѣятельность власти, — люди, которые думают, что все погибло, как только эта власть исчезла с горизонта. Не находя никаких новых возраженій, они тогда невольно возвращаются к первому своему аргументу — что нельзя себѣ представить такого общества, гдѣ не было бы ни законов, ни судей, ни полицейских и гдѣ люди жили бы без всякой борьбы, мирно помогая друг другу.

Что сказать им в отвѣтъ? Они требуют доказательств того, что общество будет функционировать именно так, как мы думаем; мы приводим им доказательства, почерпнутыя из логики фактов, из сравненія и разбора их, но что касается доказательств болѣе осязательных, то их может дать только опыт, а чтобы его продѣлать, нужно прежде разрушить существующее общество!

Нам остается тогда отвѣтить им слѣдующее:

дает все возможное, чтобы помѣшать ея осуществленію, или обратить ее в свою пользу, и тогда рабочим придется опять-таки прибѣгнуть к решительному средству, к силѣ.

Мы не думаем заниматься разбором всѣх планов реформ, всѣх избирательных фантазій, изобрѣтаемых ищущими новинок политиками или жаждущими избранія кандидатами: для этого нам потребовались бы цѣлые томы. Но мы надѣемся, что читатель уже убѣдился в том, что источник существующей бедности лежит в плохом экономическом строѣ, и что он легко поймет, почему мы оставляем в сторонѣ всѣ реформы, относящіеся к чисто-политическим перемѣнам. Что касается реформ экономических, то таких, которыя стоило бы разбирать, очень немного и их легко перечислить: это — подоходный налог, сокращеніе рабочаго дня и установленіе минимума заработной платы, увеличеніе налогов на наслѣдства и уничтоженіе права наслѣдства для наслѣдников не по прямой линіи. Прибавим к этому еще и устройство рабочих синдикатов и превращеніе их в потребительныя товарищества, и мы получим весь реформаторскій багаж тѣх, кто хочет преобразовать общество путем постепенной эволюціи. По количеству это немного; посмотрим, каково качество.

Во-первых, подоходный налог. Его уже давно проповѣдуют как лѣкарство от всѣх зол, но понемногу он начинает терять свое прежнее обаяніе. Это — одна из тѣх реформ, которыя различнаго рода политики успѣшнѣе всего прельщали рабочих и которыя пользовались наибольшей популярностью: в самом дѣлѣ эта реформа, казалось, должна была возложить заботу о государственных издержках на богатых и возстановить нѣкоторое равновѣсіе в обществѣ, заставив cadaго члена его участвовать в расходах сообразно количеству тѣх услуг, которыя общество ему оказывает.

Но стоит только внимательно присмотрѣться к общественному механизму и поискать, в чем состоят дѣйствительные источники богатства, чтобы увидеть, что эта реформа не может измѣнить ничего, что она — ничто иное, как грубая ловушка для рабочих, с цѣлью подать им ложную надежду на неосуществимыя улучшения и помѣшать искать болѣе дѣйствительных средств к освобожденію.

Есть, правда, среди буржуазіи люди, которые, при одном намекѣ на подоходный налог, пугаются и уже представляют себя «ограбленными» в пользу «черни»; людей, которые дрожат и прячутся при малѣйшей тревогѣ, что не мѣшает им кричать точно их рѣжут, как только кто-нибудь сдѣлает вид, что хочет тронуть их привилегіи, не мало среди буржуазіи. Возможно также, что в числѣ тѣх, кто защищает эту реформу, есть и люди искренніе, дѣйствительно вѣрящіе в ея полезность. Во всяком случаѣ, как крики ужаса одних, так и наивная вѣра других, ведут к тому, что обманутые рабочіе принимают эту игру за серьезное дѣло и перестают слушать тѣх, кто доказывает, что им нечего ждать от эксплуататоров и что дѣйствительно освобожденіе наступит для них только тогда, когда эти эксплуататоры исчезнут.

В старыя времена, когда существовала десятина, рабочій народ знал, сколько именно он платит своим господам и угнетателям: столько-то шло помѣщику, столько-то попу, столько-то тому, столько-то другому. В концѣ-концов, он замѣтил, что для него самого остается при такой системѣ слишком мало, и устроил революцію. Власть перешла в руки буржуазіи, а так как народ боролся за уничтоженіе десятины, то возстановить ее было бы слишком неосторожно. И вот, буржуазія изобрѣла прямыя и косвенныя налоги. Та же десятина продолжала взиматься по-прежнему, но только деньги государству платили прежде всего капиталисты, торговцы и различнаго рода посредники, которые уже затѣм с избытком вознаграждали себя на счет карма-

В разумно устроенном обществѣ труд должен перестать быть для человѣка тягостью и страданіем, каким он является, благодаря своей чрезмѣрности, в нашем эксплуататорском строе. Он должен сдѣлаться ничѣм иным, как одним из занятій в ряду всевозможных других развлеченій и работ — физических и умственных, — которыя люди будут выбирать себѣ сообразно своим склонностям и без которых они постепенно превратились бы в простые пищеварительныя мѣшки, что не преминуло бы случиться с буржуазіей, если бы ей удалось упрочить свое господство, и. что уже случилось с одним видом муравьев, которые потеряли способность сами кормиться и умирают с голоду, если возлѣ них не окажется рабов.

«Конечно», возражают наши противники, «все это очень хорошо и ваш идеал, несомнѣнно, — высшій идеал, к какому только может стремиться человѣчество; но что вам ручается за то, что все пойдет так гладко, как вы думаете, что сильные не захотят угнетать слабых, что не найдется лѣнтыев, которые предпочтут жить на счет чужого труда? Если напор толпы не будет сдерживаться никакой плотинной, то кто знает, не окажется ли революція шагом назад, вмѣсто того, чтобы быть шагом вперед? А если она будет побѣждена, то не приведет ли это к застою в идеях на какіе-нибудь двадцать, тридцать, пятьдесят, а может быть и больше, лѣтъ?

Если же вы побѣдите, то развѣ вы сможете помѣшать отдѣльным случаям мести? разве вы сможете всегда сдерживать толпу? И с той, и с другой стороны тогда разгорятся дикія, животныя страсти, свойственныя человѣку, вернувшемуся к состоянію зверя».

Мы отвѣтим на это, что все окружающее неизбѣжно ведет нас к этой революціи; и все обостряющійся экономическій кризис, и все большая трудность жизни, и политическія затрудненія, все усиливающіяся и заставляющія

раз общество будет основано уже не на борьбѣ интересов, а, наоборот, на самой тѣсной солидарности, раз людям не придется дрожать за будущее и постоянно думать о том, чтобы скопить копѣйку на черный день, — они перестанут смотрѣть друг на друга как на врагов, каждую минуту готовых перегрызться из за куска хлѣба или возможности работать на какого-нибудь эксплуататора. Причины борьбы и вражды исчезнут, а вмѣстѣ с тѣм в обществѣ воцарится согласіе».

Будет, конечно, существовать соревнованіе между различными группами — соревнованіе в достиженіи лучшаго, в достиженіи той или другой идеальной цѣли, которая будет все больше и больше расширяться по мѣрѣ того, как стремленія личностей будут находить себѣ удовлетвореніе. Но это соревнованіе будет вполне мирным, потому что к нему не будет примѣшиваться никакого торгашескаго или правительственнаго интереса; тѣ группы, которыя останутся от других, всегда смогут воспользоваться плодами дѣятельности болѣе передовых.

В наше время существованіе бѣдности зависит от того, что торговые склады переполнены товарами, так что, пока они не найдут сбыта, очень многіе рабочіе остаются без работы и голодают; это одно уже ясно показывает нам всю ненормальность современнаго общественнаго строя.

В том обществѣ, к которому мы стремимся, будет происходить обратное; чѣм в большем изобиліи окажутся продукты, тѣм легче установится всеобщее согласіе, потому что людям не придется высчитывать размѣров своего потребления; чѣм быстрѣе научатся они производить, тѣм больше будет введено усовершенствованных машин, тѣм меньше будет количество труда, на долю cadaго, и тѣм скорѣе этот труд сдѣлается тѣм, чѣм он должен быть, т. е. необходимой гимнастикой для упражненія мускулов.

нов производителей и потребителей. А так как послѣдніе не имѣют дѣла непосредственно с казной, то они и не могут дать себѣ точнаго отчета в том, сколько именно они платят; все идет таким образом, к лучшему в лучшем из буржуазных міров.

Во Франціи, говорят нам, на cadaго человека приходится от 130 до 140 франков податей в год; вѣдь это — сумма настолько незначительна, что не стоит отказывать себѣ в удовольствіи имѣть за такую дешевую плату, почти даром, правительство, которое берет на себя заботу о вашем благополучіи! Это, конечно, даром, но дѣло в том, что, рабочій не замѣчает, что, так как только он производит, то только он и платит: он вносит не только ту сумму, которая приходится на его долю, но и то, что приходится на долю разных паразитов, живущих продуктами его труда.

Сколько бы софизмов не пускали в ход буржуазные экономисты ради оправданія существованія капиталистов, во всяком случаѣ несомнѣнно одно: капитал сам умножаться не может, а может быть только продуктом труда; но так как капиталисты сами не работают, то их капитал должен быть результатом труда других. Вся торговля между отдѣльными личностями и между народами, весь обмѣн, всѣ международныя сношенія — все это существует благодаря труду, а барыш, получаемый различными посредниками, есть ничто иное, как та же десятина, взимаемая владѣтелями капитала с труда производителей.

Если мы получаем от земли различные продукты: хлѣб, овощи, плоды, служащіе нам в пищу, лен и коноплю, которые мы употребляем на одежду, то развѣ мы обязаны этим вложенному в землю капиталу? Развѣ благодаря ему существуют пастбища для нашего скота? Развѣ одной силы капитала было бы достаточно для полученія из копеек металлов, нужных нам в разных отраслях нашей промышленности, для машин и для всевозможных инструментов?

Развѣ капитал обрабатывает сырой матеріал и превращает его в предметы потребления? Никто не рѣшится этого утверждать, и даже сама буржуазная политическая экономія, все сводящая к капиталу, не идет так далеко: она старается только доказать, что раз капитал необходим для всякаго промышленнаго предпріятія, он имѣет право на долю — и притом самую большую — в получаемой прибыли, в вознагражденіе за тот риск, которому он якобы подвергается.

Чтобы показать бесполезность капитала, прибѣгнем к извѣстной и много раз уже служившей гипотезѣ: представим себѣ, что всѣ виды денег — золотыя и серебряныя монеты, банковые билеты, векселя, чеки и другія цѣнныя бумаги — исчезли; что же, неужели производство от этого пріостановится? Неужели крестьянин перестанет обрабатывать землю, углекоп — работать в копях, фабричный рабочій — производить различные предметы потребления? Неужели рабочіе не найдут средства устроить обмѣн продуктов и продолжать жить и производить, несмотря на устраненіе денег? Отвѣтъ на эти вопросы может быть только один, и он ясно показывает нам, что капитал служит лишь маской, скрывающей бесполезность общественных паразитов и позволяющей им взимать за свое посредничество дань с рабочаго класса. Поэтому, к каким бы средствам государство не прибѣгло для обложенія налогами доходов с капитала, эти налоги в концѣ концов все равно падут на производителей, потому что и сами доходы зависят исключительно от труда этих послѣдних.

Чѣм больше будет этот налог, тѣм большею тяжестью он ляжет на рабочих, а разнаго рода посредники еще увеличат ее. И, в концѣ концов, благодаря недостаткам, присущим нашему общественному строю, хваленая реформа обратится в новое орудіе эксплуатаціи и грабежа.

Глава XXI Что же будет послѣ?

«А что же будет послѣ?» спрашивают нас иногда наши противники, когда нам удастся, наконец, показать им недостатки нашего современнаго общественнаго строя и выяснить, что никакая реформа невозможна при его существованіи, что самыя лучшія из них неизбѣжно, в силу самых существующих учрежденій, обращаются против своей первоначальной цѣли и только ухудшают положеніе эксплуатируемых; что всякая реформа, способная дѣйствительно улучшить положеніе рабочаго, должна для этого измѣнить существующія учрежденія в самых их основах, а так как правящіе классы никогда на это не согласятся, то для ея осуществленія все равно придется прибѣгнуть к революціи.

Но эта революція пугает многих связанными с нею потрясеніями, а потому, вполнѣ признавъ болѣзненное состояніе общества, они останавливаются перед этим средством к его измѣненію.

«Конечно», говорят они, «может быть вы и правы: общество, дѣйствительно, плохо устроено и должно измѣниться. Что касается революціи, то... пожалуй, я ничего не имѣю против нея... но что же будет дальше?»

«А дальше», отвѣчаем мы, «личностям будет предоставлена полная свобода и полная возможность удовлетворенія своих физических, умственных и нравственных потребностей. Раз власть и собственность будут уничтожены,

слѣдователя и свидѣтельству полицейских, суд всегда при-мѣняет к нему высшую мѣру наказанія.

Да, прекрасная вещь закон! Он, несомнѣнно, справедлив в одном отношеніи: это — что если завтра власть перейдет в другія руки, то новые правители употребят его как оружіе против тѣх, кто пользуется им теперь.

Итак, к какой бы области мы не обратились, мы вездѣ увидим, что всѣ наши стремленія подавляются современным общественным строем, что масса оказывается повсюду угнетенной ничтожным меньшинством, которое гораздо больше берет от общества, чѣм само дает ему.

Опасенія, которыя высказываются относительно возможности исчезновенія в будущей революціи нѣкоторых сторон современной жизни, касаются только таких областей, до которых массѣ нѣтъ и не должно быть ровно никакого дѣла. Что же касается положительных знаній, то они могут только выиграть от общественнаго переворота. Не будем же останавливаться перед напрасными страхами и примемся лучше с удвоенной силой за разрушеніе существующаго общества, которое держится еще только благодаря лжи и софизмам!

Послѣ подоходнаго налога, уже пережившаго время наибольшей своей популярности, самой излюбленной реформой является в настоящее время сокращеніе рабочаго дня с установленіем минимальной заработной платы.

Установить — в пользу рабочих — извѣстныя определенныя отношенія между трудом и капиталом, добиться того, чтобы работать не двѣнадцать часов в день, а восемь — кажется, с перваго взгляда громадным шагом вперед; нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, если многіе увлекаются этим паліативом и употребляют на достиженіе его всѣ свои силы, в полной увѣренности, что работают для освобожденія рабочаго класса. Но мы уже видѣли, когда нам пришлось говорить о государственной власти, что у этой власти есть только одна задача: это — поддержаніе существующаго порядка вещей. Поэтому, требовать, чтобы государство вмѣшивалось в отношенія между трудом и капиталом, значит идти наперекор всякой логикѣ: это вмѣшательство может оказаться выгодным только для тѣх, чьи интересы государство призвано защищать. Мы уже видѣли на примерѣ подоходнаго налога, что роль капиталиста — существовать на счет настоящаго производителя; поэтому, совѣтовать рабочим просить у буржуазіи ограничить свои доходы, когда она только и старается о том, чтобы их как-нибудь увеличить, — значит не больше не меньше, как жестоко смѣяться над ними. Даже для политических измѣненій, гораздо менѣе важных, чем это, и то потребовались цѣлыя революціи.

Если рабочій день будет уменьшен до восьми часов, говорят нам защитники реформы, это уменьшит безработицу, происходящую от перепроизводства, и даст возможность рабочим поднять в послѣдствіи заработную плату. С перваго взгляда, это разсужденіе кажется вполнѣ правильным, но для всякаго, кто попытается дать себѣ отчет в явленіях,

связанных с современным строем нашего так называемого общества, скоро станет ясна ошибочность его.

Мы уже видѣли выше, что излишек товаров в торговых складах происходит не от слишком больших размѣров производства, а от того, что большинство производителей живет в нуждѣ и не может потреблять столько, сколько ему нужно. Самый правильный путь для рабочаго, чтобы обезпечить себѣ работу, это — захватить в свои руки всѣ тѣ продукты, которых его лишают и употребить их на удовлетвореніе своих потребностей. На этой сторонѣ вопроса мы поэтому останавливаться не будем; мы хотим только показать, что эта реформа не может принести рабочим и никакой денежной выгоды.

Когда капиталист вкладывает свои капиталы в какое-нибудь промышленное предпріятіе, он имѣет в виду, что это предпріятіе будет приносить ему доход. При настоящих условіях, напримѣр, он считает, что для полученія извѣстнаго барыша ему нужно десять, одиннадцать или двѣнадцать часов труда его рабочих. Если вы уменьшите продолжительность рабочаго дня, эти расчеты нарушатся, и барыш предпринимателя падет, а так как капитал непременно должен приносить ему извѣстный опредѣленный процент и весь труд капиталиста именно в том и состоит, чтобы найти путь к этому, покупая как можно дешевле и продавая как можно дороже (т. е. обкрадывая как можно лучше всѣх тѣх, с кѣм он входит в сношенія), то он примется искать новаго способа наживы, с цѣлью вознаграждать себя за понесенный убыток.

Ему представятся для этого три пути: или повысить цѣну продуктов, или уменьшить плату рабочим, или, наконец, заставить этих послѣдних производить в восемь часов то, что они раньше производили в двѣнадцать.

Против второго из этих способов сторонники реформы оберегаются тѣм, что требуют одновременнаго установ-

цѣли. Уголовный кодекс, как и прежде, падает всею своею тяжестью на бѣдняка, оставаясь снисходительным и уступчивым по отношенію к классу привилегированному. Закон все также строг к тому, кто украдет у сосѣда кролика, но он все также оставляет безнаказанными банкиров, ворочающих милліонами — биржевых игроков, дѣльцов. «Соединеннаго Общества» или Панамы, разных участников операцій Март и Рейно, Массе и Берно; попрежнему мошенники, открывающіе розсыпи перца или залежи сахара, могут в полной безопасности дурачить довѣрчивых людей. Если иногда слѣдователь и оказывается вынужденным вмѣшаться в их дѣла и спросить у них кое-каких объясненій, то он не заставляет привести их к себѣ под конвоем двух полицейских, как это дѣлается с анархистами, а сам смиренно является к ним, сознавая всю неумѣстность своего нескромнаго вмѣшательства и, конечно, не дает дѣлу никакого хода. А потом он старается наверстать потерянное, строго осудив какого-нибудь бѣдняка, который за неимѣніем денег, пообѣдает гдѣ-нибудь и не заплатит за обѣд.

Перед законом всѣ равны — это мы прекрасно знаем; но если какому-нибудь пьяному случится оказать хоть малѣйшее сопротивленіе грубо схватившим его полицейским или даже просто выразить свое недовольство, то его осудят за «оскорбленіе полиціи»; может быть, в участкѣ его звѣрски изобьют и оставят на койкѣ полумертвым, но и тогда он должен быть рад, если его при этом еще не осудят за «оскорбленіе дѣйствіем» тѣх же полицейских.

Всѣ тѣ, кому случается бывать в судѣ, отлично знают, что когда челоуѣка судят за оскорбленіе полиціи или за сопротивленіе ей, то, как бы не было это обвиненіе ложно, адвокат всегда совѣтует подсудимому не отрицать его, а только просить снисходительности суда, потому что, если подсудимый осмѣливается противорѣчить заключеніям

худшем, чѣм раньше, так как, помимо его матеріальной нужды, в нем живет кромѣ того сознание, что эта нужда — незаслужена, так как он — единственный производитель всего, что потребляется, всего, что дает возможность наслаждаться жизнью.

Он видит, что магазины переполнены товарами, а самому ему приходится сидѣть без работы, и это происходит от того, что он и его семья принуждены лишать себя многого и не могут потреблять столько, сколько им нужно. Он знает, что его нужда зависит именно от тѣх причин, которыя создают богатство его эксплуататоров. Если бы ему предоставили возможность пользоваться всѣми продуктами соотвѣтственно его потребностям и если бы его не принуждали переутомляться ради того, чтобы производить все больше и больше, товары не залеживались бы в складах и не было бы безработицы, во время которой ему и его семьѣ приходится умирать с голоду.

Вот что неизбежно говорит себѣ всякій мыслящій рабочий, когда он наблюдает и обсуждает тѣ явленія, с которыми ему приходится сталкиваться в жизни. Да, рабочий развился и понял цѣну прогресса — того прогресса, который тотчас же исчезает, как только он хочет им воспользоваться; поэтому его болѣе обострившіяся чувства заставляют его теперь страдать от таких причин, которых он прежде даже не замѣчал. А опыт, опять-таки, не только не подает ему надежды на улучшение,

но, наоборот, предвѣщает все большую нужду, все болѣе сильный и все болѣе унижительный гнет.

Нам остается еще разобрать вопрос о постепенном усовершенствованіи законов, якобы все болѣе приспособляющихся к интересам общей пользы и к ея охраненію. Но и здѣсь мы не находим ничего, кромѣ пустой приманки: самые лучшіе законы, по самому существу своему, на практикѣ совершенно отклоняются от своей первоначальной

ленія минимальной заработной платы. Что касается первого, то вряд-ли предприниматели будут рассчитывать на повышение цѣн продуктов, потому что им помѣшает в этом конкуренція; но во всяком случаѣ, если бы дороговизна жизни возросла по мѣрѣ увеличенія заработной платы, то это послужило бы доказательством того, что всю тяжесть реформы опять-таки придется нести рабочему. Если он будет получать за восемь часов работы то же, что получает теперь, то его положеніе окажется худшим, потому что повышение цѣн сдѣлает для него этот заработок сравнительно меньшим.

На примѣрѣ сѣверной и южной Америки мы видим, что повсюду, гдѣ рабочему удалось добиться высокой заработной платы, одновременно с этим увеличилась дороговизна жизни: если рабочему случается получать в день двадцать франков, то это значит, что для того, чтобы жить так, как может жить человек, имѣющій хорошій заработок, ему нужно было бы двадцать пять; этот заработок всегда, таким образом, остается ниже средняго необходимаго уровня.

Но в наш вѣкъ пара и электричества, конкуренція требует от производства быстроты и дешевизны; поэтому для вознагражденія своих убытков эксплуататоры не будут особенно рассчитывать на вздорожаніе продуктов. Самым удобным средством охранить свои барыши явится для них третье, т. е. они постараются заставить рабочих производить в восемь часов то, что они производили в двѣнадцать.

Рабочему придется работать быстрѣе, а благодаря этому то загроможденіе рынка товарами и та безработица, которых хотѣли избѣгнуть, останутся прежними: размѣры производства не измѣнятся, а возможности потреблять будет у рабочаго не больше, чѣм теперь.

Но этой безуспѣшностью реформы дѣло не ограничится: уменьшеніе рабочаго дня поведет за собою, прежде все-

го, введеніе болѣ совершенных машин и замѣну живого рабочаго рабочим желѣзным. В благоустроенном обществѣ это было бы шагом вперед, но в нашем — оказывается только лишней причиною бѣдности. Кромѣ того, при болѣ скорой работѣ, рабочему придется усилить быстроту своих движеній, больше сосредоточиваться на своей работѣ, а это напряженіе сил всего организма будет для него еще болѣ вредным, чѣм продолжительность труда. Правда, он будет работать меньшее число часов, но он будет тратить в это гораздо болѣ короткое время больше сил, а потому будет утомляться сильнѣе и скорѣе.

Если мы обратимся к примѣру Англии, на которую нам указывают сторонники реформы и гдѣ рабочій день сведен к 9-ти часам, то мы увидим, что это «улучшеніе» является, в дѣйствительности скорѣе «ухудшеніем» для рабочих. В подтвержденіе сошлемся на того самага Маркса, котораго инициаторы реформы считают своим оракулом.

В первом томѣ «Капитала» мы находим слѣдующую выдержку из доклада одного фабричнаго инспектора (стр. 418 перваго русскаго изданія): «Так, напримѣр, относительно гончарнаго производства фирма Cochrane под названіем „Britain Pottery, Flaggow“ говорит: „чтобы поддержать количество продуктов, мы усиленно вводим в употребленіе машины с неискусными рабочими, мы ежедневно болѣе и болѣе убѣждаемся, что можем этим путем производить больше, нежели старым способом“.... „Вліяніе фабричнаго закона выражается в том, что он понуждает к дальнѣйшему введенію машин“».

А на стр. 370 мы находим слѣдующее:

«Поэтому, хотя инспекторы фабрик без устали, имѣя на это полное право, восхваляли благопріятные результаты фабричных законов 1848–1850 гг., однако они сознаются, что сокращеніе рабочаго дня вызвало усиленіе напряженія труда, разрушающее здоровье, а слѣдовательно и

его эксплуататорами, сам он становится сознательнѣе и лучше умѣет оцѣнивать свое личное достоинство. Он знает теперь, что и эта сравнительная роскошь, и эти болѣе высокія потребности вполне законны, и что он сам приобрѣл на них право собственными силами.

Да никто и не осмѣлится утверждать, что эти увеличившіеся расходы излишни для рабочаго; никто не рѣшится оспаривать его право на долю участія в пользованіи тѣми благами, созданію которых он содѣйствует. Только у экономистов старой школы может еще хватить глупости и нахальства упрекать рабочаго в непредусмотрительности и говорить ему о бережливости, когда он и так имѣет возможность удовлетворить только ничтожную долю своих потребностей.

Современному рабочему можно тѣм менѣе поставить в упрек развившіяся в нем новыя потребности, что он ищет их в наше время очень тяжелыми лишеніями и что то — очень относительное — благосостояніе, которым он, дѣйствительно, пользовался во время наиболѣе быстрого роста промышленности, теперь составляет в каждом ремеслѣ удѣл лишь небольшого меньшинства привилегированных рабочих. Большинство же принуждено жить на такую заработную плату, которая, если принять во вниманіе безработицу, оказывается нисколько не выше, чѣм пятьдесят лѣтъ тому назад.

Если потребности рабочих увеличились, скажем, вдвое, то за то производительность труда увеличилась в десять раз; повышеніе заработной платы и удешевленіе продуктов позволили им дать удовлетвореніе этим возросшим потребностям; однако, в конечном счетѣ, больше всего воспользовались этим развитіем производства все-таки капиталисты. Новыя потребности рабочаго, нарождающіяся в наше время, уже не могут найти себѣ удовлетворенія, вслѣдствіе безработицы, и он оказывается в положеніи еще

сти их удовлетворенія; теперь, напримѣр, рабочій¹ ѣст за обѣдом мясо и пьет вино, чего он не мог сдѣлать хотя бы только пятьдесят лѣт тому назад. Но нужно имѣть в виду и то, что одновременно возросла очень сильно и производительность его труда, так что, расходуя гораздо больше сил, он нуждается, для восстановленія их, и в гораздо большем числѣ питательных веществ.

Пятьдесят лѣт тому назад рабочій ходил по воскресеньям в блузѣ и питался овощами и сыром; иногда, в понедѣльник, ему случалось, гдѣ-нибудь за городом, съѣсть жаренаго кролика и выпить нѣсколько бутылок вина, и это считалось уже необыкновенным празднеством, о котором долго помнили и которое, конечно, не повторялось каждую недѣлю. Но за то он не был, в своей мастерской, прикован к быстро движущейся машинѣ, за которой нужно непрерывно слѣдить. Работа была по большей части ручная и дѣлалась не спѣша: рабочій производил, сколько мог. Хозяин был часто товарищем своих рабочих, был не прочь выпить вмѣстѣ с ними и требовал усиленной работы только тогда, когда ему нужно было к сроку сдать спѣшный заказ, в остальное же время они производили сколько могли.

В наше время, рабочій — машина; своих эксплуататоров он по большей части даже не знает. В этом отношеніи, в смыслѣ нравственных условій работы, он, слѣдовательно, проиграл.

Правда, его потребности увеличились и ему нужна теперь такая сравнительная роскошь, без которой он прежде мог обходиться, но это зависит, во-первых, как мы уже говорили, от увеличенія затраты его сил, а во-вторых — от большаго умственного развитія. В то время, как внѣшнія условія ставят его на болѣе низкій уровень сравнительно с

¹ Французскій, конечно. Прим. пер.

самую рабочую силу. „Кажется, в большей части хлопчатобумажных, шерстяных и шелковых фабрик изнуреніе, вслѣдствіе возбужденнаго состоянія, — необходимаго для работ при машинах, движеніе которых в послѣдніе годы так необыкновенно ускорилося, — составляет одну из причин сильно-увеличивающейся смертности от болѣзней легких“, как показал D-г. Greenhow в своем превосходном послѣднем отчетѣ. Коль скоро капиталу прегражден законом путь **удлиненія рабочаго дня**, то *не подлежит ни малѣйшему сомнѣнію*¹, что он будет стремиться наверстать это систематическим повышеніем **степени интенсивности труда**, и обратитъ каждое усовершенствованіе машины в средство сильнѣйшаго высасыванія рабочей силы. Но это стремленіе, дойдя до извѣстной степени, необходимо ведет за собою новое сокращеніе рабочих часов».

Итак, замѣна рабочаго машиной и большая опасность заболѣть для того, кто работает, вообще — уничтоженіе всякаго вліянія реформы и возвращеніе к исходной точкѣ (даже оставляя в сторонѣ происшедшія ухудшенія) — таковы выгоды этой благодѣтельной реформы. Результаты, кажется, достаточно ясные.

«Все это — правда», возразят нам, «но вѣдь развитіе машинизма все равно произойдет, даже если мы будем работать двѣнадцать часов. Уменьшеніе рабочаго дня все-таки вносит хотя бы временное улучшеніе, потому что дает нам возможность оставаться на фабрикѣ не двѣнадцать часов, а всего восемь, а это — нравственная побѣда, которой мы пока и довольствуемся». Такое возраженіе показывает только, что наши противники обладают добрым сердцем и довольствуются малым; но мы, анархисты, — болѣе требовательны и находим, что нечего попусту терять время, гоняясь за преобразованіями, которыя ровно

¹ Курсив наш.

ничего не преобразуют. Стоит ли пропагандировать мѣру, которая хороша только пока не примѣнена на практикѣ, а как только переходит в жизнь, так обращается против преслѣдуемой цѣли?

Машинизм, конечно, постепенно развивается, но в настоящее время это развитие, благодаря господствующей рутинѣ, совершается довольно медленно. Известно, сколько сил приходится употребить на то, чтобы заставить принять какое-нибудь новое изобрѣтеніе: эксплуататоры порывают с рутинной только тогда, когда им приходится сдѣлать это под угрозой раззоренія. Все это ускоряет ход событий и приближает ту социальную революцію, которую мы предвидим. А так как она все равно неизбежна, то мы не хотим быть застигнутыми врасплох и стараемся приготовить заранее, чтобы в момент, когда она произойдет, воспользоваться ею соотвѣтственно нашим убѣжденіям. Мы стремимся внушить рабочим, что им нечего ждать от подобнаго рода дѣтских забав и что единственный путь к преобразованію общества, это — разрушеніе управляющих им учрежденій.

В самом дѣлѣ, давящее нас эксплуататорское общество слишком хорошо организовано для того, чтобы вся его дѣятельность измѣнилась от маленькаго преобразованія в его механизмѣ, от маленькаго улучшенія в его приѣмах. Мы уже видѣли, что всякое улучшеніе, всякое новое усовершенствованіе тотчас же обращается во вред трудящемуся классу и становится новым орудіем эксплуатаціи в руках тѣх, кто захватил в свои руки все общественное богатство. Если вы хотите, чтобы прогресс был полезным для всѣх, если вы хотите дѣйствительнаго освобожденія рабочаго, вы должны начать с уничтоженія причины того зла, с которым вы боретесь.

Бѣдствія рабочих происходят от того, что они вынуждены производить на цѣлюю армію паразитов, сумѣвших

Представьте тѣх, кто совершенно несправедливо хочет захватить в свою пользу плоды общаго солидарнаго труда, их собственной участи; пусть представители прошлаго пытаются сколько угодно удержать свои привилегіи, несправедливость которых все больше и больше обнаруживается с каждым шагом человѣческой эволюціи. Если вы таким образом и не предотвратите столкновенія (их упорство дѣлает его неизбежным), то, по крайней мѣрѣ, можете спасти от гибели научныя завоеванія, потеря которых была бы, несомнѣнно, огромным вредом для человечества. Но помните, что есть люди, которые страдают и умирают с голоду, которые не имѣют возможности развиваться ни физически, ни умственно, которых лишили всѣх тѣх благ, исчезновенія которых вы так боитесь; этим людям надоѣло быть обездоленными и они хотят, наконец, пользоваться этим общим достояніем. Помогите им завоевать эти блага: справедливость требует этого. Это — единственное средство их сохранить. Если же вы этого не сдѣлаете, то пеняйте на себя и свою трусость в случаѣ, если побѣда народных масс поведет к каким бы то ни было катастрофам (если только, дѣйствительно, такая опасность существует).

Послѣднее возраженіе, которое нам дѣлают, заключается в том, что, во всяком случаѣ, в обществѣ замѣчается известныи прогресс, что общій уровень нравственнаго и умственнаго развитія рабочаго повышается, его положеніе становится лучше, его потребности возрастают и получают возможность удовлетворенія, что даже самый закон подвергается преобразованіям, и законодательство все болѣе и болѣе приспосабливается к требованіям общей пользы.

Посмотрим, насколько и в каких предѣлах всѣ эти положенія вѣрны.

Несомнѣнно, общій уровень развитія рабочаго повысился, его потребности возросли вмѣстѣ с ростом возможно-

бождене их может привести к остановкѣ хода прогресса, то они должны примириться с своим непосильным трудом и тяжелою жизнью; что это нужно ради того, чтобы ничтожная кучка ученых изслѣдователей, окруженная другим меньшинством паразитов, поглощающих для своей личной пользы продукты труда всѣх, могла свободно работать над разрѣшеніем научных вопросов. Имѣйте смѣлость высказать ваше мнѣніе, скажите все это тѣм, кто умирает с голоду, чьи силы истощаются в изнурительном, каторжном трудѣ — и вы увидите, как вас встрѣтят.

Напрасно вы будете прибавлять, что их терпѣніе пойдет в пользу.... будущим поколѣніям, что эти послѣднія пожнут плоды самоотверженія предков.... тогда, когда будут, наконец, найдены и приложены полезныя реформы. Бѣдняки отвѣтят вам, что они отказались от христіанства именно потому, что оно обѣщало им рай только послѣ смерти; вы же можете обѣщать лучшее будущее только их потомкам. Они скажут вам, что им надоѣло работать и страдать для других, что они хотят пользоваться плодами своих трудов и страданій не в лицѣ будущих поколѣній, а теперь, — и они будут совершенно правы.

Если вы не хотите гибели прогресса и исчезновенія науки, не сопротивляйтесь требованіям обездоленных масс: вмѣсто того, чтобы стараться сохранить нездоровое и уже разрушающееся зданіе, помогите нам лучше очистить от него почву, чтобы, когда народная волна ударит в мѣшающія ей учрежденія, не раздражать ее понапрасну бессмысленным и несправедливым сопротивленіем. Вмѣсто того, чтобы становиться на сторону защитников прошлаго, пусть всякій человек, мыслящій и дѣйствительно стремящійся служить развитію человѣческаго ума, перейдет на сторону тѣх, которые не требуют ничего другого, кромѣ возможности воспользоваться своей долей того счастья и свѣта, созданію котораго они сами содѣйствовали.

захватить в свою пользу львиную долю продуктов. Если вы относитесь к дѣлу искренно, не теряйте же времени на согласованіе непримиримых интересов, не старайтесь об улучшеніи положенія, которое ничего хорошаго дать не может; уничтожьте лучше общественный паразитизм. А так как этого нельзя ожидать от людей, которые сами — ничто иное, как паразиты, и, вмѣстѣ с тѣм, это не может быть дѣлом никакого закона, то мы и говорим, что систему эксплуатаціи нельзя улучшить, а можно только уничтожить.

Кромѣ этих двух реформ, существует еще одна, которой нѣкоторыя, даже просвѣщенные умы, придают извѣстное значеніе: это — увеличеніе налога на наслѣдство по косвенной линіи.

Послѣдствія этого были бы совершенно тѣ же, как при введеніи подоходнаго налога. Кромѣ того, мѣра эта могла бы быть примѣнена только к поземельной собственности, во всем же остальном ее совершенно парализовало бы развитіе анонимных и акціонерных обществ — развитіе, которое тогда, несомнѣнно, пошло бы еще быстрее. Вмѣсто того, чтобы быть собственниками своих имѣній, усадеб, домов и лѣсов для охоты, богачи стали бы их нанимать, а отдача в наем организовывалась бы новыми анонимными обществами, на зло всѣм государственным мѣропріятіям.

Государство смогло бы контролировать таким образом лишь незначительное число наслѣдств, и закон сдѣлался бы совершенно бесполезным. Кромѣ того, благодаря массѣ всевозможных предварительных соглашеній между тѣми, кто оставляет наслѣдство, и тѣми, в чью пользу он хочет им распорядиться, послѣдніе всегда будут имѣть возможность получить наслѣдство и помимо прямого права наслѣдованія.

Чтобы помѣшать этому, пришлось бы создать сотни законов, которые стали бы вмѣшиваться во всѣ человѣческіе

поступки и отношенія и мѣшать людям распоряжаться своим имуществом; но даже и при такой инквизиторской системѣ нельзя было бы быть увѣренным в том, что цѣль будет достигнута. Чтобы заставить общество примириться с такого рода мѣрами, пришлось бы прибѣгнуть к революціи или к государственному перевороту: А раз уже будет революція, то не лучше ли сдѣлать ее ради дѣйствительнаго шага вперед, чѣм ради введенія стѣснительных мѣр?

Но даже если мы допустим, что эти мѣры окажут извѣстное вліяніе на распредѣленіе собственности, то в чем же измѣнится положеніе рабочаго? Собственность еще раз перейдет из однѣх рук в другія, но она опять-таки не попадет в распоряженіе рабочих. Собственником сдѣлается государство и оно же будет заниматься эксплуатаціей, а мы уже видѣли выше (когда говорили о государственной власти), что ничего полезнаго для себя рабочій от него ожидать не может. Пока деньги будут лежать в основѣ всего общественнаго устройства, до тѣх пор им будут управлять люди, их имѣющіе. Будет ли государство само непосредственно эксплуатировать тѣ имущества, которыя окажутся у него в руках, или оно отдаст их в аренду частным лицам, — операція эта все равно будет происходить в пользу тѣх, кто уже владѣет собственностью. Допустим даже, что ею воспользуется какой-нибудь вновь образовавшійся класс: это опять-таки будет в ущерб всѣм остальным.

Но чтобы допустить возможность осуществленія этой реформы, мы должны были прежде всего сдѣлать другое предложеніе, а именно, что буржуазія, возведшая в догмат неприкосновенность частной собственности и построившая на ея законности и на необходимости ея защиты все свое законодательство, — что эта самая буржуазія позволит нарушить порядок, который она сама считает незыблемым. Может ли кто-нибудь сказать, сколько времени понадобится на то, чтобы убѣдить буржуазію согласить-

меньшем противорѣчій с идеями, господствовавшими в большинствѣ, и всякій раз, когда дѣлалось какое-нибудь новое открытіе, чтобы убѣдиться в его истинности, его приходилось провѣрять на опыте. Если бы такой опыт уже был когда-нибудь сдѣлан в прошлом, это значило бы, что данная идея не нова и что, прежде чѣм добиться этого опыта, ей пришлось уже пережить нѣкоторую борьбу. Она была бы уже тогда совершенно готова к осуществленію в практической жизни.

Возьмем, наконец, простое и много раз приводившееся, но, в сущности, совершенно вѣрное сравненіе: когда у человѣка желтуха, то он не старается улучшить ее, а хочет совсѣм от нея избавиться. Мы гибнем от бѣдности и эксплуатаціи и стремимся освободиться от убивающаго нас ига, что же с нами еще может случиться худшаго?

Я знаю заранѣе, что в отвѣтъ на это мы услышим старую пѣсню об опасности, грозящей прогрессу, о погибели науки во всеобщем катаклизмѣ, о том, что человѣческому уму грозит опасность пойти назад, раз только побѣда достанется народным массам, болѣе грубым и менѣе образованным, чѣм правящіе классы.

Ниже мы покажем, что эти опасенія напрасны; но допустим на минуту их справедливость. Какое значеніе могут они имѣть для тѣх, кто незаслуженно страдает и кому, наконец, страдать надоѣло? Какое дѣло до прогресса и всѣх чудес промышленности тѣм, кого судьба заставляет только быть орудіями их и никогда ими не пользоваться? Что такое наука и всѣ открытія человѣческаго ума, если они должны вѣчно служить только для большаго и большаго порабощенія и отупленія страдающей массы, которой общество отказывает в возможности развитія?

Попробуйте-ка сказать рабочим, что, хотя вы и от души жалѣете об их бѣдственном положеніи и всѣм сердцем сочувствуете их страданіям, но, так как внезапное осво-

ства, которыя заставляють его желать уменьшенія наших бѣдствій, превращаются в наркотическія средства, смягчающія острую боль и отдающія бѣдников связанными по рукам и по ногам в руки эксплуататоров.

Раз уже борьба неизбежна, не лучше ли приготовить к ней заранѣе, не лучше ли постараться внушить людям наш идеал будущаго, который наши противники сами считают хорошим и только вслѣдствіе рутины не могут признать осуществимым? Не лучше ли сдѣлать так, чтобы в момент революціи люди сумѣли воспользоваться результатами борьбы, которую им придется вести? Пусть они знают тогда, какія учрежденія вредны и должны быть разрушены, пусть не дадут эксплуататорам еще лишній раз обмануть себя.

Не будет ли это рациональнѣе и научнѣе, чѣм терять время на сожалѣніе о том, чему помѣшать мы не можем, и на попытки сохраненія того, что мы сами считаем дурным, но только боимся потерять из страха худшаго?

Логично ли, в самом дѣлѣ, стараться отложить на неопредѣленное время осуществленіе новых идей потому только, что онѣ нигдѣ еще не были приложены на практикѣ и неизвѣстно, что могут дать? Так разсуждать можно только из страха новизны и нежеланія отказаться от привычных понятій; только исходя из этого можно проповѣдовать, что лучше удовольствоваться тѣм, что имѣешь, или пытаться улучшить его, чѣм рисковать попасть в положеніе еще худшее.

Мы можем считать вполне доказанным, что современное общество улучшится только тогда, когда будут преобразованы самыя основы его; отвергать же какую-нибудь идею только потому, что она не доказала своей пригодности на практикѣ, значит разсуждать совершенно противонаучным образом и осуждать человѣчество на полный застой. Новыя идеи всегда оказывались в большем или

ся на мѣры, которыя она будет считать посягательством на ея «права»? А сколько еще времени уйдет, уже послѣ осуществленія этой реформы, на то, чтобы увидать, что она не внесла ровно никаких измѣненій? И не будет ли при этом потеряно столько же времени, сколько, говорят, нужно для осуществленія наших «утопій»?

Мы считаем бесполезным заниматься здѣсь критикой производительных и потребительных товариществ: мы хотим освобожденія полного и всеобщаго и знаем, что освобожденіе отдѣльной личности невозможно без освобожденія всѣх; различныя мелкія попытки частичнаго освобожденія не имѣют, поэтому, для нас интереса. Кромѣ того, концентрація капиталов и постоянное развитіе техники, требующее все болѣе и болѣе крупных затрат, дѣлают безсильным и это орудіе улучшенія положенія отдѣльных мелких групп.

Есть и такіе реформаторы, которые думают внести свою лепту в дѣло освобожденія человѣчества, разрабатывая какую-нибудь одну область знанія; но под влияніем борьбы с различнаго рода препятствіями они, в концѣ концов, доходят до того, что возводят свою мысль в какое-то магическое средство, обладающее всевозможными драгоценными качествами и долженствующее излѣчить наш страждущій общественный организм от всѣх болѣзней. И сколько среди этих фанатиков искренних людей! Сколько среди этого хаоса идей встрѣчается идей цѣнных, которыя принесли бы человѣчеству огромную пользу, если бы их приложить в разумном обществѣ; но теперь, осуществляясь по одиночкѣ и в обществѣ с уродливой организаціей, онѣ могут только или привести к обратным результатам, или быть задушены в самом зародышѣ, не дождавшись даже своего примѣненія.

Среди этих убежденных сторонников одной какой-нибудь мысли мы укажем на одного, очень типичнаго и

вполнѣ подходящаго для тѣх выводов, которые мы хотим сдѣлать: это — Жорж Вилль, проповѣдник системы химическаго удобренія.

Мы не намѣрены входить здѣсь в подробныя объясненія этой системы. Достаточно будет сказать, что химическое изслѣдованіе растеній показало Виллю, что в них входит четырнадцать химических веществ и что эти вещества всегда одни и тѣ же во всѣх растеніях и только мѣняются количественно, смотря по семействам. Изслѣдовавъ затѣм землю и воздух, он увидал, что растеніе может найти там десять из этих веществ и что, слѣдовательно, остается только доставить ему, в видѣ удобренія, четыре остальных, т. е. известь, ѣдкій кали, фосфор и азот. На этом он строит цѣлый проэкт химическаго удобренія, примѣнительно к характеру обрабатываемой почвы и воздѣлываемаго растенія, и доказывает, на основаніи цифр, что при настоящем положеніи наших знаній мы могли бы получать, с меньшей, сравнительно с навозом, затратой удобренія, урожай вчетверо и впятеро большій с той же площади земли; вмѣстѣ с тѣм мы могли бы разводить гораздо больше скота при меньшем количествѣ пастбищ и таким образом понизить цѣну на мясо. Но при этом он спѣшит заключить, что ключ к рѣшенію соціального вопроса лежит именно в улучшеніи земледѣлія. «Изобиліе земледѣльческих продуктов будет выгодно для всѣх», говорит он, «собственники земли получают обильный урожай и смогут продавать свои продукты по низким цѣнам; рабочіе же будут покупать их за дешевую плату и смогут жить в довольствѣ; они будут дѣлать сбереженія, а затѣм, в свою очередь станут капиталистами». Все, одним словом, пойдет к лучшему в лучшем из возможных обществ.

Мы вполнѣ увѣрены в искренности г. Вилля и, насколько наши слабыя познанія в этой области позволяют нам судить о его системѣ, она кажется нам вполнѣ рациональ-

больше сосредоточиваться в руках все меньшаго числа привилегированных?

Предлагать послѣ этого бѣднякам, чтобы они продолжали попрежнему идти эмпирическим путем и ограничивались требованіем поверхностных реформ (потому что тѣ, которыя могут искоренить зло, считаются нежелательными, как могущія довести к революціи) — значит предлагать рабочей массѣ позволить эксплуатировать себя еще неопредѣленно-долгое время, потому что опыт прошлаго показывает нам, что пока не будут измѣнены самыя основы общества, всѣ так-называемыя реформы послужат только в пользу обладателей капитала и власти.

Наши противники — по крайней мѣрѣ, добросовѣстные — сами признают, что современный общественный порядок дурен, что положеніе рабочих в высшей степени печально, что роскошная и праздная жизнь буржуазіи основывается исключительно на их нуждѣ и непосильном трудѣ. Они соглашаются с нами, что такое положеніе не может продолжаться, что революція неизбежна и что сам современный порядок к ней ведет, потому что рано или поздно настанет момент, когда бѣднякъ не захочет больше голодать и работать как вол. Но, в таком случаѣ, раз уже столкновеніе неизбежно, зачѣм тратить силы на то, чтобы стараться его предотвратить? Зачѣм внушать людям надежду на мирный исход, когда мы отлично знаем, что он невозможен?

Это значило бы только играть в руку эксплуататорам, которые стараются усыпить эксплуатируемую массу, чтобы еще лучше поработить ее и еще прочнѣе установить свое господство. Вот еще одно из послѣдствій недостатков нашего современнаго строя: тот, кто не становится рѣшительно на сторону эксплуатируемых и не принимает всѣх их требованій, оказывается силою вещей на сторонѣ эксплуататоров. Всѣ его добрыя намѣренія, всѣ тѣ добрыя чув-

латинскія расы) уже около трех или четырех тысяч лѣтъ, что за все это время эксплуатируемые не переставали ждать исполненія все тѣх же обѣщаній, не переставали страстно бороться за все тѣ же желанныя реформы — и ничего до сих пор не измѣнилось в их положеніи. Мы страдаем все от тѣх же болѣзней, а нам предлагают, под предлогом рациональнаго образа дѣйствій, прибѣгнуть для их излѣченія все к тѣм же припаркам.

Человѣческій ум развился, область науки расширилась, промышленность сдѣлала необычайные успѣхи, радости жизни стали утонченнѣе и многочисленнѣе, но кто воспользовался всѣм этим прогрессом? Все то же владѣющее богатством и праздное меньшинство. А кто умирает с голоду, производя все и не пользуясь ничѣм? Все та же обездоленная масса.

С тѣх пор, как в человѣчествѣ создались первыя общества, эксплуатируемые не переставали заявлять о своих жалобах и требованіях, не переставали бороться без устали, чтобы получить нѣкоторыя уступки, чтобы хоть немного облегчить свое положеніе; они то падали ниц, как рабы, то поднимали голову, как свободные и гордые люди, то просили как нищіе, то брали силою; послѣднее происходило тогда, когда бѣдность и гнет доходили до высшей точки и принуждали их к возстанію, когда они предпочитали смерть своему настоящему положенію.

И однако их положеніе не мѣняется. Часто случалось, что эксплуататорам приходилось уступать им мѣста в законодательных собраніях, соглашаться на нѣкоторыя из требуемых реформ, или самим смягчать до извѣстной степени свой экономическій и политическій гнет. Но меньше ли становилось от этого угнетеніе управляемой ими массы? меньше ли эксплуатировался народ? ослабѣвала ли бѣдность? переставало ли богатство с каждым днем все

ной. Мы нисколько поэтому не отрицаем той пользы, которую принесло бы повсемѣстное приложеніе его системы в смыслѣ улучшенія положенія рабочих, если бы только рабочим, вообще, что-нибудь могло пойти на пользу в современном обществѣ. Его цифры только подтверждают мысль анархистов, что при тѣх средствах, которыми располагает современная наука, можно было бы получать такое большое количество продуктов, что их даже не пришлось бы дѣлать, а каждый смог бы брать из общаго достоянія сколько ему будет нужно, соотвѣтственно его потребностям или желаніям; при этом обществу не грозило бы никакой опасности голода, — вопреки предсказаніям нѣкоторых мрачно-настроенных пессимистов, которые думают, что только им одним свойственна добродѣтель умѣренности. Они готовы сдѣлать нам уступку и признаются, что сами, конечно, обошлись бы без всякой власти, но считают эту власть все-таки необходимой для подавленія тѣх дурных инстинктов, которыми проникнуто все остальное человѣчество.

В маленькой брошюркѣ, озаглавленной «Продукты земледѣлія» один из наших товарищей показал, на основаніи официальных цифровых данных, что даже при настоящем, еще дѣтском, состояніи земледѣлія, общая сумма продуктов всего міра на много превышает цифру их потребленія. С другой стороны, Вилль доказывает, что при разумном пользованіи химическими веществами можно, не затрачивая лишняго труда, получать с земли в четыре или пять раз больше того, что она дает теперь. Развѣ это не блестящее подтвержденіе той мысли, которую мы всегда защищаем?

Но когда Вилль видит в своей системѣ разрѣшеніе социальнаго вопроса, когда он думает, что, благодаря изобилію продуктов, они станут настолько дешевыми, что рабочій сможет жить так, чтобы мало тратить и дѣлать сбере-

женія, — он вполне ошибается. Если бы Вилль читал буржуазных экономистов, хотя бы того же Молилари, то он узнал бы, что «избыток продуктов на рынкѣ приводит к такому паденію цѣн на них, что их производство перестает быть выгодным для капиталистов и капиталы отливают от этой отрасли производства, пока не возстановится равновѣсіе и не вернется прежнее положеніе».

Если бы Вилль не был так поглощен своими учеными расчетами, а сколько-нибудь отдавал себѣ отчет в функционированіи общественнаго механизма, он увидел бы, что, несмотря на огромный избыток производства над потребленіем, в нашем современном обществѣ люди буквально умирают с голоду, что самые лучшіе теоретическіе расчеты на практикѣ приводят к результатам совершенно иным, чѣм от них ожидали. Природа, несомнѣнно, может, при помощи человѣческаго ума и человѣческаго труда, доставить дешевые продукты в количествѣ, достаточном для прокормленія всего человѣчества; но, благодаря торговлѣ и ажіотажу, собственники и капиталисты найдут всегда средство получить желательную сумму барыша: они уменьшат количество продуктов на рынкѣ, чтобы имѣть возможность продавать их дороже, а в случаѣ надобности — помѣшают их дальнѣйшему производству, чтобы создать фиктивно-высокія цѣны и удержать их на том уровнѣ, который кажется им желательным по их жадности и по их привычкѣ к роскошной и празднои жизни.

Возьмем, на примѣр, уголь — продукт совершенно готовый; который остается только извлечь из земли; залежей его так много, что онѣ встрѣчаются на всем земном шарѣ и могут удовлетворить неограниченное число потребителей. А между тѣм цѣна его стоит довольно высоко, так что далеко не всѣ могут пользоваться топливом в том количествѣ, какого требует температура; изобиліе продукта не дѣлает его, слѣдовательно, болѣе доступным для рабочих.

ко, что этот идеал получил свое ясное выраженіе только теперь, а раньше был не больше, как смутным и неопредѣленным стремленіем.

Вы признаете сами, что наш идеал прекрасен; вы соглашаетесь и с тѣм, что для его осуществленія нужно только, чтобы люди дѣйствительно захотѣли этого и выучились поступать соотвѣтственно. Этого с нас пока довольно. Пусть только всѣ тѣ, которые стремятся к этому идеалу, распространяют свои идеи, организуются в группы, держатся сплоченно между собою, а затѣм, когда у них будет достаточно сил, чтобы избавиться от стѣсняющих их учреждений, пусть устроят свою жизнь сообразно своим влеченіям и симпатіям.

Мы хотим быть свободными, и нам нѣтъ никакого дѣла до трусливых рабов, которые боятся потерять свои окопы и продолжают жаться к своим господам; нам нечего обращать вниманія на их жалобы, тѣм болѣе, что они перейдут на нашу сторону, как только побѣда окажется за нами. Мы хотим быть свободными и пусть тѣ, кто еще нуждается в господах, устраиваются как хотят; да, впрочем, они обыкновенно провозглашают необходимость власти только для других.

Эмпирики именно тѣ, которые хотят уничтожить послѣдствія, не дотрогиваясь до причин, которые предлагают нам успокаивающія средства, когда нам нужен нож хирурга, которые хотят усыпить больного, в надеждѣ, что его излѣчит сама природа, между тѣм как небольшая операція вѣрно и быстро избавила бы его от болѣзни.

Удивительно, как часто люди успокаиваются словами и какой вѣс вдруг принимают разнаго рода софизмы, когда рѣчь идет о сохраненіи рутини, о борьбѣ с нововведеніями. Нужно двигаться вперед потихоньку и ощупью, — говорят нам, и при этом совершенно забывают, что подобнаго рода несмѣлыя попытки длятся (даже если взять однѣ только

нам, вмѣсто всяких доводов, отвѣтят выраженіем ряда опасеній. «В виду недостатков человѣческой природы» скажут нам, «можно опасаться, что люди захотят злоупотребить предоставленной им свободой и перестанут работать»; или: «раз не будет регулирующей власти, может случиться, что болѣе сильные станут эксплуатировать болѣе слабых» и т. д.

Анархисты доказывают, что всѣ эти опасенія напрасны; они говорят, что злая воля личностей и недостатки их характера развиваются и поощряются именно современной общественной организаціей, которая вооружает людей друг против друга, заставляя вести их борьбу за возможность достать себѣ пропитаніе, которое общество доставляет им по большей части очень скупо.

Кромѣ того они говорят — и доказывают, — что всякая общественная организація, основанная на власти, должна неизбежно повести к вредным послѣдствіям, потому что власть будет находиться в руках людей, которым свойственны тѣ же недостатки, как и всѣм остальным, а раз люди не умѣют управлять сами собою, то они еще меньше сумѣют управлять другими.

Остается еще послѣднее возраженіе, это — что анархизм до сих пор не доказал своей осуществимости и должен навсегда остаться в области заоблачных мечтаній, потому что он не может осуществиться без насильственного переворота, а послѣдній совершенно нежелателен. Но это возраженіе не выдерживает критики.

Неужели же, только потому, что наши предшественники позволяли себя эксплуатировать, мы должны тоже терпѣть эксплуатацію? Неужели, если они позволили поработить себя государству, то и мы должны нести иго власти? Нѣтъ, мы вовсе не хотим отказываться от своего идеала свободы и справедливости, или ждать с его осуществленіем, пока не будет больше трусливых рутинеров, — ради того толь-

А зависит это от того, что копи захвачены сильными предпринимательскими компаніями, которыя ограничивают производство и, кромѣ того, скупают, ради уничтоженія конкуренціи, мелкія копи, принадлежащія другим владѣльцам, предпочитая совершенно не эксплуатировать их, чѣм завалить рынок товарами, потому что это понизило бы цѣны и уменьшило таким образом доходы.

То же самое происходит и с землею. Каждый день мы видим, как земля мелкаго собственника, разоряемаго ростовщиками, переходит в руки капиталиста: с каждым днем крупная собственность все разрастается. Распространеніе земледѣльческих машин должно, кромѣ того, привести к образованію земледѣльческих синдикатов, т. е., к образованію таких же анонимных обществ, какія господствуют в эксплуатаціи фабрик и копей.

Если можно будет получать от земли вчетверо или впятеро больше продуктов, чѣм теперь, то от этого произойдет только то, что площадь обрабатываемой земли сократится, а все остальное будет обращено в мѣста для охоты или в парки, служащія только как предмет роскоши для наших эксплуататоров. Это начинается теперь во Франціи и давно уже сдѣлано англійскими лордами в Шотландіи и Ирландіи, гдѣ населеніе вытѣсняется и уступает мѣсто оленям и лисицам, агонія которых должна служить развлеченіем для шикарной публики — такой же публики, как та, которая апплодировала лекціям Вилля и его филантропическим соображеніям.

Общество наше устроено так, что тот, кто владѣет капиталом, является господином всего міра. Движеніе продуктов в обществѣ происходит при помощи капитала, а потому от этого послѣдняго зависит все. Всякое усовершенствованіе, всякій шаг вперед, сдѣланный человѣческим трудом, промышленностью или наукою — все это обращается в пользу тѣх, кто и так уже владѣет всѣм; все это

становится лишь новым орудіем эксплуатаціи, еще ухудшающим ужасное положеніе тѣх, кто ничѣм не владѣет.

Усовершенствованія в производствѣ только дѣлают рабочих все менѣе и менѣе нужными для капиталиста, усиливают конкуренцію между ними и заставляют их продавать свой труд за болѣе низкую плату. Вы мечтаете быть полезным для рабочих, а существующая общественная организація дѣлает так, что вы только содѣйствуете их большей эксплуатаціи и еще больше скрѣпляете сковывающую их цѣпь.

Да, г. Вилль, ваша мечта прекрасна: содѣйствовать увеличенію числа продуктов, так, чтобы каждый мог быть сытым, сдѣлать так, чтобы рабочій мог скопить хоть нѣсколько грошей, чтобы оградить себя от всевозможных случайностей будущаго — это, конечно, еще не идеал, но нельзя и требовать большаго от человѣка, который по самому своему положенію огражден от всѣх физических и нравственных бѣдствій, грозящих обездоленной массѣ. Это, во всяком случаѣ, очень хорошо, но увы! это останется мечтой до тѣх пор, пока вы не разрушите существующую систему эксплуатаціи, благодаря которой всѣ заманчивыя обѣщанія превращаются в лживыя и обманчивыя иллюзіи. У капитализма в распоряженіи есть много сил, и если мы даже допустим, что изобиліе продуктов дѣйствительно понизит их цѣны до такой степени, что рабочій сможет сберегать часть своего заработка, то тогда явится другой фактор, о котором вы сами упомянули — рост населенія.

В настоящее время промышленный рынок завален товарами; вмѣстѣ с тѣм, вслѣдствіе развитія машин, с каждым днем увеличивается число рабочих без работы. Чтобы найти работу, им остается только одно средство: взаимная конкуренція и пониженіе заработной платы. А так как механической прогресс идет все быстрѣе и быстрѣе, и уже теперь один человѣкъ может производить все, что

Мы сталкиваемся с этими реформами с тѣх самых пор, как существует всеобщее избирательное право, потому что онѣ постоянно являются в избирательных программах политических партій. Реформы эти таковы, что до тѣх пор, пока онѣ не вышли из области проэктв, онѣ обѣщают погрузить рабочаго в океан блаженства; но стоит только им перейти в жизнь, как онѣ в лучшем случаѣ оказываются не приводящими ни к каким замѣтным результатам, а иногда и прямо становятся лишним орудіем порабощенія и эксплуатаціи в руках правящих классов.

Дѣло в том, что современное общество устроено так, что все, что в нем дѣлается прекраснаго и полезнаго, попадает, в концѣ концов, в руки обладателей капитала. Какое-нибудь новое изобрѣтеніе служит только тому, кто имѣет средства его эксплуатировать; какое-нибудь усовершенствованіе, благодаря которому можно производить предметы быстрѣе и экономнѣе, окажется выгодным только для капиталиста, который уменьшит вслѣдствіе этого число рабочих. Часть этих рабочих окажется выброшенной на улицу и увеличит собою армію умирающих с голоду безработных; другая же будет попрежнему истомляться на той же долгой работѣ, а ея заработок даже упадет вслѣдствіе конкуренціи тѣх, которые окажутся выброшенными за борт.

Вот что нам показывает опыт, вот что нам дали всѣ испробованныя реформы и вот тѣ неотразимые аргументы, которые мы выставляем против всѣх подобных проэктв. Мы можем поэтому с полным правом возвратить упрек в эмпиризмъ тѣм, кто говорит, что анархическія идеи не основываются на опытных данных.

Самое главное возраженіе против анархистов всегда ставилось, впрочем, в такой формѣ: «Конечно, ваши теоріи прекрасны, но онѣ неосуществимы». Но это — не аргумент. Почему же онѣ неосуществимы? спросим мы, а на это

Раз причина болѣзни извѣстна, пусть лучше нож оператора извлечет злокачественную опухоль и уничтожит ее в корнѣ; хирургія каждый день подает нам примѣр смѣлаго удаленія членов или органов атрофированных, паразитных, зараженных гангреной, или вообще могущих стать причиной осложнений. Почему же мы должны колебаться в уничтоженіи того, что всѣми — за исключеніем тѣх, кому существующій порядок выгоден — признано дурным и вредным?

Мы знаем, что на это нам возразят, что с обществом нельзя обращаться как с отдѣльной личностью, что послѣдняя может погибнуть незамѣтно, тогда как общественный переворот может повести к гибели или к шагу назад для всего человѣчества. Затѣм, мы услышим опять о преимуществах медленнаго, постепеннаго дѣйствія посредством проведенія ряда реформ. И это называется опытным методом!

Что бы не говорили наши противники, но эмпириками являются именно они, и их опыт, которым они пользуются уже цѣлыя столѣтія — всѣ их частичныя преобразованія и починки — показывает нам только, что единственныя полезныя реформы, это — тѣ, которыя разрушают самыя учрежденія, лежащія в основѣ общественнаго строя. Но разрушеніе учреждений, это — революція, потому что буржуазія, имѣющая в своих руках власть, будет, пока эта власть у нея, защищать свое существованіе и поддерживающій его порядок вещей. Если только она замѣтит, что всеобщее избирательное право стремится отнять у нея власть, она тотчас же постарается удержать напор народных волн и пустит в ход и чиновничество, и суд, и полицію, и войско. Она позволит только тѣ реформы, которыя не затрогивают учреждений, служащих опорой для ея привиллегій, допустит к употребленію только тѣ лѣкарства, которыя стремятся лишь облегчить болѣзнь, а не уничтожить ея причины.

нужно для потребленія десятерых, то при удвоеніи населенія количество произведенныхъ продуктовъ увеличится в двадцать раз; при этом то изобиліе, которое должно было послужить на пользу рабочих, послужитъ исключительно на увеличеніе барышей капиталиста, который будет платить своимъ рабочимъ тѣмъ меньшую плату, чѣмъ в большемъ числѣ они окажутся на рабочемъ рынкѣ.

Вы говорите, что требованія рабочихъ до извѣстной степени законны — лишь бы только они не принимали насильственной формы; но подумали ли вы о том, что рабочіе борются уже цѣлыя тысячелѣтія, что ихъ никогда не удовлетворявшіяся требованія появились вмѣстѣ с зарожденіемъ исторической жизни? Если они и выливаются в рѣзкую форму, то только потому, что имъ не даютъ никакого удовлетворенія. Неужели же рабочіе должны безконечно стоять на колѣняхъ передъ своими эксплуататорами и благодарить ихъ, когда они знаютъ, что если имъ и удавалось чего-либо достигнуть, то они должны были предварительно сломить волю своихъ господ, и взять силой ту свободу, къ которой стремились. Правящіе классы смотрятъ на насъ, какъ на рабовъ и потому совершенно естественно, что они презрительно говорятъ: «Изложите вашу просьбу в вѣжливой формѣ и мы посмотримъ, сможемъ ли мы ее исполнить»; но мы, которые видимъ в освобожденіи рабочихъ не уступку, а актъ справедливости, скажемъ просто: «Мы требуемъ этого!» Если же какимъ-нибудь баричамъ этотъ тонъ не понравится, то какъ имъ будетъ угодно.

В давящемъ насъ строѣ все тѣсно связано одно с другимъ и для достиженія желаемыхъ результатовъ однихъ хорошихъ намѣреній еще недостаточно; пока не уничтоженъ этотъ строй, никакое улучшеніе невозможно. Онъ существуетъ исключительно с цѣлями эксплуатаціи и угнетенія, а мы не хотимъ улучшать ни того, ни другого: мы хотимъ совсѣмъ ихъ уничтожить.

Это — естественный вывод, к которому неизбежно придет всякий, кто сумеет подняться над узкой точкой зрения и охватить вопрос в его целом; он поймет, что революции зависят не только от воли людей, но и от того, что существующие учреждения преграждают путь прогрессу, и увидит, что он — явление необходимое и неизбежное.

Пусть все, кто искренно хочет служить человечеству, усвоят себе раз навсегда ту мысль, что даже в интересах их собственных планов, они не должны враждебно относиться к Революции, не должны противодействовать ей. Только она одна может помочь им достигнуть цели, потому что только она может помешать общественным паразитам убить прогресс в самом зародыше, или обратить его в свою пользу.

Реформы, реформы! Когда же, наконец, люди поймут, что они употребляют на достижение их свои лучшие силы, никогда ничего не достигая, что пора уже им перестать бороться за эти утопии — гораздо более опасная, чем мысль о полном освобождении, потому что единственный упрек, который можно сделать последней — упрек в неосуществимости — ни на чем не основывается, потому что такой попытки никогда еще не было сделано, тогда как, чтобы убедиться в бесполезности любой реформы, стоит только посмотреть на ее осуществление на практике.

Анархистов упрекают в том, что они служат помехой мирному освобождению рабочих, что они отрицают всякие реформы. Но в этом заключается двойная ошибка: анархисты вовсе не противники реформ, они возстают вовсе не против них, а против тех ложных обещаний, которые возводят в цель то, что, в действительности, есть в лучшем случае лишь плата на старой вещи, а то и простой обман.

Пусть те, кто верит в реформы, стараются об их осуществлении; мы не имеем против этого ровно ничего, даже напротив: чем больше буржуазное общество их испробует,

называется революцией. Иногда старые рутинеры называют новаторов сумасшедшими, оригиналами, и обвиняют их в том, что они подвергают опасности жизнь больного и не считаются с целым рядом самых вероятнейших гипотез. И эта вражда будет преследовать их до тех пор, пока достигнутые и много раз повторившиеся результаты не заставят, наконец, замолчать рутинеров, не врывающихся ни во что, кроме формул, почерпнутых из прошлого.

Врач, пробующий новый метод лечения, делает в маленьких размерах то, что анархисты хотят сделать в больших, по отношению к целому обществу. Когда он оставляет торную дорогу рутины и пытается приложить новые научные данные, то, если только он уверен в своих знаниях, в своей подготовке, в верности своих наблюдений, ему нечего заботиться о преследующих его враждебных криках ретроградов.

То же можно сказать и в социологии. Виноваты ли анархисты, если наше общество устроено так, что люди не могут делать того, что хотят, не наталкиваясь на какой-нибудь запретительный закон, на какую-нибудь центральную власть, которая уверяет, что знает лучше самих заинтересованных лиц что им нужно, которая хочет заставить их делать то, что, с ее точки зрения, для них полезно и помешать тому, что кажется ей вредным? Общество устроено так, что, чтобы из него выйти, его прежде нужно разрушить; в таком случае, буржуазии нечего жаловаться, когда, в своем стремлении к свободе, люди хотят устранить существующие их учреждения.

Пользование опытным методом предполагает переход от теории к практике; но даже при самых точных расчетах в каждом опыте останется всегда известная доля непредвиденного, которую робкие умы и изберут как предлог для отрицания всякого нововведения. Неужели же мы должны осудить себя на застой ради удовольствия рутинеров.

Люди хотѣли уничтожить послѣдствія, нисколько не за-
даваясь вопросом о причинах и не затрагивая их; мѣнялся
только правительственный ярлык, производилась нѣкото-
рая очистка в составѣ должностных лиц; когда же оказыва-
лось, что то зло, на которое жаловались раньше и от котора-
го надѣялись избавиться, снова всплывало, послѣ ничтож-
наго перерыва, и продолжало существовать попрежнему,
как будто бы никаких измѣненій не произошло, то всѣ
начинали удивляться.

Современная медицина поняла, что лучшее средство бо-
роться с болѣзнями, это — предупреждать их, уничтожая,
при помощи разумной гигиены, тѣ причины, которыя их
вызывают. Анархисты хотят примѣнить ту же точку зрѣнія
и к общественной гигиенѣ. Они поставили вопрос о причи-
нах болѣзней, от которых страдает современное общество,
нашли их источники и, отказавшись от мысли о всеоб-
щих панацеях, которыя они предоставляют политическим
шарлатанам, говорят людям, на основаніи сравнительнаго
изученія различных существующих систем и реформ:

«Корень того зла, от котораго вы страдаете, лежит в дур-
ной общественной организаціи; власть и капитал — вот
двигатели той машины, которая вас давит. Вы можете
сколько угодно мѣнять в ней колеса, преобразовывать и
улучшать их; функція этой машины — раздавить вас, и
вы будете непременно раздавлены, если не уничтожите
самую машину, с тѣми двигателями, которые доставляют
ей всю ея силу, — властью и капиталом. Если вы не хотите
терпѣть послѣдствій, уничтожьте самую причину».

Когда, послѣ долгих исканій, физиологи открывают ис-
точник такой болѣзни, которая прежде была извѣстна толь-
ко в ея послѣдствіях, то может случиться, что все лечебное
искусство окажется от этого перевернутым: больному бу-
дет предписываться то, что прежде запрещалось, и, наобо-
рот, запрещаться то, что предписывалось; в политикѣ это

тѣм скорѣе рабочіе увидят, что онѣ ни к чему не ведут.
Но напротив чего мы возстаем, это когда их изображают
каким-то всеисцѣляющим средством, когда рабочим го-
ворят: «Ведите себя смиренно, тихо и спокойно, а тогда мы
посмотрим, что можно для вас сдѣлать!»

Тогда-то мы, понявшіе, что реформы бесполезны и что
эксплуататоры, вообще, занимают мѣсто, по праву им не
принадлежащее, мы говорим рабочим: «Вас обольщают
ложными надеждами; всѣ эти реформы — ничто иное, как
обман. Кромѣ того, вас хотят заставить просить их, как
милостыни, тогда как вы имѣете право требовать гораз-
до большаго. Если вы хотите испробовать предлагаемыя
вам средства, это — ваше дѣло; но знайте заранее, что они
нисколько не будут содѣйствовать вашему освобожденію.
Поэтому, не оставайтесь долго в том заколдованном кругѣ,
в который вас хотят вовлечь, а организуйтесь для того, что-
бы завладѣть всѣм, на что вы имѣете право. Пусть тѣ, кто
не может поспѣшить за общим движеніем, продолжают,
если хотят, поддаваться обману; вы же знайте, что револю-
ція уже надвигается на вас с своей грозной силой, что ее
порождает сам наш общественный строй и что она волей
неволей вынудит вас взяться за оружіе, чтобы заставить
признать ваше право на существованіе. А раз у вас окажет-
ся оружіе в руках, то не будьте же настолько глупы, чтобы
удовольствоваться какими-нибудь реформами, которыя
оставят нетронутым самый корень зла. Вот — то, что у вас
отняли, вот — идеал, к которому вы должны стремиться;
теперь уже ваше дѣло не останавливаться на пустяках и
сумѣть нанести рѣшительный удар тому подгнившему и со
всѣх сторон разрушающемуся зданію, которому еще рѣша-
ются давать названіе Общества! Не старайтесь подпирать
его, или накладывать на него заплаты; наоборот, очистите
мѣсто сразу, чтобы потом вам не было помѣх в построеніи
новаго, лучшаго общества».

Глава XX

Экспериментальный метод

Когда противникам — добросовѣстным, конечно — анархических идей приходится признать всѣ недостатки нашего общественнаго строя и согласиться с нами, что этот строй нуждается в преобразованиях и что всѣ средства, предлагавшіяся для этого до сих пор, ни к чему не привели, они думают, что дѣлают нам этим громадную уступку. Затѣм, они с полной искренностью начинают искать новых средств для достиженія той же цѣли, а иногда и доходят до признанія того, что анархическое общество — самый высокій идеал, который только можно поставить как цѣль человѣческой эволюціи.

Но здѣсь является затрудненіе: под вліяніем предразсудков, унаслѣдованных от предков и поддерживающихся воспитаніем, средою и инертностью характера, они спѣшат прибавить, что идеал этот неосуществим и навсегда останется в области умозрѣній.

«Как бы общество не было плохо», говорят они, «оно все-таки обезпечивает нам нѣкоторую безопасность, некоторую возможность прогресса, которую революція может у нас отнять. Постараемся лучше усовершенствовать то, что у нас есть; это — путь медленный, но вѣрный».

Если им возразят на это, что есть люди, которые страдают и гибнут от этой якобы-безопасности, от этой якобы-цивилизациі, то они легко согласятся, что буржуазная эксплуатациа, дѣйствительно, возмутительна, что ея вполне

оправдываются всѣ протесты эксплуатируемых; нѣкоторые даже признают, что революція неизбежна, но поспѣшат прибавить, что это очень печально, потому что она может потерпѣть поражение и отбросить нас далеко назад.

«Опредѣлить болѣзнь», говорят они, «конечно нетрудно, но другое дѣло вылѣчить ее. В социологіи же затрудненіе еще гораздо значительнѣе, потому что здѣсь это искусство находится еще в періодѣ дѣтства. Привести к каким-нибудь результатам здѣсь может только рационально-приложенный опытный метод, а анархическія идеи не заключают в себѣ ничего научнаго: это — продукты чистаго умозрѣнія, вытекающіе из очень похвальных чувств, но нисколько не основывающіеся на опытѣ».

С перваго взгляда это разсужденіе кажется вполне логичным; оно даже оказывается совершенно вѣрным в том случаѣ, когда данную болѣзнь знают только по ея внѣшним признакам, а самыя причины ея остаются неизвѣстными. Но когда источник болѣзни открыт, то способ лѣченія ея указать уже не трудно. Если до сих пор медицина колебалась и переходила наугад от одного средства к другому, то это зависѣло от того, что, хотя дѣйствіе даннаго лѣкарства на данное явленіе организма и было извѣстно, но так как одно и то же патологическое явленіе может происходить от различных причин, то лѣченіе, полезное в одном случаѣ, могло оказываться бесполезным или вредным в другом. Вот почему медицина была до нашего времени скорѣе эмпирическим искусством, чѣм наукою. В общественной терапевтикѣ, гдѣ существовали такіе же пробѣлы и такое же незнаніе, люди точно также дѣлали ряд никогда неудавшихся революцій, пытались вводить реформы, никогда не приводившія ни к каким результатам, переходили от одной системы к другой — и все-таки не могли помѣшать ни росту бѣдности, ни эксплуатациі народных масс.